
135
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 52 ДЕКАБРЬ 1979

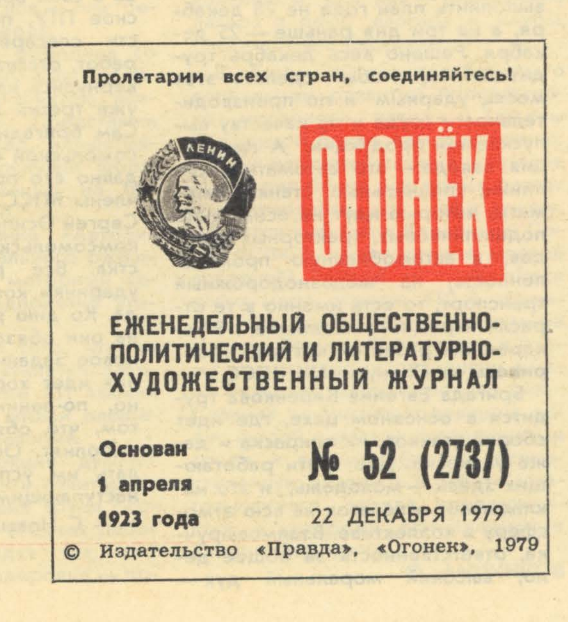
1870 - 1980

Приближается 110-я годовщина со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Титан научной мысли и подлинно народный вождь, пламенный революционер, создатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства, Ленин посвятил всю свою яркую, героическую жизнь великому и благородному делу—борьбе за социальное освобождение пролетариата и всех угнетенных масс, за счастье людей труда...

Непреходящее значение ленинизма состоит в том, что он глубоко и точно выражает интересы рабочего класса, всех трудящихся, потребности всемирного социального прогресса, позволяет вырабатывать правильные ответы на самые жгучие, жизненные вопросы современности, учит смелому, творческому решению назревших проблем, вооружает научным пониманием перспектив общественного развития. Богатейшее идейное наследие Ленина, революционно-критический дух его учения, последовательность и твердость в защите коренных принципов марксизма от оппортунистических искажений, вся его жизнь служат неиссякаемым источником революционной мысли и революционного действия для современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

Из постановления ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Памятник В. И. Ленину в Кремле.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Опубликованное в печати постановление ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» — еще одно убедительное свидетельство торжества ленинизма. Дело Ленина, его грандиозные замыслы воплощаются в жизнь.

В стране идет социалистическое соревнование трудовых коллективов — ознаменовать 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича досрочным выполнением заданий пятилетки. О делах одного такого коллектива рассказывает наш корреспондент.

Этот снимок сделан на Московском заводе автоматических линий имени 50-летия СССР накануне Нового года. Комсомольско-молодежная бригада слесарей Евгения Киренкова только что закончила план года. У ребят есть все основания для хорошего настроения.

После ноябрьского (1979 г.) Пленума ЦК КПСС, после выступления Генерального секретаря ЦК нашей партии Л. И. Брежнева на заводе было проведено общее собрание, принявшее обязательство выполнить план года не 28 декабря, а на три дня раньше — 25 декабря. Решено весь декабрь трудиться так, чтобы сделать этот месяц ударным и по производительности труда и по качеству выпускаемой продукции. А продукция завода — это автоматические линии, специальные станки, автоматы, которые идут на оснащение подшипниковых, тракторных заводов, в автомобильную промышленность, на железнодорожный транспорт, то есть именно в те отрасли народного хозяйства, об ускоренном развитии которых говорилось на Пленуме ЦК КПСС.

Бригада Евгения Киренкова трудится в основном цехе, где идет сборка станков, их покраска и даже упаковка. Две трети работающих здесь — молодежь, и это накладывает отпечаток на всю атмосферу в коллективе. Взаимовыручка, ответственность за общее дело, высокий моральный дух — черты, которые в полной мере характеризуют коллектив сборочного.

И вот результат — цеху первому на заводе присвоено звание образцового, звание цеха коммунистического труда, цеха высокой культуры производства. Более половины продукции сдается со Знаком качества. Это требует особой ответственности от ребят, требует тщательности, мастерства при выполнении каждой операции. Все члены бригады Евгения Киренкова в свое время закончили заводское ПТУ, получили специальности слесарей механо-сборочных работ, отслужили в армии и снова вернулись на родной завод. И вот уже третий год работают вместе. Сам бригадир — член бюро комсомольской организации цеха, недавно его приняли кандидатом в члены КПСС. Молодой коммунист Сергей Осипов избран секретарем комсомольской организации участка. Все ребята в бригаде — ударники коммунистического труда. Ко дню рождения В. И. Ленина они обязались выполнить плановое задание пятилетки. И всё у них идет хорошо, трудятся ударно, по-ленински. Всё говорит о том, что обязательство свое они выполнят. Остается только пожелать им успеха и поздравить с наступающим праздником.

— С Новым годом, ребята!

В. АЛЕКСЕЕВ

На снимке: Вячеслав Тихонов, Сергей Максимов, Николай Сорокин, бригадир Евгений Киренков и Сергей Осипов. Фото Э. Эттингера

УДАРНО, ПО

Во время встречи. **Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).**

17 декабря в Кремле состоялась встреча делегации КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и делегации Коммунистической партии Японии, возглавляемой Председателем Президиума ЦК КПЯ К. Миямото.

Участники встречи обменялись мнениями по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес для обеих партий. Были рассмотрены актуальные международные проблемы, вопросы отношений между КПСС и КПЯ, перспектив развития отношений между СССР и Японией. В ходе встречи, проходившей в теплой, товарищеской атмосфере, выявилась общность взглядов двух партий по основным проблемам современности. Стороны высказались за тесное сотрудничество КПСС и КПЯ в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

В переговорах приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, члены ЦК КПСС В. Г. Афанасьев и П. Н. Федосеев, кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р. А. Ульяновский, заведующий сектором Международного отдела ЦК КПСС И. И. Коваленко; с японской стороны — заместители Председателя Президиума ЦК КПЯ К. Уэда и Т. Нисидзава, член постоянного бюро Президиума ЦК КПЯ, заместитель председателя Секретариата ЦК КПЯ М. Канэко, члены Президиума ЦК КПЯ Т. Сакаки и Х. Татики, член ЦК КПЯ С. Уно.

–ЛЕНИНСКИ

Татьяна Бородина в экспериментальном цехе.

БЕСЕДА ПРОПАГАНДИСТА

В том, что голос Татьяны Бородиной знаком каждому человеку из многотысячного коллектива Ярославского ордена Ленина моторного завода, нет ничего удивительного: вот уже восемь лет, с тех пор, как окончила факультет журналистики МГУ, она работает редактором заводского радио и сама ведет передачи. Но великое множество людей знает ее и в лицо и слушает не через радиодинамик. И она знает очень многих, потому что общается с людьми не только по роду своей профессии, собирая материал для очередной передачи или для репортажа в газету: Татьяна Бородина — пропагандист.

Эту нагрузку ей нести и трудно и легко. Трудно потому, что всякую беседу с рабочими в цехах надо сделать особенной, интересной по форме. Легко потому, что она — коренная ярославская, у нее за плечами одиннадцатилетний партийный стаж; заботы людей, с которыми она разговаривает, ей близки и понятны.

Будь пропагандист хоть тысячу раз златоустом, слушатели останутся равнодушными, если он толкует им об отвлеченных материях. А у Бородиной всегда есть под рукой факты, которые красноречивее любых слов — она берет их из жизни завода.

О чем беседует Бородина со своими слушателями? Круг проблем и вопросов необъятен, всего не перечислишь. Представим себе одну из бесед, иллюстрацией к которой послужат фотографии, опубликованные на обложке этого номера.

Тема: «Объединение «Автодизель» в плане социального развития» (Ярославский моторный завод — головное предприятие этого объединения).

Начать можно с того, что за три года десятой пятилетки заводом построено свыше 131 тысячи квадратных метров жилой площади и большое общежитие.

На заводе постоянно думают над тем, как улучшить санитарно-гигиенические условия труда, особенно для женщин. В цехах рабочие постоянно видят тех, кто заботится об их здоровье — подобно работникам заводской промышленно-санитарной лаборатории Нине Солодовниковой и Ольге Лебедевой, которых фотообъектив запечатлел в момент, когда они замеряли уровень шума.

В распоряжении моторостроителей прекрасно оборудованная поликлиника, больница, 27 здравпунктов, профилакторий.

На заводе ведется планомерная работа за уменьшение доли ручного труда, вводятся новые автоматические и механизированные поточные линии, появляются совершенные станки-автоматы, агрегатные станки.

Что касается досуга и духовных потребностей, то у моторостроителей есть великолепный Дворец спорта и Дворец культуры и техники, академический хор при нем, танцевальный ансамбль «Волжанка», детский ансамбль «Счастливое детство», театр юных зрителей, театр советской поэзии, библиотека на 250 000 томов.

Отпуск моторостроители со своими семьями проводят по выбору — или в заводском санатории в Ялте, или на базе «Лесное», или в других домах отдыха.

И, конечно, особая забота — о детях. Для них — специальные комбинаты, для них — пионерские лагеря и дачи, дворцы и клубы, плавательные бассейны.

В общем, фактов для беседы о социальном развитии Ярославского моторного завода у Татьяны Бородиной более чем достаточно.

Круг животрепещущих вопросов и тем для бесед все время растет и обновляется, как сама жизнь. Близятся выборы в Верховный Совет РСФСР, через четыре месяца советский народ и трудящиеся всего мира отметят 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Подготовка к этому всенародному празднику имеет большую мобилизующую силу. Славная ленинская годовщина зовет людей к новым свершениям в труде, и потому обретает первостепенную важность в работе многотысячного отряда пропагандистов, к которому принадлежит и Татьяна Бородина.

О. АННИНКОВ

Во время открытия конференции.

МЫ — ЗА МИР

х было очень много в этом зале — около тысячи посланцев всех республик, краев и областей нашей страны собрались в Москве, чтобы на Всесоюзной конференции сторонников мира вновь заявить о своей верности идеалам благородной борьбы за лучшее будущее всего человечества, верности делу мира во всем мире.

12 декабря. Колонный зал Дома союзов. В президиуме конференции — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, передовики труда, видные деятели науки и культуры, представители общественных, партийных и советских организаций. Здесь же — делегация Всемирного Совета

Ромеш Чандра в кругу советских друзей.

Мира, возглавляемая президентом ВСМ Ромешем Чандрой. Всесоюзный форум борцов за мир начинает работу.

Мы собрались здесь, сказал выступивший с отчетным докладом председатель Советского комитета защиты мира академик Е. К. Федоров, чтобы подвести итоги проделанной работы, наметить пути дальнейшего участия нашего движения в борьбе за мир, за исключение войны из жизни человечества, за мирное сосуществование и сотрудничество между странами и народами, против национального угнетения и расовой дискриминации... Наиболее ответственная и важная задача, которая стоит сегодня перед советскими сторонниками мира, всей мировой общественностью,— добиться прекращения губительной гонки вооружений, перейти к реальному сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению.

Да, нельзя усомниться в актуальности этой задачи. Ведь именно в тот день, когда с трибуны Колонного зала звучали страстные призывы добиться дополнения политической разрядки военной, в Брюсселе натовцы спешно протаскивали на сессии совета агрессивного Североатлантического блока решение о производстве и размещении на территории ряда западноевропейских стран новых американских ядерных ракет, что означает возобновление гонки вооружений.

Участники Всесоюзной конференции сторонников мира отмечали необходимость дальнейшей активизации борьбы против авантюристической политики агрессивных сил империализма и мировой реакции. «Вся наша деятельность,— подчеркнул президент Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра,— должна быть направлена на то, чтобы не допустить осуществления зловещих намерений стратегов НАТО. Ярким примером подлинного стремления к разоружению явились новые инициативы, выдвинутые Леонидом Ильичом Брежневым в Берлине. Наш лозунг сегодня и в будущем следующий: отвергнуть планы США, не допустить осуществления этих планов, ни одной новой американской ракеты на европейском континенте!»

Но только ли Европе угрожают безумные планы ядерных маньяков? "У нас на Ближнем Востоке,— рассказал вице-президент ВСМ, генеральный секретарь Национального совета мира и солидарности Ирака Азиз Шериф,— есть свои проблемы. Однако мы полностью отдаем себе отчет, что успех нашей борьбы против происков империализма в регионе не в последнюю очередь зависит от расстановки сил в глобальных масштабах. Арабские сторонники мира выступали и будут выступать на стороне сил мира и прогресса, возглавляемых нашим верным другом — великим Советским Союзом, потому что их победа — это наша победа. В то же время все мы хорошо знаем цену «миролюбию» США и их союзников — это особенно очевидно сейчас, когда империализм создает новую серьезную угрозу миру и безопасности не только в Европе, но и в районе Персидского залива и Аравийского полуострова; когда он продолжает покровительствовать израильским агрессорам и всем врагам прогресса и мира. Вот почему арабские сторонники мира преисполнены решимости бороться против империализма, на каком бы континенте он ни пытался перейти в наступление».

...На трибуне сменяются ораторы, и все их выступления проникнуты глубокой убежденностью в победе разума над силами тьмы, в том, что над головами наших детей, ради которых мы отстаиваем мир на земле, всегда будет чистое и светлое небо.

Конференция завершилась единодушным принятием резолюции, в которой участники форума решительно высказались против планов ракетно-ядерного перевооружения НАТО и выразили полную поддержку новым советским мирным инициативам. С большим воодушевлением они направили приветственное письмо ЦК КПСС, в котором выразили глубокую признательность Коммунистической партии и Советскому правительству, лично товарищу Л. И. Брежневу за постоянную заботу и внимание, активную и всестороннюю поддержку деятельности миролюбивых сил.

А. ГРЕЧУХИН

Фото А. ГОСТЕВА

МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Михаил МИХАЙЛОВ

Когда поздно вечером 12 декабря министры иностранных дел и обороны стран НАТО принимали в брюссельском пригороде Эвере свое роковое решение, они не могли не понимать, на какой опасный, авантюристический путь встают.

Они были отлично осведомлены о мирных инициативах Советского Союза, изложенных товарищем Л. И. Брежневым, о советских предложениях сократить количество ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах СССР, если другая сторона откажется от размещения новых американских ракет в Западной Европе.

На столах натовских министров находилось коммюнике Варшавского Договора с призывом не предпринимать односторонних действий, которые осложнили бы обстановку на европейском континенте, и немедленно начать переговоры по вопросу о ракетах средней дальности.

Наконец сессия совета НАТО происходила в те самые дни, когда Советский Союз уже подал пример доброй воли,— он начал в одностороннем порядке вывод части своих войск и вооружений из ГДР на советскую территорию.

В этих условиях принятие в Брюсселе американского плана производства и размещения в Западной Европе 108 пусковых установок «Першинг-2» и 464 крылатых ракет, то есть качественно новых наступательных систем, нацеленных на советскую землю, носит особо вызывающий характер. Цель поставлена определенная: нарушить сложившееся равновесие сил, добиться военного превосходства и изменить таким образом всю военно-стратегическую обстановку в Европе. Естественно, СССР и его союзники сделают в интересах своей безопасности необходимые выводы из нежелательного развития событий.

В оговорки, которым отдана дань в документах сессии совета НАТО, не верят и сами их авторы. Это относится в первую очередь к утверждению о возможности «параллельно» вооружаться и вести переговоры о контроле над вооружениями. Такой возможности быть не может, ибо решение НАТО разрушило самую основу переговоров.

Следует отметить, что страны НАТО значительно наращивают также арсенал своих обычных вооружений.

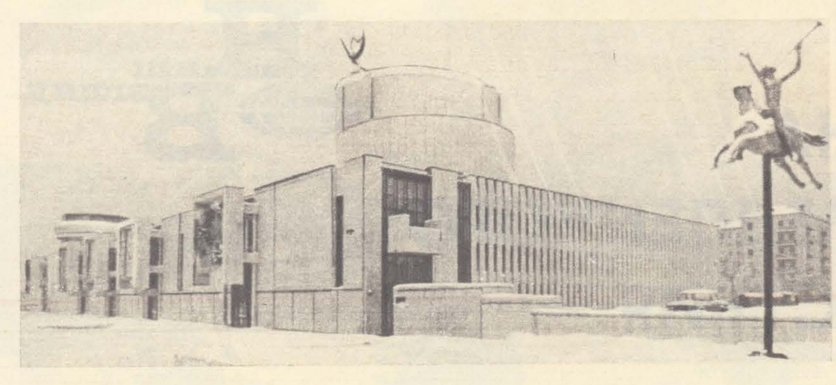
Что касается США, то президент Картер, выступая на днях в совете предпринимателей (!), «обещал», что военные расходы Соединенных Штатов, и ныне гигантские, будут еще возрастать в течение ближайших пяти лет. Во что бы то ни стало добиться военного превосходства, «позиции силы», возможности проводить политику гегемонизма (против которой по инициативе СССР решительно выступила только что Генеральная Ассамблея ООН), не только не способствовать, но и противодействовать военной разрядке — таков смысл планов американской администрации.

Если вновь обратиться к Европе, то характерно, что президент США включил в свою программу развертывание новых американских ракет среднего радиуса на западе континента еще до принятия формального решения об этом в Брюсселе. Чего, мол, церемониться! Впрочем, повод Вашингтону диктовать им свою волю дают и сами западноевропейские страны НАТО. Еще недавно некоторые из них обусловливали свое согласие на производство и размещение новых американских ракет ратификацией сенатом США советско-американского Договора ОСВ-2. Особенно громогласно об этом заявляли в Бонне. А теперь правящие круги ФРГ «забыли» не только эти свои речи, но и вместе с США предприняли в Брюсселе нажим на другие страны НАТО.

И все же требование Вашингтона о том, чтобы согласие на превращение Западной Европы в американский ядерный полигон было принято советом НАТО единогласно, осталось невыполненным. Согласие дали ФРГ, Англия и Италия. Последняя даже выразила готовность разместить на своей территории 160 крылатых ракет вместо 112, приняв и те 48 ракет, от которых отказалась Голландия. Полгода взяла на раздумье Бельгия. Выдвигали возражения против американского плана на сессии совета НАТО Норвегия и Дания. Сделала оговорки Турция. Оппозиция данному плану внутри НАТО свидетельствует не только о трещинах в этом блоке, о сомнениях по поводу целесообразности размещения в Западной Европе новых американских ракет, но и говорит о стремлении позитивно ответить на предложение стран Варшавского Договора о незамедлительном начале переговоров.

Можно с полной уверенностью сказать, что мирные инициативы Советского Союза и других государств — участников Варшавского Договора не только не утратили своей популярности после безрассудного решения, принятого в Брюсселе, но и все больше влияют на политическую атмосферу в Западной Европе. Небывалая волна протестов против нового витка гонки вооружений вывела многие тысячи демонстрантов на улицы западноевропейских городов. И всюду люди с презрением отвергают клевету о «советской угрозе», все яснее понимают значение последовательной борьбы за мир Советского Союза, всего социалистического содружества.

Эта борьба столкнулась с новыми трудностями. Но она продолжается. И ленинской партией, нашей Родиной, чья миролюбивая политика встречает растущую поддержку всех народов, будет сделано все, чтобы отвести от человечества угрозу ядерной войны.

Новое здание театра.

В фойе тоже много интересного.

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

МОСКВА

ДЛЯ ЮНЫХ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОПЕРЫ

Дом сказки? Нет, это еще и Дом музыки. Дом красоты. Точнее, новый дом единственного пока что в мире детского музыкального театра, которым многие годы руководит Наталья Ильинична Сац; она же возглавляет и всемирную Ассоциацию деятелей искусства, работающих для детей.

После радостного, шумного и веселого праздника открытия театр начнет репетиции спектаклей на новой сцене. А вскоре огромный зрительный зал распахнется для юных любителей оперы.

М. МИШИНА

Фото А. Козьмина

ЛЕНИНГРАД

«ВЕРНУТЬ НАРОДУ ЕГО СОКРОВИЩА...»

«Есть и такая точка зрения: если фольклор вечен, то нет необходимости спешить, активизировать сбор его. Точка зрения глубоко неверная, дезориентирующая общественное мнение, действующая демобилизующе». Эти слова прозвучали на состоявшейся недавно в Пушкинском Доме Всесоюзной научной конференции по фольклору.

О работе конференции доктор филологических наук, профессор П. С. ВЫХОДЦЕВ рассказал:

— Идея организации всесоюзного форума фольклористов принадлежит Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Научному совету по фольклору отделения литературы и языка АН СССР. Основная цель ее — единение фольклорной науки с практикой. Единение крайне необходимое сейчас, когда мы приступаем к работе над 100-томным Сводом русского фольклора. Осуществление этой давней мечты фольклористов ставит ряд конкретных задач, которые и были обсуждены на конференции.

Во-первых, координация собирательской деятельности, необходимость создания единого Координационного центра. Ведь до сих пор собирательская деятельность велась стихийно, никогда еще перед фольклористами не стояла задача последовательного и планомерного обследования отдельных регио-

ТАШКЕНТ

СУДЬБА «КОРАНА ОСМАНА»

В музее истории народов Узбекистана бережно хранится древнейший памятник арабской письменности — «Коран Османа». Уникальная рукопись находится сейчас в специальном сейфе, защищающем ее от разрушительных сил времени.

Наш корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ попросила директора музея, крупнейшего специалиста по истории народов Востока доктора исторических наук Н. С. САДЫКОВУ рассказать об удивительной судьбе рукописи.

— Сегодня, когда страна готовится к празднованию 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина, мне, музейному работнику, хочется еще и еще раз напомнить, как бережно относился Владимир Ильич Ленин к историческим памятникам, национальным реликвиям...

В 1868 году по приказу начальника Зеравшанского округа этот экземпляр Корана был выкуплен за 100 рублей у имама мечети Ходжи Ахрара в Самарканде и отправлен в Петербург в Императорскую публичную библиотеку. Рукопись долгое время считали первоначальным экземпляром Корана, составленным при халифе Османе. По преданию, он был убит за чтением Корана, на листах которого осталась его кровь.

На Коране, хранящемся в нашем музее, тоже есть кровавые пятна. Однако они носят нарочитый характер, расположены точно через лист. Надо сказать, что в мире известно несколько экземпляров Корана, тоже с кровавыми пятнами. Они хранятся в библиотеках Парижа, Берлина, Мекки. По-видимому, подделка была произведена мусульманским духовенством, чтобы увеличить ценность этих списков.

Сейчас ученые-востоковеды считают, что наш Коран хотя и не принадлежал Осману, но является одним из древнейших. Ему более 1200 лет. Это поистине замечательный памятник древней арабской письменности, ценнейший исторический источник. Ведь Коран — продукт творчества той далекой эпохи, когда господствующим мировоззрением общества было религиозное.

Как попал он в Самарканд? Существует много версий, но наиболее достоверно предположение, что рукопись была привезена Тимуром и входила в его знаменитую Самаркандскую библиотеку.

Как же сложилась судьба Корана после того, как он оказался в Петербурге?

Мусульмане пытались его похитить. После февральской революции солдаты-мусульмане Преображенского полка решили захватить его силой. Но это им не удалось, они были разогнаны по приказу Временного правительства.

20 ноября 1917 года Совет Народных Комиссаров под председательством Владимира Ильича Ленина разрабатывает обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

А 9 декабря 1917 года Владимир Ильич пишет А. В. Луначарскому: «В Совет Народных Комиссаров поступило отношение от краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа, в котором, во исполнение чаяния всех российских мусульман, вышеназванный съезд просит выдать во владение мусульман «Священный Коран Османа», находящийся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке».

Одновременно по указанию Владимира Ильича были переданы в распоряжение татарской мусульманской общественности древнейший архитектурный памятник в Казани — башня Сумбека и здание известной мечети «Караван-сарай» в Уфе. Так рукопись оказалась в Уфе.

В. И. Ленин требовал учитывать сложные условия работы среди мусульманского населения. На VIII съезде партии в 1919 году он говорил: «Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, турк-

нов, не говоря уже о России в целом. А сейчас она вполне выполнима. На помощь ученым пришли студенты, не десятки, а сотни экспедиций отправляются ныне собирать фольклор. Ведь с 1977 года фольклорная практика стала обязательной для всех пединститутов и университетов страны.

Второй, не менее важный вопрос, поставленный на конференции,—это систематизация и выявление, опять же—для Свода, имеющихся записей в архивах страны. За три столетия собирательской деятельности в архивах скопились огромнейшие фольклорные фонды, в большинстве своем еще не выявленные, не опубликованные.

Более сорока лет назад инициатор создания Свода А. Н. Толстой писал в «Правде»: «У нас неисчерпаемые запасы фольклорного материала. Часть его, будучи опубликована в разных старых изданиях, представляет теперь библиографическую редкость. Другая часть —...лежит неопубликованной в архивах. И, конечно, третья состоит из огромного количества новых записей... Все эти фонды... недоступны не только для широкого, но и для среднего читателя. Наша обязанность собрать эти фонды в один свод в виде многотомного издания и вернуть народу его сокровища. Издание «Свода русского фольклора» будет не только ценным художественным вкладом в мировую литературу, но оно имеет огромное политическое значение, так как отражает богатую духовную культуру русского народа и страны, к которой устремлены взоры всего мира». Эти слова замечательного советского писателя актуальны и сегодня.

Работа над первой серией былин начата, а всего запланировано восемнадцать серий — по жанрам и типам фольклора. Пушкинский Дом обратился на конференции ко всем фольклористам страны сплотить свои усилия, принять участие в работе над Сводом.

М. МАЛЫШЕВА,
студентка 3-го курса
факультета журналистики МГУ

мены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть... Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно».

25 июля 1923 года ВЦИК вынес постановление о возвращении «Корана Османа» в Среднюю Азию, о передаче его Туркреспублике. В Ташкент рукопись ехала в бронированном вагоне, в сопровождении вооруженной охраны. С января 1926 года ее выставили для всеобщего обозрения как исторический памятник в музее в специально оборудованной комнате.

Сейчас Коран хранится в фондах нашего музея. Он является подлинным украшением рукописного собрания. Это единственный полный список Корана в Советском Союзе.

А посетители могут любоваться выставленной в музее великолепной рукописной копией Корана. Копия эта сама по себе является ценным и редким документом, так как замечательно выполнена на пергаменте. Ей минуло уже сто лет.

Н а с н и м к е: главный хранитель фонда музея К. Турсуналиев работает над уникальной рукописью.

Фото А. Плеханова.

ДОМ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

30 декабря 1947 года Румыния была провозглашена народной республикой. С 1965 года — Социалистическая Республика Румыния.

Нынешний год знаменателен для страны: в августе исполнилось 35 лет освобождения от фашизма. В ноябре состоялся XII съезд Румынской коммунистической партии, который определил основные направления социально-экономического развития на предстоящий период.

Публикуемый репортаж рассказывает о сегодняшнем дне Социалистической Республики Румынии.

Л. КАРИН

СССР — ПАРТНЕР НОМЕР ОДИН

Чтобы увидеть кабину этого самосвала, надо высоко задрать голову. Перевозит он сто тонн груза. А рядом его младший «братишка» — этому под силу пятьдесят тонн. За ними на фронтоне огромного павильона — ярко-красная цифра 35. Красавцы-самосвалы — экспонаты Выставки достижений национальной экономики Румынии. Здесь, на площади «Скынтейи» в Бухаресте, можно увидеть зримые итоги экономического развития страны за 35 лет после освобождения от фашизма. Эти самосвалы — новинки отрасли, которой в капиталистической Румынии не существовало вообще. Теперь румынские автомобили экспортируются в десятки стран. На выставке и легковые «Дачии», и машины повышенной проходимости, вроде нашего «газика», и грузовики разного назначения...

Людской поток течет дальше, к новым и новым экспонатам. Здесь представлено буквально все — от косметики и детских игрушек до гигантского пресса и прочих изделий тяжелой индустрии. Тепловозы и железнодорожные вагоны — они бегают по рельсам более чем тридцати стран. Модели кораблей — их строят сегодня шесть верфей на Черном море и Дунае. Корабли — тоже известный предмет румынского экспорта. Вот экспонаты, иллюстрирующие прогресс румынской металлургии: в 1950 году она дала полмиллиона тонн стали, а в этом выплавит почти четырнадцать миллионов.

Какие румынские изделия поступают к нам в Советский Союз, и что, в свою очередь, ввозит Румыния из СССР? Ответ на этот вопрос я получил в Министерстве внешней торговли Румынии, от Нэстасе Мирчеа, торгового представителя СРР в Москве. Предстояли переговоры с советской делегацией по протоколу о товарообмене на следующий год, для участия в них товарищ Мирчеа и прибыл в Бухарест.

— Переводчик нам не понадобится,— сказал торгпред на чистом русском языке. Оказалось, что с нашей страной его связывают не только многие годы работы на сегодняшнем посту, но и учеба в харьковском вузе.

— После войны Румыния начала поставлять в СССР зерно, лес, стекло, нефтепродукты. А оттуда

Автомобили «Дачия», гордость румынской индустрии, выпускаются на автозаводе в Питешти.

Фото АПН

шли станки, машины, металл... Благодаря советской помощи мы смогли развить и создать многие отрасли национальной экономики,— рассказывает товарищ Мирчеа.— Сейчас Советский Союз — наш самый крупный торговый партнер. Из СССР мы получаем высококачественные станки, металлургическое, энергетическое и горношахтное оборудование, строительную технику, автомобили. На Советский Союз приходится большая часть нашего импорта железной руды. С этого года к нам поступает советский природный газ. В наших магазинах продаются советские холодильники и фотоаппараты...

Румынский экспорт в СССР не так разнообразен, зато некоторые изделия мы вывозим в очень больших количествах, например, определенные типы станков, электродвигатели, нефтяное оборудование. Скажем, трубы и вышки для бурения нефтяных скважин. Могу похвастаться,— продолжал торгпред,— в производстве буровых вышек мы имеем более чем столетнюю традицию и экспортируем их на все континенты. Мы поставляем в СССР одежду, обувь, изделия пищевой промышленности. Румыния уже второй год является самым крупным поставщиком мебели в Советский Союз. Надеемся удержать эти позиции и в будущем.

Закончить беседу с торгпредом мне хочется словами из приветствия ЦК КПСС XII съезду РКП: «Советских людей радуют успехи рабочего класса, крестьянства, интеллигенции Румынии, достигнутые под руководством коммунистической партии. Вместе с достижениями других братских стран они убедительно подтверждают, что социализм открывает перед каждым народом широкие возможности социального, экономического, духовного развития. В то же время они свидетельствуют о плодотворности тесного всестороннего сотрудничества суверенных социалистических государств».

НА ЛЮБОЙ ВКУС

Куда пойти вечером? В Брашове меня пригласили в «Дом молодежи». Это клуб, или Дом культуры, но несколько необычный.

За первой дверью — молодые люди за столами, преподаватель выводит на доске какую-то формулу. Идут теоретические занятия лаборатории радиотехники. Кто здесь занимается?

Иоану Георге 25 лет, он технический контролер на заводе грузовых автомобилей. Увлекается радиоэлектроникой:

— Сейчас очень распространились приборы для телеигр. Хочу научиться сам их конструировать.

— Здесь работать интересно,— вступает в наш разговор преподаватель Николаэ Леустеану, учитель физики в средней школе.— Ведь сюда приходят, чтобы узнать новое, научиться что-то делать своими руками.

— Такие дома, как наш, были созданы по инициативе Союза коммунистической молодежи во всех окружных центрах,— говорит Александру Попа, директор клуба. Его, инженера-электротехника, послал на эту работу тоже комсомол.— Уезд Брашов — промышленный, поэтому и у нас преобладает технический уклон.

Брашовский Дом молодежи — не просто кружок «Умелые руки». Ведется даже исследовательская работа: Дом молодежи заключает договоры с местными промышленными предприятиями. Те охотно предоставляют свои лаборатории и оборудование, а за проделанную работу перечисляют молодежному клубу деньги.

— Благодаря этому наш дом, в котором всего четырнадцать штатных работников, может сам себя содержать,— сказал директор.— Многие наши разработки признаны изобретениями, внедряются в промышленность. Это наша гордость. А еще у нас можно просто приобрести профессию, например, программиста электронно-счетных машин, или повысить квалификацию. Наши посетители — это в основном рабочая молодежь. И они тянутся к знаниям.

Брашовский дом молодежи — это, так сказать, для «физиков». Ну, а что для «лириков»?

Об этом я узнал на тихой бухарестской улочке, где в бывшей вилле крупного фабриканта разместился один из шести столичных домов молодежи.

В картинной галерее я увидел работы художников-любителей. В театральной студии шла репетиция новой пьесы. Дверь следующего помещения методист Константин Попович открыл, стараясь не шуметь: молодой автор читал участникам литературной секции свое новое произведение. В другом зале на нас обрушились аккорды поп-музыки... Занятия на любой вкус — гимнастика и дзюдо. Как правильно пользоваться косметикой и сохранить хорошую фигуру. Вечер юмора. И, конечно, танцы. Какой же молодежный клуб без танцев? Что бы ни было в программе — каждый вечер здесь царит хорошее настроение.

Бухарест — Москва.

ЭЛЬ ГРЕКО

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Доменико Теотокопули, прозванный Эль Греко,— легендарный мастер, судьба которого столь же таинственна и полна чудес, как и изумительное творчество, принесшее ему мировую славу. И пусть в испанском городе Толедо на месте исчезнувшего саркофага с прахом живописца нет величавого монумента, поставленного благодарными современниками,— художник завоевал бессмертие.

...Двадцатилетний уроженец острова Крит Доменико, приехавший в 1561 году учиться в Венецию, узрел в мастерской гениального Тициана нечто перевернувшее весь его внутренний уклад художника, воспитанного писать гладко, темперой по деревянной подготовленной доске — методом, выработанным веками. Юный критянин увидел, как могучий старец Тициан, схватив кисти, «толстые, как метла», с яростью бросался к чистому холсту и, намесив на палитре груду сверкающих красок, швырял их на полотно, намечая твердыми ударами основные массы фигур. Его мазки, казалось, кричали, в них была вся дисгармония рождения, хаос, ведомый лишь творцу, задумавшему создать мир. Ошеломленный ученик с восторгом и ужасом замечал: за какие-то минуты, часы вырастало дивное творение. Позже он наблюдал, как после такой бешеной первой прописки Тициан бросал картину часто на полгода, поворачивал к стене и давал просохнуть. Затем наступало как бы второе рождение образа. Великий мастер приступал к полузабытому холсту, вглядываясь сурово во все его недостатки. По выражению современника Пальмы Младшего, он, «подобно опытному хирургу, устранял опухоли на теле больного, вправлял руки и ноги». И потом уже, почти окончив картину, Тициан подходил к ней и нежными, ласковыми прикосновениями пальцев обобщал резкие переходы полутонов, углублял тени, и, что особенно поражало молодого Доменико, великий венецианец наносил последние удивительные лессировки тоже рукой, не кистью. Это были еле уловимые, прозрачные частицы краски с лаком, напоминающие сверкающие капли людской крови, что делало изображение почти живым... Да! Это была школа!

Доменико Теотокопули, приходя в мастерскую Тициана на Бири Гранде, лицезрел из окон бескрайнее тихое море — то ласковое, бирюзовое, то темное, будто литое из свинца. Стихия, рядом с которой он вырос на Крите, успокаивала его, и он мог разумнее воспринимать колдовство Тициана, видевшего в самом туманном наброске грандиозный финал — многометровую композицию с десятком фигур.

Куда-то незаметно ушла критская техника письма, приобретенная ранее Доменико, все, все это было сметено бурей станковой масляной живописи Тициана. Однако надо сказать, к чести Теотокопули, он не все перенимал у своего учителя. Так, с годами он не станет скупцом, скорее, ему будет свойственна широта и расточительность.

Тициан достиг при жизни всех громких званий и привилегий, и именно в его студии встретил молодой Эль Греко Филиппа II — короля Испании, покоренного гениальным искусством Тициана и называвшего его «мой возлюбленный».

Доменико, честолюбивый и гордый, в глубине души мечтал о росписях в испанском Эскориале, которых добивался, но не получил престарелый Тициан. Пройдет еще немало лет, прежде чем Эль Греко вступит на землю Испании.

Жаркие июньские лучи 1579 года лились в высокие окна толедской студии Доменико Теотокопули. Дубовые двери распахнулись. Через миг мастерская художника была полна людьми. Бледный, с недоверчивыми блеклыми глазами, скрываемыми длинными ресницами, стоял Филипп II, окруженный свитой, у холста Эль Греко. Скрестив руки, немного отставив правую ногу, он молчал. Замерли все. Тишина стала ощутима. В пыльном луче солнца беззвучно плясала веселая букашка. В какую-то долю секунды глаза мастера и короля встретились. Ни одна мышца лица монарха не дрогнула. Устало отвернувшись, король шепнул что-то в пустое пространство, окружавшее его. Так же внезапно, как появились, придворные во главе с Филиппом II исчезли.

И все же Доменико получил «заказ короля». Эль Греко понимал, что это значит. Царствующий меценат, создавший вокруг себя «зону недоступности», бесстрастный, злой, он ждет от художника необычайного подвига. И Доменико пишет новый сверкающий холст о жизни и смерти человека. Страшная бездна открыта. Льется кровь. Бушуют страсти... Но еще осталось одно мгновение для диалога. Эль Греко оканчивал свой холст, наносил последние лессировки. Драгоценный голубой ультрамарин загадочно мерцал, вспыхивая, подобно холодному сиянию луны, озаряя страшные сцены «Мученичества святого Маврикия». И тогда, уже видя конец многотрудного пути, Эль Греко замирал, ожидая оценки монарха. Ведь от его слова зависело все. Будет ли Доменико многие годы занят росписью Эскориала, этого грандиозного ансамбля, или нет? Мастер вздохнул и написал в правом нижнем углу картины свое имя полностью «Доменико Теотокопули». Итак, холст был окончен. 12 августа 1584 года художник вручил картину приору Эскориала.

Живописец стал ждать приглашения на просмотр картины. Прошел месяц. Измученный бессонницей, ожиданием, Эль Греко бродил по пустынным окраинам Толедо и вдруг в полночь 13 сентября внезапно узкой зубчатой лентой таинственно полыхнуло небо у горизонта — его зажгло далекое зарево, багровое, трепетное. Оно пульсировало, как живое, и, несколько раз вздрогнув, угасло. Ночь. Темень, окружавшая Доменико, стала еще чернее. Эль Греко понял: холст не был принят. Ведь это зловещее сияние было не чем иным, как блеклым отблеском грандиозной иллюминации в честь освящения базилики Эскориала, которую король повелел устроить, не позвав на этот праздник Доменико, написавшего по его заказу «Мученичество святого Маврикия».

Так в бездонной тьме веков сверкнуло на миг пламя общения Эль Греко и могущественного владыки Филиппа II. Пути их судеб схлестнулись и разошлись навсегда. Одинокий монарх остался в пустыне власти. А художник? Всю творческую жизнь во многих его полотнах мерцали зловещие сполохи праздника Эскориала.

Эль Греко зябко поежился. «Может, мне все это почудилось?» — подумал он.

Однако его полотно — заказ короля — не принято! Холодное сияние далекой феерии по случаю открытия капеллы в Эскориале заставило его еще раз почувствовать себя чужаком в Толедо. О, сколько уже было переступлено незнакомых порогов на нелегком пути живописца: Венеция, Рим, Мадрид, Толедо... Резкий, холодный порыв сентябрьского ветра распахнул плащ. Доменико еще раз взглянул в небо. Зарево погасло, и вечные звезды озарили трепетным светом безлунную ночь. Толедо окружил художника. Древние камни еще излучали дневное тепло. Он вдруг будто услыхал добрый, тихий голос города:

— Ты дома, Доменико.

Мастер долго бродил по немым кривым улочкам, пока, усталый и разбитый, вдруг не оказался у порога своей мастерской. Проскрипели ступени, звякнул замок. Доменико зажег свечу. Мерцающее пламя вырвало из мрака студию. Поблескивали багеты картин. Искрился дорогой хрусталь. Художник подошел к старинному зеркалу в резной позолоченной раме. Он не был почти месяц в мастерской.

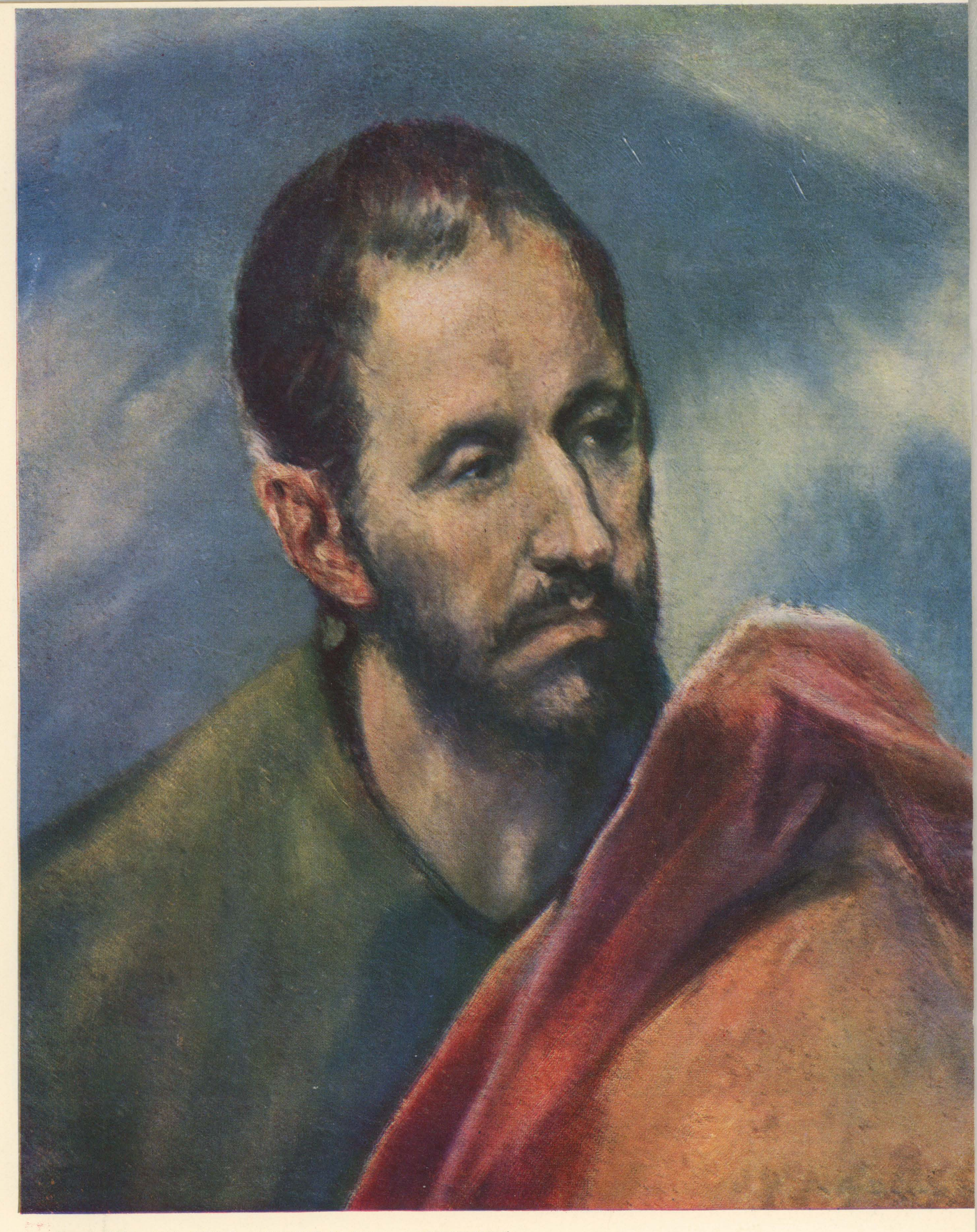
...Тонкие, нервные пальцы художника провели блестящую широкую черту по туманной глади зеркала. Пыль расступилась, и в сверкающую полосу вдруг ворвался синий свет из высоких окон, Эль Греко внезапно увидел себя, свое отражение. Он ужаснулся! С какой-то дьявольской резкостью отсчитаны были все сорок три года, прожитые им. Они залегли в морщинах на высоком бледном челе, тяжело отметились в бугристых надбровьях и пухлых натеках складок под зоркими и острыми глазами. Но самое страшное были губы — они, эти ворота души, сомкнутые в предельно твердую, жесткую линию, рассказывали молча о невыносимой борьбе художника, о той маске немоты, которую он надел на себя, приехав в Толедо. Да, жизнь мастера, несмотря на все кажущиеся успехи, была прежде всего непрестанной войной. Битвой бескровной, но изматывающей нервы, опустошающей мозг и сердце. Доменико устало опустился в кресло.

Бывают иногда в жизни великих мастеров мгновения, когда память вдруг восстанавливает перед ними всю сложную, пеструю панораму жизни, тернистый путь к славе, и весь сложный калейдоскоп судьбы как по волшебству предстает перед мысленным взором... Рдяное пламя свечи трепетало в бархатной мгле студии. В стрельчатые окна глядела ночь. Осенний ветер гнул черные ветви, срывал сухие листья, гнал по небу прозрачные, седые, косматые облака. И весь стихийный круговорот жизни отражался в бликах, бегущих по пересеченному деревянными балками потолку. Мерцающие, трепетные, как само бытие, эти блики напоминали о суетности, о беличьем колесе будней. Доменико горько усмехнулся. Сколько надежд разбито, сколько ушло иллюзий! Как неверно уповать на справедливость в этом жестоком мире, полном людей холодных, не любящих искусства. Ах, это зловещее зарево над Эскориалом, оно как живое перед глазами. Ну, что ж, ликуйте, сеньоры, над неудачливым Эль Греко и над его отвергнутым полотном.

Доменико взял свечу и снова подошел к зеркалу. Пламя наметило глубокие тени, провалы глаз. Волосы в беспорядке окружали бледное чело. Доменико молчал. Горе, которое он пережил в этот вечер, стоило ему многих лет жизни. Филипп не понял истинности его стремлений. Нет! Больше он никогда не встретится с этим напыщенным владыкой. Отныне он лишь сын Толедо! Доменико приложил правую руку к сердцу, и этот образ, запечатленный на миг в зеркале, остался у него в душе. «Я испанец, буду жить, как испанец, достигну славы, как испанский художник, и умру испанцем!»

И вдруг мастер улыбнулся. Слишком пышная тирада рассмешила его. Доменико погасил свечу, закрыл двери и через полчаса был дома...

Много полотен прославили толедский период творчества Теотокопули, но первым шагом, окончательно утвердившим его как лучшего живописца города, была, конечно, картина «Похороны графа Оргаса», оконченная в конце 1586 года. На этом полотне уже во весь рост перед нами предстает сам Эль Греко — художник, сместив-

Эль Греко. 1541—1614. ЭСКИЗ МУЖСКОЙ ГОЛОВЫ. (АВТОПОРТРЕТ?).

Эль Греко. ВИД ГОРОДА ТОЛЕДО.

ший границы, отделяющие реальность от чуда, и сделавший легенды правдой своих волшебных холстов.

...Как-то во время грозы в Толедо шаровая молния «посетила» студию Доменико. Она влетела в раскрытое окно и, не причинив художнику никакого вреда, столь же внезапно исчезла, оставив легкий запах озона. ...Мы узнаем об этом удивительном происшествии со слов знаменитого поэта Ортенсио Парависино — друга живописца, случайно присутствовавшего во время этого события в мастерской Эль Греко. Позже Ортенсио сочинит сонет «О молнии, проникшей в комнату художника», где расскажет, что молния исчезла, ослепленная колоритом полотен, блеском красок холстов мастера. Простим поэту возвышенный стиль и удивимся чуду, которое, к счастью, имело столь счастливый исход. Однако грозовое небо над Толедо запечатлено художником навеки. Этот холст был экспонирован в Москве на выставке собрания нью-йоркского музея Метрополитен.

«Вид города Толедо»... работа Эль Греко.

Прямо на меня неслись грозовые тучи, озаренные призрачным сиянием. В разрывах рваных облаков темнело черно-синее небо. Зловещий свинцовый свет будто тяжелым пеплом покрыл колючие стрелы храмов, зубцы башен... Я услышал гудение холодного ветра по крутогорбым зеленым холмам. До моего слуха донеслись тихие стоны старых деревьев, шелест осоки, скрип ржавых флюгеров на крышах домов.

Какая колдовская сила подняла художника на склоне лет, кто дал ему крылья, чтобы подняться над любимым городом и так по-орлиному остро его увидеть? В тот далекий век только разве ведьмам и чародеям были доступны эти птичьи полеты над нашей землей. Потому так ярко горели костры и высоко в небе тянулась гарь от сжигаемых еретиков. Но Эль Греко не убоялся полета... И вот мы вместе с ним парим над развенчанной бывшей столицей Испании, над опустевшим и покинутым двором и знатью Толедо. Но что это? В какой-то миг, или мне это только показалось, сама земля, весь пейзаж словно ожил и двинулся с места сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее помчался в неумолимом центростремительном разбеге. Впервые я зримо ощутил, осязаемо почувствовал реальность бега нашей планеты в космосе. И это ощущение громадности пространства, непостижимости, необъятности мира, Вселенной, окружающей нас, уже не покидало меня... Как ничтожно мал человек, как бы потерявшийся в этих просторах! Вот он бродит по пустынным дорогам, переплывает на белом коне быструю реку... Истинно не люди, а лишь черви малые, затерянные человечки, копошатся в этом гулком, летящем в бездне галактики мире. Никто до Эль Греко и, пожалуй, никому, кроме позднего Ван Гога, не удавалось с такой безнадежной ясностью ощутить всю трагическую суть бытия рода человеческого, его подвластность грозным стихиям.

С неистовой, неодолимой стремительностью продолжала полет наша Земля в аспидно-черных провалах Вселенной, и не небо, а зияющую бездну космоса ощущал я в прорывах седых туч.

...Я не раз пытался найти зрительный синоним мятущемуся небу, летящим рваным фантастическим облакам, тому магическому свечению, которыми обладают полотна Эль Греко. И однажды я встретил ночью в степи огромный костер, который зажгли пастухи... Что-то древнее и глубоко чарующее было в этой пляске огня — то выхватывающей из мрака клочки натуры, то вздымающейся в небо языками пламени, затейливо изгибающимися и принимающими самые прихотливые формы. Было что-то манящее в густом гудении костра, как бы зовущего принять участие в опасной игре. Мерцающий воздух был накален, дрожал от страшного напряжения. Вот, подумал я, если вдруг всю эту огнедышащую картину перевести в регистр холодных, почти лунных тонов, то мы увидим колдовское небо Эль Греко, с его волшебной формы облаками и непередаваемыми по неожиданности контрастами цветов.

Костры... Это было не последнее действо в жизни старого Толедо. Ведь на одной из его площадей за городом — Кристо де ла Вега — происходили аутодафе, где предавали сожжению еретиков, грешников, преступников. Доменико не раз наблюдал эти апокалипсические сцены, и его чувствительная душа и острый глаз запечатлели многое из этого мира ужаса и страданий.

...Начинался новый век. В марте 1600 года в Толедо торжественно въехал Филипп III, сопровождаемый супругой Маргаритой Австрийской. Король был антиподом отцу. Однако он унаследовал от родителя две черты — набожность и жестокость к еретикам. Очевидно, поэтому к прибытию нового монарха было приурочено в Толедо аутодафе.

Эль Греко был заказан парадный портрет главного инквизитора, присутствовавшего на судилище,— дона Фернандо Нуньо де Гевара. Художник оставил людям художественный документ ошеломляющей силы... Кровавый спрут... Такова форма чудовищного расплывчатого алого пятна с щупальцами-руками и пронзительными, усиленными очками глазами. Что-то зловещее, наводящее темный страх было в облике этого могущественного и чем-то жалкого человечка...

Будапешт. 1974 год. Осень. Ветерок гонит по гранитным ступеням музея сухие багряные листья клена. Тяжелые двери открывают анфиладу залов экспозиции. Неяркое солнце золотит старый паркет. Тихо.

Зал Эль Греко. Семь полотен. Семь шедевров. Художник создал свой мир образов, и мы с особой остротой ощущаем это, глядя на картины, пронизанные удивительным, единственным, эльгрековским мерцающим светом. Предгрозовое свечение, обещающее бурю, сразу настраивает вас, заставляет тревожно забиться сердце, будто в ожидании чего-то неведомого. Мчащиеся тучи, всегда необычные, зовут и манят нас своей тайной, создают ту атмосферу рождения чуда, которая определяет состояние многих творений Греко. Сам воздух полотен, то серебристо-голубой, то свинцово-серый, так изменяет локальные цвета, что лица людей мерцают подобно скульптурам, словно отлитым из особого «звездного» вещества.

«Эскиз мужской головы»... Вы видите портрет на цветной вкладке. Он типичен для творчества Доменико Теотокопули. Представитель рода человеческого, полный чувства собственного достоинства, благородства, гуманизма. Огромный высокий лоб, чистый, выпуклый. Тяжелые веки чуть прикрывают мудрые глаза, внимательно глядящие на мир. Крупный нос, чувственные полные губы говорят о доброте и жизнелюбии. Думается, что автор вложил много черт собственного характера в этот холст. Любопытно, что спокойствию лица мужчины противопоставлено мятежное небо со странным и недобрым сиянием. Ветер грядущей бури поднял складки розового плаща, и это вихревое движение усиливает действие портрета.

Нечеловеческое прозрение отличает творения Эль Греко. Художник создал небывалый сонм образов. В его полотнах — свое, им однажды найденное, сокровенное. В этой таинственной атмосфере действуют и живут герои Эль Греко — люди со странно удлиненными пропорциями, одухотворенные, строгие. Особое, «свое» солнце озаряет этот удивительный эльгрековский мир. Лучи светила тревожны и трепетны, художник не создает сверкающих контрастов или феерических эффектов, свет будто обволакивает форму, поразительно остро обозначая основные массы. Греко уникален. Его холсты можно узнать за сто шагов. Каждое полотно будто вопиет: «Я создание кисти Эль Греко».

В 1979 году в Москве в Музее изобразительных искусств экспонировался ряд полотен из «испанской коллекции» будапештского музея. В их числе мы вновь с радостью встретили холсты Эль Греко, Гойи и других замечательных живописцев Испании.

Старость настигла художника. А вместе с ней пришла нужда. Это не была нищета люмпена, подобная жуткой бедности, постигшей в конце жизни Рембрандта. Нет. Последние годы Эль Греко внешне почти респектабельны. Но лишь для первого, беглого взгляда. Он был обладателем несметных сокровищ — своих картин, но у него была лишь одна смена платья, лишь пара ветхих рубах. Правда, в его владении оставался еще опустевший дворец из десятков комнат... Все это носило черты дантовской трагедийности. Художник будто проходил первые круги чистилища. Но, больной, потерявший заказы и доходы, Доменико не согнулся, не сломался. Недужное тело, еле передвигавшееся, носило одну из самых светлых голов века, и недаром Франсиско Пачеко, посетивший Эль Греко, называет его «великим философом».

Приходит горькая мысль: почему гордость Толедо, великий мастер Эль Греко растерял всех своих могущественных покровителей и меценатов? Объясняется это просто. Доменико был горд, обладал своеобычным и непокладистым характером. Всю жизнь пел только «свою песню». Он не был вельможей, жил, по существу, изгоем.

И вот на склоне лет живописца постигло одиночество, и, как бывает часто в жизни, все блистательные гранды и грандессы, доны и доньи рассеялись как дым, узнав о тяжком недуге и нищете Эль Греко. Правда, испанская дворянская вежливость и чопорность скрывали многое. Но голая правда убедительней любых поклонов, светских приветствий и улыбок, которые в большом количестве расточались по адресу Доменико. Как известно, из этих призрачных комплиментов не взрастет ни один колос, не появится свежая рубаха, ни глоток доброго вина, которого столько было выпито за столом у хлебосольного живописца, любившего некогда застолье, гостей, музыку, красивые вещи... Но это все было. Особенно жутко гляделась полуголодная, холодная сиротливость старца на фоне его грандиозных картин, изображающих торжествующий рай с порхающими путти, летящими ангелами, сонмом благообразных праведников, апостолов и других обитателей светозарных небес.

Земля, будни бытия оказались в невероятном контрасте с духовным миром, созданным Эль Греко. И в этом была своя логика жизни. Неумолимая, жестокая... Художник почти одинок. Верная служанка еле ходит. Сын закручен суетой буден, его осаждают безжалостные кредиторы отца. Но вечерняя заря жизни не была закатом творчества Доменико. В эти предсмертные годы Эль Греко свершает свое последнее чудо. Он творит! Холсты Доменико — это свободные песни гомеровского по силе, глубине стиля.

...Мечутся складки одежд страстно вздымающихся к небу фигур. Под вьюгой вдохновения летят облака, в разрывах которых плавают ангелы, пророки. Пылают огни факелов, трепещущие от дуновения ветра. Озарены дивным светом истомленные тоской по счастью прозрения лики героев старинных легенд. Весь мир, страшный своей незнакомой красотой, проецируется на обыкновенное полотно. Эти мгновения чудес будто остановлены навек рукой мастера.

«Встреча Марии с Елизаветой», «Сцена из Апокалипсиса», «Обручение Марии» — это картины, рассказать о которых нельзя. Их надо видеть! Так невероятно свежи и бесконечно современны приемы Эль Греко. Так животрепещущи эти странные и чарующие образы, словно сотканные из поэтических ассоциаций. Они будто говорят: «Мы живем в атмосфере чуда, дышим воздухом сновидений»,— и мы, зрители, готовы поверить всему сказанному этим великим чаровником кисти Доменико Теотокопули. Лишенные каких-либо банальных сюжетов, созданные на высоком, чистом дыхании свободного от сиюминутности творчества, эти полотна полны поэзии и высочайшего мастерства.

Мало кто из живописцев прошлого создал столь современные по форме, цвету, экспрессии и в то же время загадочно мудрые и простые картины, чем эти поздние творения — подлинные шедевры Эль Греко. Он поистине раздвинул ряд самых великих художников мира и встал между ними.

Доменико Теотокопули подобен Гомеру, Гете, Шекспиру, Бетховену, Толстому... Он возвысил род человеческий силой своего гения, светлого разума, подвигом своей жизни.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Конкурс «Строка в биографию страны», объявленный в год 60-летия Великого Октября, по многочисленным просьбам читателей был продлен и занял постоянное место в «Огоньке».

За это время редакция получила и напечатала много материалов, авторы которых — читатели журнала — рассказали о героическом прошлом нашей Родины, о ее сегодняшнем дне, о замечательных сынах и дочерях советского народа, вписавших яркие страницы в биографию Страны Советов.

Редколлегия и жюри конкурса сердечно благодарят всех, кто принял участие в конкурсе, и представляют победителей 1979 года.

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

Подписка на журнал «Огонек» с приложением присуждается:

Зуеву В. Ф. («Каждый день отдавать людям», № 2),

Семенову В. Ф. («Жизнь, отданная партии», № 4).

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ

Подписка на журнал «Огонек» присуждается:

Радулу Н. С. («Вадим из Кривого Рога», № 46),

Саитову Х. Г. («Потомки чабана», № 32),

Сельванюку И. М. («Первое партийное поручение», № 12),

Смирновой А. И. («Как мы шефствовали над деревней», № 36),

Яблонскому Г. Э. («МТС — полвека», № 29).

Мария Бабичева.

Любовь Бабичева.

Евгения Бабичева.

Анна Бабичева.

СЕСТРЫ БАБИЧЕВЫ

Жили четыре сестры в поселке у моря. У всех была одна фамилия — Бабичевы. Так было до Великой Отечественной войны. Теперь и фамилии у всех разные — давно имеют свои семьи, стали бабушками. И живут в разных местах — на Северном Кавказе, в Крыму, Донецкой области. Но тем не менее много лет идут письма сестрам Бабичевым со всех концов нашей страны по одному адресу: в Архипо-Осиповку.

...Марию Ивановну в ту пору звали просто Марийка. Было ей тогда неполных шестнадцать. По селу прошла тревожная весть — могут прийти немцы. Утром чуть свет из дома ушли сестры Женя и Люба проситься в госпиталь санитарками. Мать хотела было остановить: куда вы обе сразу?! И тут же осеклась. Разве можно было разделять сестер-близнецов, да еще в такое время.

Сколько горя вокруг!.. Вот и от сына что-то долго нет писем. Война застала его на действительной службе.

Ушла на фронт и Анна, старшая из дочерей.

Не успела оглянуться Мария Филипповна, как и самая младшая собралась с крохотным чемоданчиком.

Подкосились ноги. Чтобы не упасть, оперлась о скрипучую калитку. Одна осталась в глухих стенах. Защемило сердце; с войны не каждый возвращается. А у нее с сегодняшнего дня на войне пятеро.

Вскоре госпиталь стал эвакуироваться, мать попыталась вновь уговорить дочерей остаться. Но все три в один голос: нет, не можем, мама, скоро присягу принимать будем.

Потом. сестрам примеряли военную форму. Сколько хлопот было с Марийкой! Шинель наденет — рукава по полу волочатся. Сапоги дали — утонула в них. Из-под шапки-ушанки глаз не видать. На первых порах раненые над ней добродушно подтрунивали:

— Шинель, а шинель, ты куда хлопца понесла?

— Я не хлопец, я Марийка...

Так и звали всю войну: Марийка.

— Марийка, водицы,— пылающими от жара губами шептал боец.

— Марийка, почитай, пожалуйста, письмецо,— просил забинтованный с ног до головы раненый.

И она торопилась на зов.

А ночью подшивала подворотнички к гимнастеркам, приводила в порядок обмундирование тех, кто утром уходил на передовую. Никто не знал, когда она спит. А может, это была не Марийка, а Женя или Люба. Уж очень похожи сестры друг на друга.

Они не обижались, если их путали. Не все раненые знали, что было сестер Бабичевых в госпитале три. Они стали опытными медицинскими сестрами. У каждой на погонах появились сержантские нашивки. Все, как одна, доноры.

...А дивизии, полки, батальоны шли на запад. Зимней холодной ночью наши части форсировали Днепр. И сестры Бабичевы переправлялись с полевым госпиталем по ледяному насту. Дыбилась река от разрывов бомб и снарядов. Небо то и дело освещалось ярким всплеском ракет.

Глаза не сразу привыкли к резкой перемене, и Марийка оступилась. Тяжелая санитарная амуниция потянула на дно. И тут же чья-то сильная рука подхватила ее.

Еще не обсохли волосы и дрожь в теле не унялась, а она уже приступила к своим обязанностям:

— Потерпите, миленькие, сейчас я вас перевяжу...

Где-то рядом склонились над ранеными сестры Люба и Женя. В этот день они получили из дому печальную весть: погиб брат Александр.

Были еще долгие месяцы войны. С бомбежками, обстрелами, бессонными ночами. Както фашистские «юнкерсы» выследили эшелон полевого госпиталя. Поезд остановился. Кто мог ходить — бросились в придорожные укрытия. Сестры Бабичевы переносили тяжелораненых. Марийку оглушило взрывом. Очнулась под грудой земли, от удушья стала терять сознание. Когда ее отрыли, долго не могла прийти в себя: в голове гудело, плохо слышала, из носа шла кровь. Рядом стояли Женя с Любой. Но побыть вместе не удалось, Женя уходила на всю ночь в караул.

А утром в госпитале только и разговору было, что о сержанте медицинской службы Евгении Бабичевой. Будучи на посту ночью, она услышала чавкающие по грязи шаги. Оклики не остановили нарушителей. Пришлось применить оружие. В результате были задержаны четверо лазутчиков.

Три сестры Бабичевы дошли до Берлина. А старшая, Анна, провоевала всю войну зенит-

ГЕРОЙ ВОЙНЫ

Многие гвардейцы бывшего 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса были награждены одним или двумя орденами Славы, были в корпусе и Герои Советского Союза, а вот полным кавалером орденов Славы стал только один Жаксымбек Унчибаев.

В корпус старшина Унчибаев прибыл из госпиталя, после ранения. Он рассказал нам, как с группой разведчиков переплыли ледяные воды Ингульца, взяли в плен немца и доставили его вплавь в штаб части. Награждена была вся группа, Жаксымбеку вручили орден Славы III степени.

Орден Славы II степени он получил за форсирование Днепра.

Орденом Славы I степени Жаксымбек Тлеувович был награжден за бои под Будапештом.

Советские войска окружили противника. Но 17 февраля 1945 года гитлеровцы после двухчасовой артподготовки начали атаку, поддержанную танками. Группа Унчибаева прикрывала подходы к переправе через быструю реку Грон. Очутившись между своими и вражескими войсками, разведчики выждали, подпуская танки и пехоту на более близкое расстояние. Около 200 гитлеровцев уничтожили разведчики, 17 фашистов взяли в плен. Атака была сорвана. За массовое уничтожение вражеских танков командиру взвода, гвардии лейтенан-

Полный кавалер орденов Славы Жаксымбек Унчибаев.

ПООЩРИТЕЛЬНАЯ ПРЕМИЯ

Подписка на библиотеку «Огонек» присуждается:

Баянову Б. П. («В далеком уральском поселке», № 24), Гарбузову С. П. («Матрос с крейсера «Аврора», № 31), Демахину Н. А. («Комбат», № 16), Ершовой И. С. («Мы — синеблузники», № 10), Леонову Н. И. («Коммунаровцы», № 6), Макееву А. Ф. («Три ордена Славы», № 8), Одинцову А. Д. («Неизгладимое», № 21), Титову И. В. («Поручик · запаса», № 22), Хорошунову Е. В. («Комсомолец — на трактор!», № 10), Христинину Ю. Н. («Героический пароход», № 25).

Все участники конкурса получат памятные дипломы.

Фотографии и документы, присланные в редакцию, будут возвращены.

...Вот уже и победный год отгремел салютными залпами. Начался мирный сорок шестой.

И вдруг из военкомата позвонили в сельсовет: «Сестры Бабичевы возвращаются...»

Встречали их торжественно, с почетом. Подошли они к дому в окружении односельчан, ладные, стройные, в сержантских погонах, с наградами.

Люди по-доброму завидовали материнской радости:

— Такая война отшумела, а девчата все вернулись невредимыми. Видно, сильная материнская любовь берегла их от пули.

Только вот Александр Бабичев не вернулся с поля брани.

* * *

...Много весен прошло с той поры, когда сестры Бабичевы вернулись в отчий дом. Трое пришли коммунистами, одна комсомолкой. Марийка стала Марией Ивановной Гаркавенко, Женя — Топорковой, Люба — Каладжяной, Аня — Лахиной. Работают. Мария Ивановна палатной сестрой, Любовь Ивановна — медсестрой. Евгения Ивановна и Анна Ивановна приобрели другие специальности.

Время от времени сестры собираются в родном поселке у моря. Посидят за столом в материнском доме, вспомнят жестокие бои под городом Ковелем, когда день от ночи отличить было нельзя, встречу на Эльбе с союзниками, торжество у Бранденбургских ворот, помолчат над строками благодарных писем, которые идут и идут в Архипо-Осиповку из самых дальних далей нашей страны. Не забывают сестер воины, многие из которых жизнью своей обязаны им.

В. МАТВЕЕВА,
Н. МАТВЕЕВ

г. Краснодар.

ту К. П. Тулупову из 36-й танковой бригады было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, Жаксымбека Унчибаева наградили орденом Славы I степени.

Демобилизовавшись, Унчибаев возвратился на свой рудник в Джезказгане.

В течение десяти лет он избирается председателем поссовета. Несмотря на возраст и трехкратное ранение, герой войны Жаксымбек Унчибаев работает в райвоенкомате, занимается воспитанием будущих воинов.

Б. ДУБРОВ,
гвардии старший сержант,
ветеран 4-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса.

г. Донецк

ИЗ РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ

Петр Моргунов. 1917 г.

Моргунов — одна из самых популярных фамилий на заводе «Динамо». А впервые ее услышали еще до революции, когда Алексей Григорьевич Моргунов приобрел только появившуюся профессию шофера-слесаря.

Глава семьи целыми днями пропадал на заводе. Старший, Григорий, уже работал с ним. Затем пошел слесарить Петр, за ним — Валентин. Так началась рабочая династия Моргуновых, трудовой стаж которой на сегодня составляет свыше 300 лет.

Мне хочется рассказать поподробнее о Петре Алексеевиче Моргунове. Он окончил городское четырехклассное училище, затем профтехническое. Влияние революционно настроенных рабочих, чтение подпольной литературы не могли не способствовать формированию его взглядов. И неудивительно, что утром 25 октября 1917 года, когда Москва настороженно, с тревогой ждала надвигающихся событий, Моргунов оказался в числе красногвардейцев, пробивающихся к губернаторскому дворцу, где заседал Моссовет (там шло формирование боевых отрядов). Идти пришлось кружным путем через Зарядье, Охотный ряд, по Лубянке и Кузнецкому мосту. Наконец добрались до проезда Художественного театра. Здесь располагался так называемый нейтральный госпиталь. Моргунову с товарищем предложили остаться в подвижном санитарном отряде.

В ночь на 28 октября юнкера взяли Кремль.

Военно-революционный комитет направляет на разведку Моргунова с двумя товарищами. Положение санитаров нейтрального госпиталя помогло им почти беспрепятственно проникнуть на территорию Кремля. Сведения, добытые Моргуновым и его товарищами, помогли в успешном захвате Кремля.

Так была перевернута первая страничка революционной биографии Петра Моргунова.

Вскоре Моргунова посылают в составе полка особого назначения на борьбу с Деникиным.

В 1924 году Моргунова направляют в Севастополь командиром взвода береговой артиллерии. А к началу Великой Отечественной войны генерал-майор П. А. Моргунов становится начальником береговой обороны Крыма и начальником гарнизона Севастополя.

250 долгих дней и ночей его героические защитники сражались с превосходящими силами противника. За участие в обороне Севастополя в 1941—1942 годах Петр Алексеевич первым в стране был награжден орденом Нахимова I степени.

Новые сражения, новые испытания. Но особенно вспоминаются дни обороны Новороссийска и Керчи. Именно там П. А. Моргунов впервые увидел и услышал Леонида Ильича Брежнева.

...Идут годы. И с каждым прожитым днем перед мысленным взором бывшего слесаря завода «Динамо» встают события, ставшие важными вехами нашей истории.

Э. ЛУНЕВ

ЧЕЛОВЕК С ГОРЯЧИМ СЕРДЦЕМ

Молодость саратовского мальчонки Захара Дымова начиналась не с волжских плесов, подступивших чуть ли не к околице его родного дома, а с заводского надрывного, охрипшего гудка. Совсем юным пошел он слесарничать на завод, рано приобщился к подпольной работе, разнося в солдатские казармы запрещенные листовки. А когда разгорелись октябрьские зори незабываемого семнадцатого, встал во главе штаба красногвардейского отряда, патрулировал на улицах уже бурлившего революцией Саратова, разоружал

С. М. Буденный и З. А. Дымов, особоуполномоченный ВЧК Первой Конной армии (1920 г.).

белогвардейцев. Вскоре старые большевики дали семнадцатилетнему слесарю рекомендацию в члены РКП(б).

Через год Захара с группой товарищей посылают в Москву для работы в ВЧК. В ее рядах Захар Дымов прошел фронты гражданской — Западный, Южный, Юго-Западный...

После встречи с Ф. Э. Дзержинским Дымову предложили работать в секретариате Центрального Комитета партии, охранять В. И. Ленина. Именно тогда Захару Александровичу посчастливилось видеть Ленина и выполнять его поручения.

Шли годы... После рабфака Захар Дымов пошел учиться в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева, окончил его с отличием и стал инженером.

Жизненной программой коммуниста Дымова стал девиз: коммунист должен научиться делать все, что нужно партии и народу. И в революцию, и в годы гражданской войны, и в Отечественную, и в мирное время коммунист Дымов следовал и следует этому завету.

В предвоенные сороковые годы Дымов руководил в Дагестане трестом «Даггаз», одним из первых в стране промышленных предприятий, занятых использованием природного газа. В Подмосковье строил крупный химический завод, а затем был его директором, в столице возглавлял управление тяжелой промышленности, был управляющим трестом «Саратовгаз»...

Под Сталинградом бригадный комиссар Дымов строил оборонительные рубежи. А последние семнадцать лет работал в институте ЦНИИЭПсельстрой Минсельстроя СССР.

Коммунисту Дымову восьмой десяток лет. Но годы не властны над этим человеком, и сейчас еще полным кипучей творческой силы.

В составе ряда делегаций он побывал во многих социалистических и капиталистических странах. Особенно теплая дружба связывает его с венгерскими коммунистами. Родилась она еще в годы гражданской войны. В разгроме белогвардейских банд на Брянщине активное участие принимали его товарищи-венгры, коммунист Ференц Патаки и комбриг Лайош Гавро, до этого сражавшийся в дивизии Чапаева. Так и дружат по сей день старые боевые друзья, переписываются, встречаются.

Беседую с Захаром Александровичем в его уютной квартире на улице Горького. Перебираю старые фотографии, статьи, документы — свидетельства легендарной жизни чекиста-коммуниста, кавалера ордена Ленина.

А. ТЕРНОВСКИЙ

Московская обл.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

Напоминаем условия конкурса «Строка в биографию страны».

Материал не должен превышать 5—6 страниц, обязательно с фотографиями размером не меньше 13 $\times$ 18 см.

Премии для победителей остаются прежними.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Ждем новых интересных материалов. На конверте просьба указывать: на конкурс «Строка в биографию страны».

ДОРОГА И СУДЬБЫ

«Размах созидательной деятельности советских людей особенно ярко проявляется в огромных масштабах строительства», — говорил на ноябрьском [1979 г.] Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. В числе основных строек страны товарищ Л. И. Брежнев назвал БАМ: «На БАМе уложено свыше 1500 км железнодорожных путей».

Нынешний год на магистрали века действительно особенный. Взять хотя бы Западный участок, поселок Северобайкальск. Даже привыкшие к стремительным темпам освоения старожилы — и те удивляются: чтобы в один год да столько событий! Сдали «под ключ» новоселам первые многоэтажные жилые дома, открыли постоянно действующую картинную галерею, наконец, самое главное — в Северобайкальск пришли рельсы!

Но помимо, так сказать, общих радостей, были и простые житейские радости в каждом доме, в каждой семье. Связаны они, как водится, и с детьми. У кого ребенок пошел в детский сад, у кого — в школу, а в чьем-то малыше вдруг открылся талант.

О людях, которые помогают строителям растить детей, которые заботятся о том, чтобы маленькие бамовцы выросли культурными, понимающими красоту людьми, — наш сегодняшний рассказ.

**Юрий КОЗЛОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»**

ШКОЛА ИСКУССТВ

В конце сентября на Западном БАМе выпал снег. Крупные, словно ромашки, хлопья быстро окутывали Северобайкальск, тайгу вокруг, трассу, порт. Снег выпал под выходной, и наутро удивительно спокойным и умиротворенным казался отдыхающий Северобайкальск. Будто не центр строительства важнейшего участка магистрали, а так, средней руки таежный поселок. Безмолвствовали окрест пилорамы. «Магирусы», «ЗИЛы» не носились с грохотом по улицам. Не слышно было, как забивают сваи в строящемся многоэтажном микрорайоне. Тишина укрыла куполом город. Белые струйки играли кольцами над трубами котельных. Вывешенное с вечера во двор заледеневшее белье синело в утреннем воздухе. Ярко светили на раннем снегу зеленые ветки елей и желтые, оранжевые, красные листья осин и берез. Осень в разноцветных доспехах и зима в белом шлеме сошлись — два витязя, кто пересилит?

И только длинный деревянный дом с высоким крыльцом нарушал тишину. Оттуда слышались негромкие звуки фортепьяно, баянные переливы, гитарное треньканье, даже глухие удары в барабан — словно настраивался большой оркестр. А в других окнах — какое-то легкое мельканье, рассыпчатый топоток, строгий преподавательский голос: «Раз-два-три! Раз-два-три! Быстрей, быстрей! А то замерзнете». А вот и опоздавшая девочка с этюдником в руке так сильно хлопает дверью, что вздрагивает вывеска над входом. «Школа искусств»... Это первая и пока единственная такая школа на Западном БАМе. Двести ребятишек обучаются здесь музыке, хореографии, рисунку и живописи. В будущем году школа отпразднует пятилетие.

Сидим с директором Людмилой Степановной Давыдовой в прохладном кабинете. В углу — обогреватель, потрескивает красная спираль. В окне — белая изгородь, красными ветками навалились на нее деревья, в синем небе, где тоненький месяц словно дразнит солнце, а вдали чистые сопки дымятся, словно кто-то раскуривает огромную трубку.

Людмила Степановна — молодая красивая женщина, и как-то не вяжется с ее милым обликом строгое слово «директор».

— Мы с Сергеем, мужем моим, — рассказывает она, — вместе учились в Московском институте культуры. Окончили, поселились в Пущине-на-Оке, это под Москвой. Обычная жизнь, обычные дела... Ничего такого интересного. И вдруг приходит однажды Сергей домой и говорит: «Меня на БАМ зовут. Там будет школа искусств». Я ему: «А для чего она там? БАМ когда-то еще построят...» А он: «Детская школа искусств». Я: «Так бы сразу и говорил...» В общем, решили: сначала он поедет, оглядится, как и что, потом уж я... Так в семьдесят шестом году попала сюда и до сих пор директорствую...

Мне вспомнились прежние посещения Северобайкальска. Тогда некоторые удивлялись — вот, мол, рабочих не хватает, а тут преподаватели музыки, художники, хореографы какие-то понаехали. Зачем? Теперь таких вопросов не задают. Авторитет школы за несколько лет вырос необычайно. Трудно сейчас представить себе Северобайкальск без этой школы. Когда идут приемные экзамены, родители томятся под окнами. Поступить сюда непросто. Сначала ребенку надо окончить подготовительный класс, потом сдать вступительные экзамены.

— Я бы объяснила популярность нашей школы так, — продолжает Людмила Степановна. — Родителям свойственно желать, чтобы их дети были лучше. У нас — вдвойне. Странно, казалось бы, — в больших городах меньше думают о художественном образовании детей, чем у нас. Наши люди работают в нелегких условиях. Во имя будущего, можно сказать. И, естественно, хотят максимально приблизить это будущее. Чтобы дети их были образованными, красивыми, одаренными... Здесь очень много способных детей. Рядом Байкал — такая красота... Родители строят известную на весь мир железную дорогу. Дети — свидетели их трудового подвига. Душа ребенка особенно тянется к прекрасному, а здесь оно на каждом шагу! Да и природа у нас... Сейчас часто можно услышать недоуменные слова — почему до сих пор не создано выдающихся художественных произведений о БАМе? Но ведь, чтобы их создать, человеку надо вырасти, сформироваться именно в этих условиях, душой и сердцем понять красоту нашей жизни, все ее конфликты, сложности, хитросплетения... Я думаю, здесь, у нас, учатся те, кто потом расскажет о БАМе. В этом году был фактически первый наш выпуск. Так вот, двое наших поступили в Иркутское училище искусств, еще двое — в улан-удэнский институт культуры, двое — в музыкальное училище. Значит, уже есть отдача, значит, школа помогает молодым найти призвание, определиться в жизни...

...Идем по коридору, заглядываем в классы. Наверное, именно так и должна выглядеть школа искусств. Чистота, большие светлые окна, вдоль стен картины, рисунки. Часть прислали в подарок воронежские художники, остальные — работы учеников. Вот хореографический зал. В основном здесь девочки. Плавно, под музыку, разминаются. Вот музыкальные классы — пианино, аккордеоны. Вот студии — тут занимаются юные художники. Мир и порядок...

Однако есть, конечно, и трудности. Желающих заниматься много, преподавателей не хватает. В штате их всего пятнадцать. Сложно и с музыкальными инструментами дома. Аккордеон еще можно привезти, а вот попробуй-ка пианино! Многие, правда, привозят, но тут опять проблема — купить и доставить оказывается легче, чем найти для инструмента место. Разве поставишь пианино в вагончике или в общежитии? И еще: школа же должна расти, а в этом году пришлось отказаться от набора в класс хореографии — тесновато.

— Иногда сижу вечером в кабинете, — продолжает Людмила Степановна, — смотрю в окно — там огоньки, огоньки... А мне кажется, это наш северобайкальский театр светится, люди спешат на премьеру или во дворец искусств — на выставку, на балет...— Она улыбается. — Это обязательно будет. И очень скоро. А я никуда отсюда не уеду. Прижилась. Нравится...

ВОЛОДЯ ПЫТКОВ — ЮНЫЙ ХУДОЖНИК ИЗ СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКА

С Володей Пытковым я познакомился в классе рисунка, где он вместе с преподавателем Виктором Ивановичем Панасюком подбирал фактуру для натюрморта: разноцветные осенние листья в прозрачной вазе. Потом был урок. Сосредоточенно шуршали грифели. Затем перемена — все выбежали во двор, только Володя остался в классе.

— Пытков у нас романтик, — сказал Панасюк. — Приехал в Северобайкальск к брату в гости, на школьные каникулы. Брат у него здесь электрик. Ну, погостил-погостил, и так ему понравилось, что решил остаться. Живет с братом в вагончике. Хочет школу окончить — два года ему осталось, — и в художественное училище. Так?

— Так... — застенчиво ответил Володя. А когда он вышел, Панасюк добавил:

— Очень способный парень. В каждый рисунок душу вкладывает. Природу чувствует, как будто родился здесь, а ведь совсем недавно приехал...

Разговориться с Володей удалось только после уроков.

— Многие спрашивают, почему я остался, — сказал Володя. — Как родители отпустили? Они, конечно, не очень обрадовались, но ведь я здесь с братом. Мог я хоть раз в жизни проявить самостоятельность? Из дома пишут, что мне весь класс теперь завидует... Разве там, в Чебоксарах, такая жизнь, как на БАМе?

— А ты им не завидуешь?

— Как это?

— Ну, что там большой город, а здесь нет. Там — квартира, здесь — вагончик, там — ванна горячая каждый день, здесь — баня раз в неделю, там — и помогут и подскажут, здесь — все самому надо делать.

— Я как только сюда приехал, сразу понял: останусь! Никогда еще такой красоты не видел, никогда так рисовать не хотелось. Летом, помню, на Байкал ездил... Небо высокое, чистое над озером. Вода прозрачная, спокойная. Орел в небе, как крест. Вперед смотришь — волнистая синяя линия вместо горизонта. Оглянешься — каменные глыбы над водой нависают. Рябь по воде пробежит, дрожат глыбы, как живые...

— Ну, а, кроме природы, что еще привлекает?

— Здесь ребята куда самостоятельнее, чем в городах. Там до десятого класса многие раздумывают, какую профессию выбрать, а тут эти вопросы проще решаются. За любое дело, которое понравится, можешь взяться. И потом, на БАМе все как бы одним порывом живут. Вот, скажем, недавно государственная комиссия первый жилой дом принимала — и как все волновались! Вдруг не примет, вдруг подведут нас всех строители? Каждый бы тогда виноватым себя чувствовал. А приняли дом — все радовались, словно сами строили! Или вот двадцать девятого октября в Северобайкальск должен прийти первый поезд с Давана. Сейчас дни считаем. Сколько осталось километров уложить? На трассе чуть замешкаются — в городе уже знают: почему, что, как? Нет здесь равнодушных людей, вот в чем дело. Поэтому и жить интересней! Вот, скажем, наш директор, Людмила Степановна... Что ей, больше всех надо? А она организовала в школе дискотеку. Туда не только мы, школьники, но и взрослые ребята ходят. Сначала — современная музыка, потом перерыв, потом десять минут классики. Так она придумала... А многие вдруг открыли для себя, что классическая музыка, оказывается, тоньше, богаче современной...

— Значит, ты твердо решил не уезжать?

— Меня брат все время об

этом спрашивал, а теперь перестал... — ответил Володя и начал собираться. — В детский сад спешу. Мы им комнату для игр оформляем. Зверюшек разных рисуем...

В ДЕТСКОМ САДУ «ТАЕЖИК»

Валентине Улановой двадцать девять лет. Двенадцать из них она работает воспитательницей детского сада. Сначала в городе Салавате — это в Башкирии, а с 1975 года в Северобайкальске, в «Таежике».

— Родом-то я из Ангарска, — рассказывает Валентина, — почти что местная. С детства мечтала или учительницей стать, или воспитательницей. Нас, детей, росло в семье одиннадцать, и всегда старшие воспитывали младших. Так что некоторые воспитательские навыки у меня были, и потом я просто люблю детей.

Однако в Северобайкальске любовь к детям сразу потребовала конкретных дел. И за плечами у Валентины пять лет нелегкого труда. Она приехала сюда в мае семьдесят пятого, когда здесь еще хлопали на ветру палатки, а будущие улицы и кварталы обозначались табличками на елях.

— Уже в августе семьдесят пятого открыли палаточный детсад, — продолжает Валентина. — Словно в лесу тогда жили. Воспитательницам — нас четверо было — все самим делать приходилось. И костры разводить, и дрова рубить, и готовить... И за нянечек, и за поварих, и за медсестер были. До поздней осени жили в палатках. Потом построили самое необходимое: столовую, магазин и, конечно, детский сад. Мы — нас к этому времени побольше стало — сами теплотрассу тянули. — Валентина показывает давние фотографии: вот он, палаточный детсад, а вокруг могучие ели. Вот дети вышли на прогулку. Вот обед на свежем воздухе. — Я те дни с удовольствием вспоминаю, — продолжает Валентина, — хотя было нам очень трудно. Но именно тогда я вдруг поняла, что нужна людям. Вот, думала, молодые родители идут утром на работу — с хорошим настроением, с легкой душой, потому что знают — у детей все в порядке...

Сейчас в Северобайкальске пять детских садов. «Таежик» один из самых крупных. Целый комбинат. Двадцать две воспитательницы, одиннадцать групп, в каждой по тридцать детей. Несколько корпусов, светлые, просторные помещения, площадки для игр.

О себе Валентина рассказывает как-то сдержанно, неохотно, но когда речь заходит о детях, оживляется, глаза сияют.

— Здесь особенные условия, и дети, представьте, разделяют труд и заботы родителей. Спросите любого ребенка, что такое БАМ, зачем он нужен, когда его построят — ответит! В моей группе двадцать три мальчика, семь девочек. Какие у нас развлечения? Экскурсии, встречи, музеи — это в больших городах, а у нас? Прогулка на берег Байкала или вот недавно на дрезине катались по рельсам, можно сказать, первыми пассажирами были на этом участке БАМа. Я пошутила, а они очень серьезно к этому отнеслись. Кому же, дескать, и быть первыми пассажирами, как не им? Да, дети здесь живут интересами родителей. А родители — интересами стройки. Сколько разговоров о работе пап и мам. Помню, у папы Алеши Фролова машина сломалась, так Алеша в садик пришел в слезах. Вся группа волновалась, починил папа машину или нет? Смешные они... А посмотреть, что, например, мальчишки рисуют? «Магирус», «ЗИЛ», «КамАЗ», «Като», «Катерпиллер», звеносборка, путеукладчик, отсыпка земляного полотна... О чем спорят? Что лучше — «КамАЗ» или «Магирус»? Когда в Северобайкальске будет аэропорт? Когда дороги начнут асфальтировать?.. А девочки — как, наверное, все девочки на свете — любят в артисток играть. В моей группе шесть девочек хотят артистками стать, а Таня Руденко — пианисткой. Садится за стол, будто за пианино, остальные поют... А вот зимой, когда морозы до пятидесяти градусов, когда темнеет рано, соберемся в комнате, сочиняем письмо в ленинградский детский сад — мы с ними переписываемся. Ребята диктуют, я записываю. И знаете, такие мужественные, серьезные письма получаются! Перечитаю потом, ах, думаю, дорогие вы мои малыши, какими сознательными, активными растете! Настоящими бамовцами! Вот недавно ленинградцам орехов послали, а они нам в ответ — мягкие игрушки...

Валентина на минутку вышла, вернулась с детскими рисунками: — Дети наши удивительно восприимчивы ко всему новому, прямо нацелены в будущее. Вот, смотрите!

На рисунках многоэтажные дома, надписи: «Кино», «Детский мир», «Метро», «Аэропорт»... Набережная, по которой люди гуляют, а вдали по синим волнам плывут белые корабли.

— Несколько дней назад первый дом сдали в городе, — говорит Валентина, — а они уже видят, каким скоро станет Северобайкальск. И в садике очень популярна профессия строителя.

Было у меня на Западном участке БАМа много встреч с очень интересными людьми, но рассказать все-таки захотелось о директоре школы искусств Людмиле Давыдовой, юном художнике Володе Пыткове, воспитательнице детского сада «Таежик» Валентине Улановой. Они, правда, не прорубают просеку, не отсыпают земляное полотно, не кладут рельсы. Но каждый из них по-своему строит магистраль века. Валентина Уланова делает все, чтобы дети строителей росли здоровыми и сильными. Людмила Давыдова учит их прекрасному, верит в их талант. Для Володи Пыткова самостоятельная жизнь пока только начинается. Он видит красоту окружающей природы и, как может, передает ее в своих рисунках... Великая стройка, как мощный магнит, притянула к себе этих людей, и здесь каждый из них нашел призвание. И труд каждого очень нужен тем, кто прорубает просеку, отсыпает земляное полотно, кладет рельсы...

Без них — Людмилы Давыдовой, Володи Пыткова, Валентины Улановой — будет неполным и наше представление о героическом, сложном, многогранном мире, который мы называем коротким словом «БАМ».

Северобайкальск — Москва.

ДРУЖБА, ИСПЫТАННАЯ ВЕКАМИ

История Армении... Самые трагические слова не смогли бы передать историю многовековых испытаний, выпавших на долю этой земли и ее древнего народа.

У развалин некогда могущественных крепостных стен, сохранившихся и поныне, высоко в горах, на скалистых землях Айастана и теперь находят покрытые толстым слоем ржавчины, тяжелые мечи, почерневшие от времени щиты, обломки копий. Веками армянский народ вел тяжелые, изнурительные войны за честь и независимость родины. Не раз орды завоевателей врывались в плодородную долину Арарата, и благоухающие сады опустошались, словно под ударами всеуничтожающего смерча. Начало русско-армянского сближения, первые братские связи были для армян подобны первым лучам восходящего солнца.

Писатель Ашот Арзуманян посвятил десятилетия своей творческой жизни исследованию и описанию истоков и развития дружбы армянского и русского народов.

Из чего складывается сборник «Дружба»? Его определили статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма, высказывания выдающихся деятелей русской и армянской культуры. Собранные вместе и обстоятельно прокомментированные составителем сборника, кандидатом филологических наук, заслуженным деятелем культуры Армянской ССР Ашотом Арзуманяном, они зримо обозначили насчитывающий не одно столетие путь нерасторжимого братства.

Нынешнее однотомное издание книги «Дружба» включает лишь материалы об армянско-русских литературных и культурных связях. В то же время сборник дополнен новыми статьями, ранее неизвестными высказываниями.

Книга читается с большим интересом. Она несет в себе огромный познавательный заряд. Трудно переоценить то, что написали об армянском народе (и что цитируется в рецензируемом сборнике) такие блестящие представители русской литературы, как Пушкин, Грибоедов, Брюсов, Горький, Алексей Толстой, Шолохов, Фадеев, Николай Тихонов...

Сборнику предпослан эпиграф — слова великого армянского поэта Ованеса Туманяна. И разве не та же сердечность и признательность теперь уже певца Армении звучит в его обращении к России.

«...наше будущее, как я и говорил всегда, и вы это знаете, связано с Россией, а чем свободнее будет Россия, тем лучше для всего мира».

В книге то и дело перекликаются голоса выдающихся людей. Мы как бы слышим слова Луначарского, Шаумяна, Спандаряна, художников Сарьяна, Герасимова, архитектора Щусева, композиторов Глазунова, Шостаковича, Хачатуряна, известных деятелей театра Барсовой, Мелик-Пашаева, Качалова, Рубена Симонова, Завадского, Папазяна, Гоголевой, Немировича-Данченко, Довженко...

«Дружба» с впечатляющей силой рисует исторический путь армянского народа, преодолевшего неимоверные испытания, тягчайшие лишения и обретшего свое счастье лишь в братском союзе с русским народом, с другими народами нашей социалистической Родины.

Дружба. М., «Художественная литература», 1979, 405 с.

Михаил АНДРИАСОВ

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Недавно нашу редакцию посетила группа финских журналистов из журнального объединения «Юхтюнеет кувалехдет» во главе с директором-распорядителем Ахти Сиркия. Коллеги из Финляндии находились в СССР по приглашению АПН. Гости поделились с огоньковцами впечатлениями о пребывании в нашей стране, интересовались работой журнала, рассказали о своих печатных органах и творческих планах.

Фото М. Савина

СВЕТ СОГРЕВАЮЩИЙ

Николай ИВАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

К пенсионеру Сабурову, что живет на втором этаже многоквартирного панельного дома, второй день кряду является участковый. Коренастый веснушчатый лейтенант не слишком решительно нажимает на кнопку у косяка, и мелодичный перезвон раздается по ту сторону обитой черным дерматином двери. Подождав, лейтенант нажимает на кнопку еще раз и медленно спускается вниз. За ним наблюдают соседка Сабурова по этажу пожилая женщина Ефросинья, только что спустившая с лестницы коляску с внуком, и почтальон Клава, расфасовывающая по ячейкам синих почтовых ящиков газеты.

— И чтой-то он к Егорычу, теть Фрось? — спросила Клава, щелкая запором пухлой брезентовой сумки.

— А бес их знает. И вчера приходил, не застал... Наладился что-то. Может, стряслось что у старика...

— Да нет вроде... Утром пенсию ему приносила, веселый был, кофеем угощал меня.

А в это время участкового перехватила у подъезда дворничиха Маша, приземистая, рябая, с бегающими маленькими глазами. Однако голос ее, зычный, сиплоьатый, звучал во дворе громко, точно усилили его многоваттным динамиком.

— Ну что, смылся шайтан старый?! Так я и знала. Чует, когда не надо быть дома!

— Тише, Марь Петровна, тише...— останавливает ее милиционер.

— Что тише?! Почему? Я знаю законы. Права знаю! Не хочу тише!

— Но, может быть, все это не так страшно, Марь Петровна? Человек он вроде интеллигентный, культурный...

— Культурный? Я знаю законы, тоже культурная. Не привлечете — дальше пойду!

— Ну хорошо, хорошо. Я завтра еще зайду.— И лейтенант, обойдя Машу, заградившую ему путь, перешагнув через кучу мусора, пошел себе пустынным двором к остановке. Шел медленно, сняв шапку и подставив голову под косые вечерние лучи мартовского солнца. И было о чем подумать молодому лейтенанту милиции. Два года уже, как он, демобилизовавшись из армии, пошел служить участковым уполномоченным в один из столичных районов. И со многим ему довелось столкнуться за эти два года. Приходилось усмирять подвыпивших мужей, а порой и жен и улаживать иные семейные неурядицы и квартирные распри соседей, преследовать нарушения паспортного режима. А здесь что-то такое — прямо в голове не укладывается. Человек в преклонных годах, по всему видно, интеллигент. То ли актер, то ли художник, чтото в этом роде. И такой вежливый всегда, раскланяется, шляпу снимет.

...Но лейтенанту не пришлось зайти к пенсионеру Сабурову на следующий день, как он рассчитывал. Отвлекли дела более важные, более «насущные для текущего момента», как любил выражаться его начальник майор Мыриков. И попал он к старику лишь после празднования 8 Марта, в один из ненастных, пасмурных понедельников. На этот раз стоило ему прикоснуться к кнопке звонка, как дверь мгновенно отворилась, и перед лейтенантом предстал высокий, сухощавый старик, скуластый, с седыми, завивающимися полубачками. В руках он держал набитую посудой авоську; рядом с молочной и кефирной тарой соседствовали бутылки из-под перцовой и вермута.

Старик снял с головы велюровую шляпу и, слегка склонив голову, отступил на шаг, жестом приглашая лейтенанта войти.

— Прошу вас. Чем могу служить?

— Сабуров Иннокентий Егорович? — слегка замявшись, спросил лейтенант.

— Точно так. Я полагаю, мы с вами уже знакомы. Встречались в домоуправлении и на выборах, если мне не изменяет память...

— В общем, да...— Лейтенант расстегнул планшет.— Темновато у вас тут.

— Прошу вас,— повторил старик и распахнул дверь в комнату, небольшую, уютную, с низким потолком, но широким, едва ли не во весь торец стены, светлым окном.

Лейтенант вошел, огляделся. Вдоль правой стены, полностью прикрыв собой обои, простерлись книжные стеллажи. На подоконнике — несколько небольших из обожженной глины горшков с цветами.

Взгляд лейтенанта задержался на незатейливом, горящем на фоне голубой занавески алым огоньком цветке.

— Нравится? — спросил старик, отдергивая штору и как бы впуская в комнату еще больше света.— Это герань. Теперь, знаете ли, редко где ее встретишь. В моде все больше кактусы и прочие заморские чудища. А я, грешник, люблю нашу гераньку. Вот я старик уже древний, восьмой десяток давно распочал, а живу запахами детства. Бывалочи, в деревушке моей Сосновке, под Ленинградом, не было окошка без герани. А запах-то, запах какой! Нет, вы понюхайте, вы потрите пальцем листок... Ах, да что же это я, как говорится, соловья баснями... Не выпьете ли кофе? Минутное дело. В наш маленький магазин аж три сорта завезли на днях, небывалый случай! — Старик проворно расстегнул пальто, сдернул с шеи шарф.

— Иннокентий Егорович...— остановил его лейтенант.— Я ведь к вам по делу.

Старик насторожился, помрачнел.

— Так-так... Что же, готов вас выслушать внимательно. Присядем, однако, в ногах, говорят, нет ее, правды-то. Вот сюда, прошу вас.— Он указал на небольшое, обитое старинным бархатом кресло, сам сел рядом.

Лейтенант присел на краешек кресла и достал из планшета несколько листков бумаги, исписанных крупным косым почерком.

— Жалоба на вас, Иннокентий Егорович,— сухо проговорил он, вытаскивая из-под канцелярской скрепки один из листков.— Шумно, говорят, у вас в квартире. Молодежь вечерами собирается, пьянствуют, песни распевают, безобразничают...

— Ах, Маша, Маша...— сокрушенно покачал головой старик.— Не удержалась-таки, донесла...

— Что значит — донесла? Вот у меня письменное заявление, написанное по форме. «23 февраля, 1 и 5 марта имело местом быть в данной квартире са... са-бан-туй...» — медленно зачитал лейтенант с листа.

— Ах, да какая разница. Дело, знаете ли, в сути, а не в форме. Утрирует она, вот что я вам скажу...

— Как это?

— Ну... преувеличивает. Не скрою, что же, бывает у меня молодежь, да... и в указанные даты, вероятно, были ребята...— Старик явно расстроился, заволновался, долго не мог разжечь маленькую свою вересковую трубочку, а раскурив, глубоко затянулся и, склонив голову, уставился в пол.

— Иннокентий Егорович...— прервал лейтенант тягостное молчание.— Но ведь они пьют у вас! И какое уж тут преувеличение, вон, как говорится, и вещественное доказательство,— кивнул он на сетку с посудой.

— Да, уважаемый...— Старик поднял голову, рука его с зажатой трубкой легонько подрагивала.— Не скрою — и это случается. Но ведь лучше здесь, чем в подворотне...

— Вы что же, и сами...— Лейтенант осекся, подыскивая подходящее слово, но старик перебил его:

— Лет двадцать уже не пригублял. Последний раз выпил, когда наш человек на орбите оказался — Юрочка. Ну, а прежде... кто ж ее обходил...

— И все-таки, Иннокентий Егорович.— Лейтенант обескураженно развел руками.— У вас здесь выпивают, шумят... трудно и предположить такое. Человек вы представительный...

— Молодой человек! — Старик резко поднялся с кресла.— Я стар и мудр, как... вон та дырявая калоша,— кивнул он на обувь под вешалкой.— А вы меня воспитываете! Могу себе представить, что будет, если я начну вас поучать и объяснять, как надо и как не надо...

— Да успокойтесь вы, Иннокентий Егорович.— Лейтенант встал, убирая бумаги, щелкнул планшетом.— Я для того и пришел, чтобы разобраться во всем.

— Да, да... простите. И сидите, сидите, пожалуйста... Я попробую вам объяснить.— Старик подошел к занавеске, постоял, помолчал, глядя в окно, точно вспомнив о чем-то, покачал головой.

— Ах, Маша, Маша,— повторил он, повернувшись к лейтенанту.— Ну, чисто ребенок. Дитя природы. А ведь дружила со мной поначалу, дня не было, чтоб не зашла. То прибраться, бывало, поможет, то картошки с рынка подбросит ведерко, она и там убирала по совместительству. Ну, я, как мог, старался ее отблагодарить. Денег не брала ни в какую, принципиальная.

Лейтенант достал пачку «Шипки», надорвал целлофановую обертку. Старик будто бы обрадовался даже этому, взял с подоконника массивную хрустальную пепельницу, поставил на пол, возле ног лейтенанта.

— Курите, курите... а может, все-таки кофейку?..

— Да нет, благодарю вас.

— Муж у нее крепко выпивал,— продолжал старик.— Шофером работал, где-то тут на базе, неподалеку. До чего дошел, вещи даже стал потаскивать из дому. Ну, она, правда, и поколачивала его порой и вещи под замком от него да по знакомым держала. Не помогало, даже зуб свой золотой собственноручно выдернул и в ломбард снес. Это она все со мной делилась прежде. А когда забрали его на принудительное лечение, тут она и взъярилась на весь свет. А пуще всего почему-то на меня. И почему — не могу взять в толк. Помочь я ей ничем не мог, но ведь и худа никогда не делал...

— Иннокентий Егорович, а вы что же, одинок, один, простите? Без родни?..

— Как вам сказать... Одинок... слово какоето, смотря как его толковать. Ребят моих, Пашку с Мишкой, война не пощадила, две сестры в Ленинграде... в блокаду не выжили. Так что на мне сабуровский род кончается, в этом смысле — да, одинок. Ну, а жена... вот завтра десять лет будет, как и ее не стало...

— Виноват...— Лейтенант снова поднялся. Скрипнув сапогами, осторожно отступил от кресла, стараясь не задеть пепельницу.— Я зайду в другой раз.

— Э, нет,— возразил старик.— Раз уж пришли, не спешите... И, знаете что, я, пожалуй, вас не послушаю, оставлю одного на несколько минут. Посмотрите журналы пока, газеты, во-он на тумбочке свежие.

Бережно повесив на плечики пальто в прихожей, старик прошел в кухню.

Через несколько минут они сидели на кухне. Из высокого фаянсового кофейника старик разлил по чашкам черный дымящийся кофе. Лейтенант, вертя на блюдечке маленькую голубую чашку, осматривался. Даже на кухне старик ухитрился пристроить застекленные книжные стеллажи. Под стеллажами, ря-

дом с холодильником, примостилась маленькая складная софа.

...— Верно, в общем-то пошумели они у меня пару раз. Особенно, знаете, песни эти их, гортанные какие-то, с надрывом, манерные. Никак не могу привыкнуть к этому. И, вы знаете, переспорить их, ну, практически никак невозможно, а уж перепеть — куда там! Да вы что же не пьете-то?

— Горячо что-то. Я из блюдца попробую...

— Конечно, конечно, как удобнее, так и пейте, не стесняйтесь только. Вот сахар, сухарики... И все же, знаете, порой мне удаются маленькие победы. Вот, скажем, последний раз... Ну, Софокла я им читал, не слушали, делали вид только, мерзавцы. А вот после «Короля Лира» девчонка эта, Лялька, навзрыд плакала. Курит и плачет... Ну, а особенно — стихи. Стихи, я вам скажу,— это гигантская сила. Выражение красоты, поэзии жизни. Нет, я не ради игры слов это говорю — именно красоты и поэзии жизни нашей. И вот что обидно, замечу вам: порою такое ощущение, что в школе им ни Пушкина, ни Тютчева не читали. Слу-ушают... Ах ты ж, простите вы меня, старого, про молоко-то забыл...— Старик привстал с маленькой кухонной табуретки, взял с подоконника пакет с молоком.

— Так попрохладнее будет, и в блюдце не надо переливать. Попробуйте так... О чем же я вам?.. Да... победы маленькие. Ну, победы, не победы, а все же... Вот, скажем, парень один. И выпить его все тянуло больше других и пошуметь. А тут намедни протянул я руку вот к этой полке, достал томик стихов, стал читать. И парень этот отставил стакан и не притронулся к нему весь вечер. А потом, когда проводил я их, вернулся, минут через двадцать позвонил. «Дай,— говорит,— дядя Кеша, стихи переписать про звезду...» Я оторопел сначала на минуту, потом отдал ему книжку. Бери, говорю, насовсем, береги только, храни. Жалко было отдавать, не скрою, книжка-то всю войну была при мне, да рука не поднялась отказать...— Старик вздохнул, склонившись над чашкой.

— Скажите, а что же это за стихи такие... про звезду? — Лейтенант звякнул чашкой о блюдце, отодвигая ее от себя.

— Стихи-то?.. Если интересуетесь, послушайте. Вот они.— Старик отпил глоток уже остывшего кофе и прочитал мягким, грудным голосом, чуть-чуть нараспев:

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Лейтенант поспешно прикурил сигарету, глубоко затянулся дымом.

— Иннокентий Егорович, вы простите меня, полюбопытствовать хочу... Вы прежде, до пенсии-то, в театре работали?..

Старик ответил не сразу. Медленно раскурил трубку, подвинул лейтенанту пепельницу, отставил на край стола кофейник.

— Отнюдь. Перед вами всего лишь сельский учитель. И почему вы так подумали?.. Не скрою, пристрастие, правда, к театру я имел всю жизнь, особенно в молодости. В студенческие годы довелось посмотреть и Василия Ивановича Качалова, и Марию Николаевну Ермолову, и Станиславского... Одним словом, повезло — старый МХАТ, Малый!

Старик отпил из чашки еще маленький глоток холодного кофе, улыбнулся, посмотрев лейтенанту в глаза.

— Хочу, в свою очередь, спросить у вас: родом-то вы откуда? Москвич?

Лейтенант покачал головой.

— Смоленский. Федоровского района...

— Да что вы говорите?! — Старик не донес трубку до рта, отложил ее на подоконник, машинально стал двигать к краю стола чашки, сахарницу, точно освобождая перед собой пространство, чтобы лучше видеть собеседника.— Мыслимое ли дело...— продолжал он, подперев руками подбородок.— Почти десять лет я учительствовал в ваших краях перед войной. В Дорогобуже, в Вязьме... Партизанил там же... И в Федоровке вашей бывал. Партизанская бригада у нас была подвижная, рейдовая. Церковь в вашем селе, если не изменяет память мне, красавица была и без одной маковки, по-моему...

— Точно,— подтвердил лейтенант.— Наша. Реставрировали ее, правда, не так давно...

— И речка, как сейчас помню, узе-енькая, но вся в тростнике, в камышах. Петлей огибала мысок по-над лесом.

— Вот речки нет. Пересохла. Это я еще пацаном был, в школе учился.

— Жаль. Речка-то мне запомнилась особенно. Гнали нас вдоль нее каратели. Сначала мы из камыша отстреливались впятером, пока отходила основная группа, потом успели перебежать в лесок. Тут меня и того...— Старик погладил ладонью правое плечо, потянулся опять к трубке.— Ну, верите ли, совершенно не почувствовал тогда боли. А когда уж отмахали километров десять, в глазах стало темнеть, и упал... А может, подогреем еще?— Старик подмигнул лейтенанту, кивнув на кофейник.

— Нет-нет, спасибо. Да вы рассказывайте, пожалуйста...

— А что, собственно, рассказывать... Потом еще раза два ходил на задание, еще разок задело... Потом соединились с белорусскими товарищами, и новый командир бригады, объединенной уже, запретил мне воевать, как отрубил... Будешь, говорит, товарищ Георгий, кличка у меня была в отряде такая, детишек учить. Война войной, а дети должны грамоту знать, чтобы после войны смена нам была стоящая. Я было на дыбы: как это в лесу, в землянках отсиживаться?! Но приказ есть приказ, и время военное. А детишек у нас было около сотни — мал мала меньше, да чуть ли не половина из них — сироты уже...

— Неужели учили? — удивленно перебил лейтенант.— Обстановка-то какая, немцы кругом.

— Представьте, учил. Где по памяти, где по обгоревшим страницам учебников, которые по крупицам собирали в селах. Так в лесных землянках и занимались, пока не освободили Смоленщину да Белоруссию. А потом до конца войны работал снова в ваших краях и тоже, едва ли не в землянках, область-то почти всю в руины превратили фашисты... Такие вот дела... Ну, а ученики мои, грибочки лесные, боровички, как я их называл тогда, не забывают меня и по сей день. Крепкий народ из них получился, военной закалки. Есть среди них и дружки земляка вашего Юрочки Гагарина, они-то меня с ним и знакомили когда-то. А вы говорите — одинок! Отнюдь... Однако заговорил я вас, простите вы меня, старого...

— Спасибо вам. Не за тем вроде я приходил к вам, но спасибо. И за кофе и за рассказ...— Лейтенант посмотрел на часы, поднялся. Одергивая китель, невзначай бросил взгляд в окно. Внизу, у подъезда, сгребая деревянной лопатой рыхлый желтоватый снег, топталась дворничиха Маша. Время от времени она притрамбовывала небольшую грязную кучу лопатой и посматривала вверх, на окна старика.

Лейтенант отвел глаза и только теперь заметил на подоконнике такой же, как в комнате, небольшой горшок с геранью, машинально прикоснулся к стеблю рукой и сразу же ощутил резковатый и терпкий запах.

— Еще раз спасибо вам,— повторил он и сквозь узкий проход между маленькой софой и столом стал пробираться к вешалке.

ОЛИМПИАДА У ПОРОГА

С последним ударом Кремлевских курантов, возвещающих начало нового, 1980 года, выйдет на последнюю прямую Олимпиада-80. 19 июля в огромной чаше, возвышающейся над трибунами Большой спортивной арены в Лужниках, вспыхнет пламя олимпийского огня, и от имени всех участников Игр прозвучит клятва бороться «во славу спорта и во имя чести своих команд!».

А пока Москва продолжает готовиться к всемирному спортивному форуму.

В. САДОВСКИЙ

Фото А. БОЧИНИНА

ГЛАВНЫЙ СТАДИОН ОЛИМПИАДЫ-80

В истории Олимпиад, пожалуй, ни один стадион не был столь современно подготовлен. Ровно за год до открытия Игр была почти полностью завершена модернизация и реконструкция Лужников, где состоится церемония открытия и закрытия Игр XXII Олимпиады, а также будут проведены состязания легкоатлетов, футболистов и конников.

Лужники смогут принимать одновременно до 150 тысяч болельщиков. Проект модернизации стадиона был включен в Генеральный план развития города еще до решения сессии Международного Олимпийского комитета, назвавшей Москву столицей Олимпиады-80. Но, исходя из требований международных спортивных федераций и МОК, пришлось внести существенные коррективы в проект его реконструкции. При этом основное внимание было уделено созданию оптимальных условий для подготовки и выступлений спортсменов, достижения ими рекордных результатов, а также максимального комфорта для болельщиков. Были учтены и самые высокие требования представителей массовых средств информации. Теперь полностью перепланированы все подтрибунные помещения, занимающие свыше 80 тысяч квадратных метров. Уже оборудованы специальные комнаты для официальных лиц Международного Олимпийского комитета, сооружен филиал Главного пресс-центра и АСУ («Олимпиада-80»). Это помимо многочисленных спортивных залов, гостиниц, предприятий питания, восстановительных центров и медицинских кабинетов.

Во внешнем облике главного стадиона Олимпиады-80 надо отметить новые, более удобные сиденья для зрителей, специальные ложи для почетных гостей, прессы, радио и телевидения, а также судей и медицинского персонала. Впечатляюще смотрятся новые высотные прожекторные мачты и современные матричные табло размером в 250 квадратных метров, поставленные венгерской фирмой «Электроимпекс», являющейся официальным поставщиком Олимпиады-80. На двух огромных экранах табло, кроме обычной спортивной информации, болельщики смогут посмотреть фрагменты состязаний по отдельным видам легкоатлетического многоборья, а также некоторые программы телевидения.

Не узнают старожилы Лужников и Малую спортивную арену, где пройдут олимпийские соревнования волейболистов. Не только значительно расширилась ее полезная спортивная площадь с комфортабельными трибунами на 9 тысяч мест, но и появилась крыша над головой. Отныне арена превратилась в один из современных Дворцов спорта, с совершенным техническим оборудованием, кондиционированным воздухом и первоклассным освещением, отвечающим самым высоким требованиям цветного телевидения. Здесь можно будет проводить соревнования не только по летним игровым видам спорта, но и хоккейные поединки.

Любимое место отдыха москвичей и гостей столицы — Дворец спорта оснастится новейшим спортивным и технологическим оборудованием. В плавательном бассейне реконструирована прыжковая ванна, где отныне смогут соревноваться ватерполисты. Гордостью нынешних Лужников стал новый универсальный крытый зал на 4 тысячи мест, в котором можно будет проводить соревнования по 12 видам спорта.

КИЛЛАНИН ОСТАЛСЯ ДОВОЛЕН

Во время пребывания в Москве президент Международного Олимпийского комитета лорд Килланин побывал на строительстве спортивного комплекса ЦСКА на Ленинградском проспекте. Московский архитектор Юрий Кривущенко, автор проекта, показывая макет будущего сооружения, и не подозревал, какие чувства вызовет его работа у высокого гостя. Лорд Килланин с интересом выслушал рассказ градостроителя, задал несколько вопросов, а потом сказал: «Я должен поздравить вас с блестящим замыслом. Чувствуется, что этой работой занимался человек, влюбленный в спорт».

Едва ли найдется в мире второй человек, который бы видел столько современных спортивных сооружений, сколько Майкл Килланин. Тем почетнее была его оценка творчества московского архитектора.

Мы встретились с заслуженным архитектором РСФСР Юрием Кривущенко и попросили его рассказать о своем детище.

— Проект футбольно-легкоатлетического комплекса ЦСКА, а также его сооружение были закончены в рекордно короткий срок,— говорит архитектор.— Это свидетельство того, что мы научились строить быстро и хорошо. Ведь, по существу, от первого листа проекта до сдачи объекта государственной комиссии прошло три с половиной года. За это время надо было выполнить 160 тысяч кубометров земляных работ, смонтировать 70 тысяч тонн металлоконструкций, уложить до 40 тысяч кубометров монолитного и сборного железобетона.

В дни VII летней Спартакиады народов СССР футбольно-легкоатлетический манеж ЦСКА принял первых зрителей и спортсменов. Ни со стороны атлетов, ни со стороны болельщиков не было нареканий в адрес создателей этого уникального сооружения, где одновременно могут разместиться 12 тысяч зрителей.

— ФЛК — первый в мире спортивный комплекс подобного типа,— говорит Ю. Кривущенко.— В нем два манежа (124 × 84 метра каждый). Тот, который предназначен для футболистов, целиком и полностью соответствует своему назначению. Здесь можно играть в большой футбол, использовать самые длинные передачи, бить по воротам с максимальной мощью, не боясь при этом попасть в зрителей. Все поле обносится невидимой сеткой, которая надежно защитит болельщиков. Легкоатлетический манеж разбит на несколько секторов, где одновременно смогут соревноваться прыгуны, метатели, спринтеры. Высокие результаты позволит показывать бегунам 200-метровая дорожка с 16-метровым радиусом виражей, покрытая рекортаном. В дни Олимпиады здесь пройдут поединки борцов классического стиля и фехтовальщиков. Для этого в легкоатлетическом манеже будут установлены 4 ковра, а на футбольном поле протянуты 17 дорожек для д'Артаньянов.

В заключение хочется добавить, что Юрий Кривущенко и сам много увлекался спортом. Играл в волейбол, плавал, выступал на соревнованиях по лыжам и гребле. Так что лорд Килланин оказался прав, когда говорил, что проект ФЛК создавал человек, влюбленный в спорт.

ДЕРЕВНЯ, КАКОЙ НЕ ЗНАЛА ИСТОРИЯ ОЛИМПИАД

Обращаясь с приветствием к членам Международного Олимпийского комитета, Организационному комитету и участникам XXI Олимпийских игр в Монреале, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев говорил: «Сейчас советские люди ведут подготовку московской Олимпиады 1980 года и сделают все для того, чтобы она прошла на высоком уровне, дала новые импульсы благородным идеям дружбы и мира».

Эти слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым, вспомнились нам, когда мы знакомились с завершающими работами в Олимпийской деревне на Мичуринском проспекте. Восемнадцать шестнадцатиэтажных жилых корпусов с современной планировкой, культурный центр с киноконцертным залом на 1200 мест, двумя кинозалами на 250 кинозрителей каждый, библиотекой и уютным рестораном готовы хоть сегодня принять олимпийцев. Уже почти на полную мощность действует Директорат (комплекс специальных служб), где в дни Олимпиады-80 разместятся международные телеграф и телефон, почтовое отделение, отделение Внешторгбанка, а также комфортабельные залы для пресс-конференций.

— На территории Олимпийской деревни завершено строительство столовой на 4 тысячи мест, современного универмага и комбината бытового обслуживания,— рассказывает генеральный директор И. Холод.— А в спортивной зоне будут действовать крытый бассейн, три спортивных зала, многочисленные спортплощадки и даже футбольные поля для одновременной тренировки нескольких команд. «Максимум удобств и заботы о спортсменах» — таков девиз работников Олимпийской деревни. С этой целью в деревне сооружен семиэтажный корпус современной поликлиники, оснащенной самым современным, самым действенным оборудованием, построена АТС на 10 тысяч номеров. Не выходя из комнаты, любой спортсмен сможет позвонить по автомату в 32 страны.

— Есть ли аналоги в истории строительства Олимпийских деревень с той, которая поднялась на Мичуринском проспекте? — спрашиваем мы И. Холода.

— Любое высказывание генерального директора может быть воспринято как субъективная оценка,— говорит Иван Иванович.— Поэтому лучше обратиться к мнению большинства. За время строительства нашей Олимпийской деревни на ее территории побывали сотни иностранных делегаций, тысячи специалистов чуть ли не со всего света. И мы ни разу не слышали, чтобы кто-то сказал, что видел Олимпийскую деревню более удобную в архитектурном и инженерном отношении, чем Олимпийская деревня образца 1980 года.

Во время нашей встречи с Иваном Ивановичем Холодом произошло знаменательное событие. Олимпийскую деревню покинула последняя бригада строителей. 27 июня 1980 года в 17 часов состоится торжественное ее открытие.

Бегуны, ватерполисты, прыгуны, конники — представители олимпийских видов спорта. * Новые арены Москвы: стадион лучников в Крылатском; залы для борьбы и фехтования во Дворце спорта ЦСКА.

НА РАЗВОРОТЕ: Главная арена Олимпиады-80 — реконструированный Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках.

USA
553

WELCOME
BIENVENIDOS

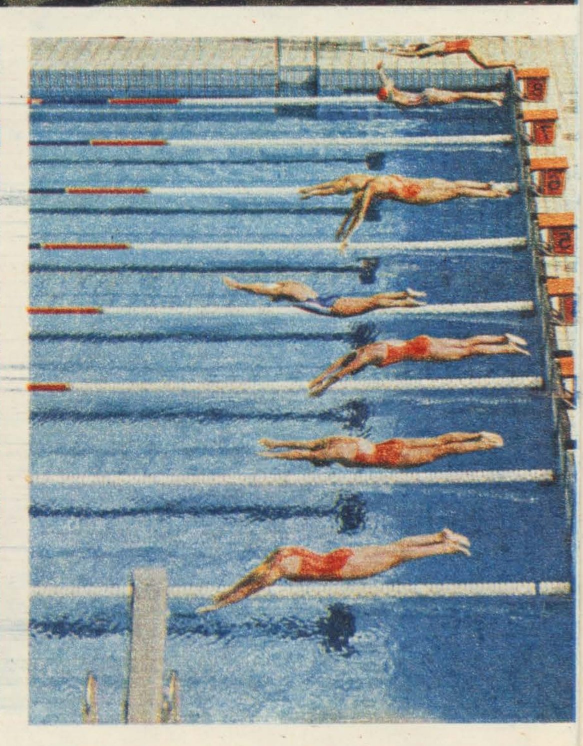

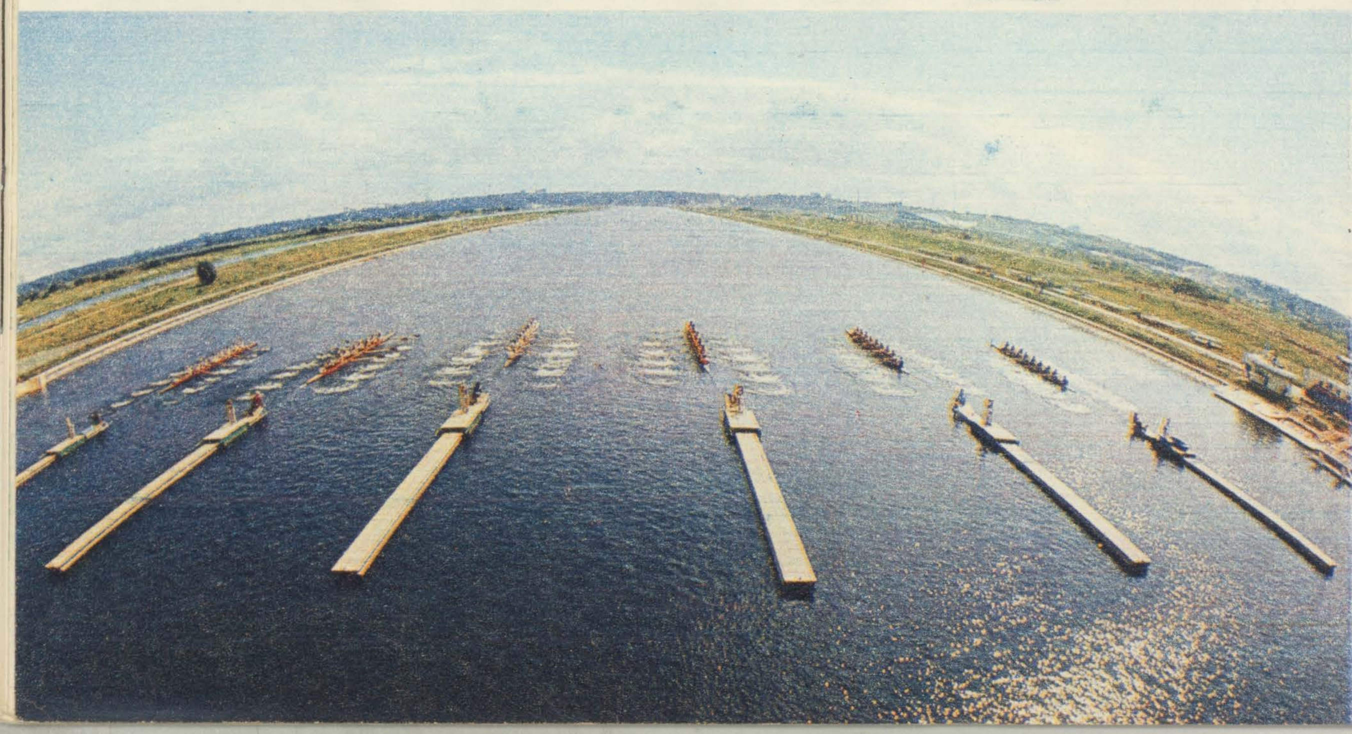

884
1177
332
643

СЛОВО О СЧАСТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

К 80-ЛЕТИЮ АНТАЛА ГИДАША

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

Я выбрал заголовок из целого десятка, которые напрашивались до этого: «Ровесник века», «Слушая музыку столетия», «Сын Венгрии — друг России», «Улица Жасмина... улица Фурманова...» — или совсем просто: «Наш друг Гидаш». И каждый из них отразил бы какую-то грань, черты характера, важные качества или вехи жизни, борьбы, творчества, радостей, мук и исканий большого поэта, писателя и человека, убежденного коммуниста Антала Гидаша.

Главные черты его глубокой, страстной и искренней поэзии родились на том легендарном переломе венгерской истории, когда вестником революционного обновления блеснула молния Венгерской коммуны и тут же погасла в свирепом натиске темных туч реакции и мстящего за свой недавний страх мещанства.

Вероятно, эмоциональное потрясение той поры и обнаружило, обострило, выковало в молодой поэзии Антала Гидаша ее способность передавать с такой силой радость, торжество, восторг и самые глубины горечи, человеческого горя. В эти же годы возникла и нерушимо окрепла его высокая вера в справедливость коммунистического братства:

Помню — и в этом ошибки нет,—
вместе делили мы солнца свет,
верили — поровну распределим
солнечные лучи.

Сам Гидаш так писал об этом периоде своей жизни: «Я принадлежу тому поколению коммунистов-венгерцев, которые осознали себя коммунистами в дни падения Венгерской советской республики. Тогда только поняли мы, что́ потеряли».

Кажется, еще недавно, сразу после грозы октябрьских событий в России, на собраниях революционно настроенных рабочих юноша Гидаш бросал в наэлектризованные залы «Песнь венгерского якобинца» пламенного Эндре Ади:

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский,
в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?
О Венгрия, край скорбных
нищих,
Нет веры в нем, нет хлеба в нем.
Но ты, грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем!

Но когда дерзнули, когда венгерский пролетариат рванулся на штурм неба, тяжелыми веригами повисло на нем предательство правых социалистов. В середине 1919-го европейской реакции удалось потушить зарю венгерской свободы. Наступила мрачная полоса ужасов и белого террора. Очевидец обстановки тех лет, другой замечательный венгерский писатель, Дюла Ийеш, в недавней статье о Гидаше писал: «В воздухе, словно нероновскими ночами, носились слухи о том, что людей тайно арестовывают и убивают». Эндре Ади уже не было в живых, а брошенным на колени нужны были как воздух горькие и гневные строки. И тогда родился новый поэт с музой борьбы и боли. Революционная Венгрия узнала и полюбила Антала Гидаша.

В страстном реквиеме «Погибшим революционерам» прозвучал призыв к мести и мужеству во имя грядущей победы:

Слыхали вы, когда фанфары,
фаготы, трубы и тромбоны,
привыкшие играть победу,
в печали головы склонив,
играют траурные марши?!

...О страшная, рыдающая осень!
Мы видим: их
по городу ведут,
в полночной мгле,
средь бела дня,
кого к петле,
кого к стене,
кого к реке...
Немая месть сжимает наши
зубы!

...Смотри и знай:
вновь протрубит труба победы.

Неколебима убежденность поэта. Но тогда он не знал и не мог предположить, что путь к победе будет так долог, так тернист, что венгерской революции и самому поэту предстоит прошагать десятки лет нелегких исторических дорог.

В Советском Союзе, куда Гидаш был направлен партией венгерских коммунистов, обрел он свою вторую родину. Вместе с нашим народом дышал раскаленным от энтузиазма воздухом первых пятилеток, яростно спорил о проблемах новой культуры, рядом с новыми друзьями готовил Первый съезд Союза советских писателей и принимал в нем участие, писал пламенные стихи и хорошую прозу, тосковал по родной Венгрии и бился за ее социалистическое будущее.

Он очень тосковал, но всегда верил, что именно коммунисты возродят поруганную фашистами Родину:

Звезды над нашей страною
Зажжем только мы. Только мы!

Поэт не мог удержать слез радости, когда над колоннами демонстрантов на Красной площади звенело: «Гудит, ломая скалы, ударный труд!» Хотя проходившие рядом русские люди порой даже не знали, что боевой марш их пятилетки написан венгерским поэтом. Похожее на это щемящее сложное чувство испытывал он не раз, когда после тридцати четырех лет отсутствия, вернувшись на венгерскую землю, уже на родном языке слышал, как сотни людей пели песни, не подозревая, что автор слов шагает рядом.

По собственному признанию Гидаша, на формирование его коммунистического мировоззрения оказали влияние не только труды Ленина, Бела Куна, но и вся нравственная мощь русской литературы, особенно творчество Льва Толстого, а в нем — «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Не могу молчать», «Что такое искусство?». Потребность в русской литературе, любовь к ней сделали Гидаша пламенным ее пропагандистом, переводчиком российской поэзии от Державина до Маяковского.

Один из тех, кто работал в молодой советской литературе, Антал Гидаш стал близким другом многих ее выдающихся творцов: Александра Фадеева, Всеволода Иванова, Николая Тихонова, Алексея Суркова, Тициана Табидзе, Егише Чаренца, Леонида Мартынова, Бориса Полевого, Сергея Наровчатова. Словом, в каждом поколении советских писателей есть у Гидаша друзья, поклонники его человеческого и поэтического дара, тонкие переводчики его произведений.

Вот уже почти двадцать лет, как Гидаш вернулся на улицы своей юности, принеся с собой в обновленный социалистический Будапешт неукротимо молодые стихи, умудренные нелегкими годами борьбы и ожидания.

Я стал словно зал, распахнутый
прямо на площадь.
С каждым шелестом ветра
в меня врываются песни —
и качаются крыши от множества
голосов.
...Стою на Цитадели, стою
над родимым городом
и озаряю глазами, светящимися,
словно окна,
устремленные к небу
гордые лица людей.

Такие строки могли родиться лишь в большом сердце большого человека.

Я думаю, что Антал Гидаш действительно счастливый человек. Его стихи и прозу знает, любит, ждет родной венгерский и родной советский читатель. Поэта Гидаша охотно и бережно переводят лучшие советские поэты. А переводы прозы он не доверяет никому, кроме своей Агнеш.

Агнесса Кун — дочь вождя венгерских коммунистов, жена, друг и соратник Гидаша. Полвека, как встретились их жизненные пути, встретились, чтобы породить завидный творческий союз и великую любовь. Они прошли рядом прекрасный отрезок прекрасной жизни, которая отгранилась любовью, борьбой, друзьями, врагами, судьбами двух близких их сердцу стран и болями целого мира.

Может быть, поэтому так пронзительно откровенна и наполнена благодарным чувством любовная лирика Гидаша.

Лишь тебе, лишь тебе, лишь тебе
и никому другому
душу свою я открою —
женщине, другу, товарищу
с сердцем героя.

Или еще:

...Как сюда попала?
Знаю я и это.
Села ты на алый
Самолет рассвета
И на нем примчалась.

Ах ты, моя радость,
Юность и отрада,
Ты со мной, и больше
Никого не надо!

Перечитайте последний сборник стихов Гидаша «Чтоб хлынул свет», только что вышедший в издательстве «Художественная литература». В стихах «Севастополь», «Слышу: постучались», «Опущенные руки», «Песня», «Колыбельная», «Ты мне приснилась...» вы найдете такую силу страсти, восторга и удивления перед жизнью, которая скажет вам: их могла исторгнуть лишь душа поэта, познавшего чудо любви.

Стихам Гидаша отнюдь не свойственно сладкогласие или искусственное бодрячество. В них много грусти, нелегких размышлений, поэт исследует лабиринты невеселого в душе человеческой, задает вопросы самой смерти, сам же отвечая:

Нет, не смерти я боюсь —
Просто жизнь люблю.

Именно эта любовь к жизни и эти раздумья приводят его к мысли о той строке, о той песне, которую он страстно хочет подарить людям:

Хотел бы крепко сжать
одной рукой
все арфы мира —
всю звонкую семью
и, струны обрывая,
спеть
вам песню лучшую мою.

Вот какие стихи пишет сегодня поэт, которому в эти дни исполнилось 80 лет.

Один из сильнейших гимнастов мира Э. Азарян. * В московском Дворце дружбы. * Елена Томас занимается художественной гимнастикой * Марафонцы на дистанции. * Плавательный бассейн в Лужниках. * Гребной канал в Крылатском. * Людмила Кондратьева — надежда нашей легкой атлетики.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Димфна КЬЮСАК

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Держась обочины, как учил папа, и пританцовывая, Люси шла по пыльной дороге. На углу она обернулась и посмотрела назад. Ее всегда переполняло счастье, когда она оглядывалась на обшитый досками белый домик, стоявший в тени большого эвкалипта. Сегодня было так жарко, что оцинкованное железо крыши пылало на фоне бледно-голубого неба, а на равнине за домом колыхались волны зноя.

Мама с папой все еще стояли на веранде и смотрели ей вслед. Она помахала им, и они помахали в ответ, и у нее прямо зашлось сердце при воспоминании о всех чудесах, что принес этот день: на ней было новое белое платье — мама закончила его только накануне вечером; на ее блестящих черных кудряшках, как бабочка-капустница, примостилась новая лента, подаренная тетей Зеной, а на темной коже ног ослепительно сверкали новые туфельки.

Мама постояла еще немного и помахала ей. И Люси всего лишь на мгновение задумалась, почему именно сегодня — из всех дней — в мягких и темных маминых глазах стоят слезы. Она тут же об этом забыла и свернула за угол, откуда уже был виден церковный зал, и пошла вдоль домов, напевая песенку, которую сама придумала:

«На елочку Люси идет, тра-ля-ля-ля поет».

Да и как тут не запеть, когда тебе всего шесть лет и ты в первый раз в жизни идешь на елку?

В прежние годы она только смотрела на белых детей, которые направлялись на елку, но саму ее никто не приглашал. В этот же раз, когда папа привез к дому приходского священника сосенку, Люси сидела с ним в кабине. Священник был болен, а его сестра, приехавшая из Сиднея присматривать за ним, стояла у дверей кухни — высокая женщина с улыбающимся морщинистым лицом. Она посмотрела на Люси и сказала:

— Какая у вас прелестная девчушка, мистер Бернс. (Люси отметила про себя это «мистер».) — Как тебя зовут, милочка?

Люси прошептала свое имя. Она робела, потому что в школу еще не ходила; кроме того, с белыми она встречалась редко, но папа постоянно наказывал ей отвечать им повежливей, если они с ней заговорят. Сестра священника оказалась самой приятной из всех белых женщин, с которыми Люси когда-либо приходилось сталкиваться.

— Непременно приводите ее на наш рождественский утренник,— сказала она.

Отец нахмурился и что-то пробормотал. Люси удивилась: а где же вежливость?

— Чепуха! — сказала сестра священника.— Разумеется, ей будет весело. Тебе ведь хочется прийти на утренник, правда, Люси?

Люси кивнула. «Елка» и «утренник» — как часто они звенели у нее в голове, но никогда еще она на них не ходила: рождественские утренники предназначались для белых девочек.

И вот она смущенно стоит у ворот. Как же набраться смелости войти и подняться по тем вон ступенькам? От нерешительности у нее заболели ноги.

Но тут к двери подошла сестра священника, увидела ее и позвала:

— А, вот и моя крошка Люси! Входи, милочка, чего ты боишься?!

Говоря это, она спустилась по ступенькам, подошла к воротам и, обняв Люси за плечи, повела ее в дом. Дети на ступеньках вытаращились на нее, и она робко опустила глаза.

Внутри зала она ахнула. Такой красивой елки она еще никогда нигде не видела. Она не могла поверить, что это та самая сосенка, которую ее папа срубил у нее на глазах и привез сюда. Сейчас она вся сверкала серебряными блестками, а на макушке сияла золотая звезда. Она вся была увешана сказочными огоньками и пакетиками в разноцветной бумаге. От одного этого зрелища сердце у Люси прямо-таки подпрыгнуло.

Сестра священника захлопала в ладоши, и дети собрались вокруг нее.

— А теперь, дорогие детки,—сказала она,— я хочу познакомить вас с нашей маленькой подружкой Люси Бернс. Папа Люси каждый год привозит нам эту красивую елку, так что мы должны быть ему очень благодарны. А чтобы показать свою благодарность, будьте поласковей с Люси. Постарайтесь, чтобы она не скучала. Она первый раз на рождественской елке, поэтому покажите ей, что надо делать. И помните: все мы божьи дети. Сейчас мы вместе споем несколько рождественских гимнов, и я хочу, чтобы все присоединились к хору и пожелали младенцу Иисусу счастливого рождества.

Одна из мам подошла к пианино и заиграла, и Люси была в восторге, что знает гимны, которые они поют, потому что ее мама, бывало, напевала их с ней, когда их передавали по радио. Больше всего ей понравился гимн о младенце Иисусе, лежавшем в яслях... Она не знала, что такое ясли, но у нее прямо сердце заболело оттого, что у него вообще не было кроватки. Она бы дала ему свою, из которой уже выросла, и накрыла бы его своей сеткой от москитов. У них дома для него была бы настоящая детская кроватка, а ее мама пела бы ему песенки, которые она пела ей. Ужасно, что где-то в мире его не приняли так, как его бы приняла она. Как жестоко!

«Святая ночь» ей тоже понравилась. В их доме тоже бывало свято, когда она вешала свой чулок, и Санта-Клаус скользил меж деревьев на возке, который тащили северные олени. У них в зарослях никаких оленей не было — наверное, потому, что они-то не на севере живут. Вот было б здорово, если бы он приехал на возке, запряженном кенгуру!

Ее голосок, звонкий и чистый, так и звенел, а сердце переполняла радость.

Когда пропели гимны, начался обед. Дети сели за длинные столы, а мамы им подавали. Люси сидела рядом с сестрой священника во главе стола. Она была слишком возбуждена, чтобы много есть, но она выпила апельсиновый напиток, который шипел у нее в стакане, и съела расплывающиеся по тарелке желе и мороженое. Она подумала, а были ли у младенца Иисуса мороженое и желе в этих его яслях, и пожалела, что не может оставить немного для него.

Потом обед закончился, и все собрались вокруг елки, а сестра священника что-то все говорила и говорила, но Люси почти ничего не поняла. Другие дети, судя по тому, как они крутились и ерзали вокруг нее, тоже ничего не поняли. Но сама она вежливо слушала и не ерзала, так как считала сестру священника самой удивительной женщиной в мире.

Затем дочка врача и девочка, которая жила в Большом Красном Доме, стали подавать из-за елки пакеты сестре священника, а та выкликала детей по именам. Первыми получили подарки две большие девочки, затем мальчик со станции и младший сын врача. Потом настала очередь Люси Бернс. Люси не могла

этому поверить. Она как к месту приросла, в ушах у нее шумело.

Она услышала свое имя снова — как будто где-то далеко, хоть и очень громко. Она никогда не слышала, чтобы ее имя так выкликали. Она не знала, что делать. Кто-то рядом с ней хихикнул. Кто-то другой прошептал:

— Она что, не знает, как ее зовут?

Тогда сестра священника нежно сказала:

— Иди получи свой подарок, Люси.

И под смех окружающих она как во сне шагнула вперед, ноги у нее подкашивались, а кровь под кожей прямо кипела.

Сестра священника погладила ее по кудряшкам, сунула ей в руки пакет, обернутый в прозрачную бумагу, и, слегка обняв, повернула ее. Она пошла на свое место, но не смогла найти его; проталкиваться в сомкнувшуюся кучку детей ей не хотелось, и она стала рядом.

Задумавшись, она смотрела на пакет. Через бумагу ей было видно, что это книжка с яркой обложкой, на которой нарисовано первое рождество с тремя королями — один из них такой же черный, как ее папа,— возлагающими дары к ногам младенца Иисуса.

— Тебе нравится? — спросила сестра священника.

— Очень-очень! — Глаза Люси светились любовью и благодарностью.

Когда раздали все подарки, начались игры — «музыкальные стулья» и «следуй за ведущим»,— у пианино оставили дочь врача, а мамы удалились в соседнюю комнату пить послеобеденный чай. Только большие мальчишки задирали маленьких, и сестра священника отправила их играть во дворе.

Дочь врача, сидя за пианино, командовала, а маленькие мальчики и девочки играли в разные игры. Как здорово было изображать из себя пони, кенгуру или кролика! Хуже стало, когда в игре требовался партнер, потому что для Люси каждый раз партнера не оставалось.

ЕЛКА

Она стояла в уголке и смотрела на детей, когда вдруг дочь врача объявила хоровод вокруг елки — «Дождик, дождичек, полей». Тут уж партнера было не нужно, и Люси подбежала к кругу, в который уже стали дети. Она ждала, когда круг разомкнется и примет ее, но он продолжал кружиться. Она подумала: «Они не знают, что я за кругом»,— и положила руки на две скрепленные белые руки. Дети сжали их еще сильнее.

«Дождик, дождичек, полей, чтоб нам было веселей»,— играло пианино. Все быстрей кружился хоровод. Она бежала рядом, хватаясь за движущуюся цепь рук, которая не размыкалась и не впускала ее.

И вдруг оказаться в кругу стало для нее очень важно. Она побежала быстрей. Она должна попасть в круг! Должна!

Дети засмеялись, и песенку «Дождик, дождичек, полей» почти заглушил смех. И тут кто-то запел: «Дождик, дождик, поливай, черномазых отмывай»,— и все подхватили.

Эти слова прямо взорвались у Люси в ушах. Она остановилась, глядя, как мимо проносится хоровод. Дети оборачивались через плечо, напевая новые слова, которых они полностью даже не выговаривали — до того их разбирал смех.

И елка взорвалась. В зале было полно лопающихся звездочек. Блестки на елке струились язычками серебряного пламени. Они гнались за ней. Ее преследовали голоса. Преследовала мелодия, исполняемая на пианино.

Позабыв про свою книжку с картинками, Люси повернулась и бросилась вон. Она сбежала по ступенькам и на последней споткнулась. Посыпанная гравием дорожка резанула ее по колену, но боли она не почувствовала. Боль была внутри.

Перевел с английского Владимир ПОСТНИКОВ.

ХОЗЯЕВА ВРЕМЕНИ

Виктор ПОПОВКИН

Счастливая предпраздничная суета, взволнованное ожидание, последние приготовления к столу. И вот она — торжественность мгновения, радость первых секунд Нового года: куранты бьют — двенадцать!

Есть властная, магическая сила, соединяющая людей в этот момент не только за одним столом, но и в сознании, в сердце каждого: время вдруг — на стыке двух годов!— обретает редкостную осязаемость и зримость. И мы невольно вглядываемся в циферблаты собственных часов, сверяя их с единым временем страны.

«Время — ткань, из которой сделана жизнь» — эти прекрасные слова приобрели в наш век буквальный смысл. Вся наша жизнь действительно как бы соткана из частиц времени, где в ход идут и долгие часы и краткие мгновения.

Но откуда у нас такая привычная уверенность, что нет ошибки в измерениях? Кто даст нам гарантию, что безудержно бегущие секунды сосчитаны все, до единой? Остановить мгновение — подобное, пожалуй, мыслимо лишь в каком-нибудь «царстве времени». А почему бы нам и не отправиться в это «царство времени»? Ведь оно, как оказалось, существует!

Уточним координаты: Менделеево (станция Крюково), ВНИИФТРИ. Здесь, в соседстве с высокими елями и соснами, на территории Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений Государственного комитета стандартов СССР, целый корпус отдан во владение «Государственной службы времени и частоты».

— Здесь, в этом здании, мы храним самую точную шкалу времени Советского Союза,— говорит, сопровождая меня по лабиринтам коридоров, светлых залов и лабораторий, кандидат технических наук Владимир Григорьевич Ильин, начальник главного метрологического центра государственной службы времени и частоты.— Есть несколько вторичных эталонов в нашей стране, они сверяют время с нашими часами. Ошибка отсчета времени первичным эталоном возможна лишь в тринадцатом знаке. Это значит: за триста тысяч лет непрерывной работы отклонение лишь на одну секунду...

Признаться, окажись я здесь каким-то образом один, без сопровождающего, впору растеряться: где же он тут в самом деле, этот «эталон», в каком виде существует, в чем хранится? Да и вообще что такое — «хранить время»? Ведь оно не платиновый метр, и не разновесок, и даже не звук, который научились прятать в камертоне.

— Сегодня во всем мире в качестве эталонной единицы времени (эталона секунды) принято время, за которое свободный атом металла цезия совершает 9 192 631 770 колебаний,— говорит Владимир Григорьевич,— так что задача работы всей электронной техники, приборов, установок и вспомогательных служб, сосредоточенных в этом здании, реализовать это определение секунды. И, конечно же, обеспечить хранение момента времени и ведение всей службы времени страны.

Время здесь — его искрящийся мгновениями поток — улавливают наисложнейшей сетью (хитросплетением схем, физических и электронных приборов, атомно-лучевых пушек и квантовых генераторов), обращают в нечто реальное (чтó можно разрезать на части, измерять, чеканить в «серебро разменное секунд»), пересчитывают все до единого мгновения (до миллионных и миллиардных долей секунды!) и выпускают в свет, чтобы служило людям.

Секунда-эталон, добытая немалым трудом операторов и ученых, техников и инженеров, «прячется» на хранение в опломбированном подвале, куда не часто ступает нога человека и где продумана надежная защита от магнитного поля Земли, от вибраций стен и перекрытий здания, от колебаний влажности и температуры, от неполадок в электросети. Если вдруг выключится основная электросеть, автоматически подключится своя, автономная, независимая подстанция. Но и случайности в ее работе тоже подстрахованы: вся аппаратура, все установки и приборы Государственного эталона времени будут обеспечены питанием от аккумуляторов, а через двадцать секунд сработает автоматика — и заработает автономная дизельная установка, производящая электричество...

Мы — в главном аппаратном зале Центра метрологической службы времени. Прямо от входа, на противоположной стене — электронное табло. Крупно горят буквы: «ЭТАЛОННОЕ ВРЕМЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА». Под этой непрерывно горящей надписью — три пары цифр: 09 55 44. Впрочем, уже не 44, а 45.., и даже 46! Вот она неуловимость времени! Бегут перед моими глазами самые точные секунды — секунды атомных эталонных часов.

Оператор за пультом управления включает для нас установки телевизионного наблюдения за атомными часами: слева и справа под электронным табло вспыхивают по пять телеэкранов. На них видно, как работает еще несколько атомных часов разных систем и конструкций: цезиевые, водородные, кварцевые. Наши отечественные и фирм Швейцарии, Америки... Целая эталонная база!

Такое содружество часов (а их около пятнадцати) обеспечивает сверхнадежный счет и хранение времени, даже если целой группе из их числа понадобится ремонт или проверка. Часы «следят» друг за другом, «учатся» друг у друга точности: только что заработало в аппаратном зале устройство электронной стойки сличения, — «телеграммы» цифр отсюда уходят тотчас же на ЭВМ.

— Первый вопрос, который нередко возникает у непосвященного,— говорит ученый хранитель времени Сергей Борисович Пушкин:— «Ради одной эталонной секунды и столько всего нагородить?!» Возможно, по-своему он и прав: лично ему, чтобы не опоздать, скажем, на работу, все это совершенно не нужно. Но вспомним факт: двадцать тысяч фунтов стерлингов (а тогда это было двадцать тысяч фунтов чистого серебра) — премия, которую учредил парламент Англии в начале восемнадцатого века в связи с массовым развитием мореплавания за изобретение точнейшего хронометра для кораблей: ведь знать разницу в показаниях местных часов и часов, выверенных по времени нулевого меридиана, значит, знать долготу. Такие часы были изобретены, это знаменитый корабельный хронометр, цену которому знает каждый моряк.

Сегодня задачи неизмеримо усложняются: потребители точного времени сегодня не только геодезия и навигация, но и радиоастрономия, космонавтика, атомная физика. У них особый счет времени. Например, в такой службе, как радионавигация, ошибиться на какую-то одну миллионную долю секунды означает промахнуться на целых триста метров, а какую опасность представляет это для современных судов, самолетов, ракет — нетрудно представить.

Служба времени. Здесь служат в высоком смысле слова, чтобы оно служило нам надежно. Чтобы человек был хозяином времени. Ведь время — это наше бесценное богатство.

и и вся моя семья.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

Фото Г. КОПОСОВА

Помните песню про музыкального соседа? Да-да, про того, который играет на кларнете и трубе. Именно за это, как поется в песне, его якобы и полюбили. Если так, то жильцам одного из московских домов повезло еще больше: в их доме живет целая музыкальная семья.

— Сам я никогда не занимался музыкой, — говорит папа, Вячеслав Петрович Блохин, — я шофер. Но вот дети... Началось это давно, когда школьный преподаватель пения сказал, что у старшей дочери есть способности к занятиям музыкой, и предложил ей попробовать свои силы — поступить в музыкальную школу.

— А может, все началось гораздо раньше, — вступает в разговор мама, Зинаида Петровна. — Началось с песни, которую мы спели однажды хором, всей семьей... Вслед за старшей дочерью, Аней, стали заниматься музыкой и другие дети.

А их в семье Блохиных пятеро. Аня — студентка второго курса Московского областного музыкального училища, Лена — в училище при консерватории. Третья дочь, Наташа, впервые взяла в руки скрипку, когда ей было всего три года. А в пять лет было ее первое «большое» самостоятельное выступление на сцене Малого зала консерватории. Сейчас она учится в Центральной специальной музыкальной школе. Семилетний Слава и пятилетняя Зиночка — самые маленькие в семье. Они еще не умеют играть на музыкальных инструментах, но зато с удовольствием поют под аккомпанемент на фортепиано старших сестер.

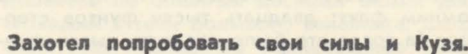
— Хочу стать военным музыкантом, — говорит Слава.

Неизвестно, конечно, военным или нет, но музыкантом он сможет стать наверняка. Да и как иначе, если дом наполнен звуками фортепиано и скрипок, а когда приходят друзья и знакомые, устраиваются импровизированные домашние концерты.

— Мы никогда не задавались вопросом, почему занимаемся музыкой, — Аня оглядывается на сестер. — Просто мы не можем без этого. Когда что-то в музыке не ладится у одной из нас, другие ей всегда помогут. Помогут словом, подскажут. Или просто своим примером...

Когда я покинул гостеприимных хозяев этой московской квартиры, меня долго не оставляло ощущение маленького чуда, которое только что увидел.

Андрей СОКОЛОВ

Захотел попробовать свои силы и Кузя.

Чем не трио!

Сегодня у Анны и Володи самый счастливый день. За здоровье молодых!

У папы выходной. На прогулке.

НЕ ПРОСТО СХВАТКА

Виктор **ПРОНИН**

А что же преступники? На скамье подсудимых сидели довольно невзрачные люди с серыми, невыразительными лицами. Это поражало — у всех были серые, неподвижные лица. Они не сразу понимали обращенные к ним слова, до них не сразу доходил смысл происходящего в зале. Но все старались выискать хоть что-нибудь, что как-то их оправдывало, смягчало вину, и торопились, торопились, не заботясь о том, чтобы сказанное было кстати, по делу, стремясь выплеснуть взаимные обиды, да что там обиды — они уже ненавидели друг друга. Димитров упирал на то, что он трус и уже поэтому не мог играть активной роли. Кичук оправдывал себя тем, что недавно стал грабителем, а потому готов исправиться, если, конечно, правосудие пойдет ему навстречу и предоставит такую возможность. Барицкий уныло, на одной ноте, все валил на Урсулова, а тот, в свою очередь, обвинял Барицкого в ненасытности.

А начало было таким: Игорь Урсулов и Степан Барицкий, работая на облицовке фасадов, украли и продали две электролюльки. Знакомым халтурщикам продали, любителям побочных заработков. В народе не зря их называют халтурщиками, точно называют.

Шальные деньги ушли быстро, но открылось вдруг, что жизнь-то, она вона какая раздольная может быть! В уголовном деле не единожды промелькнул некий прораб, который устраивал приятелей во многие места на работу, а в день зарплаты не забывал напомнить — давайте, дескать, получайте деньжонки, кое-что вам начислено! И те шли, получали, рассчитывались с прорабом, себе оставляли.

Потом подумали: до каких пор можно работать на прораба? И появляется Виктор Зайд, который тоже был не прочь устраиваться на такую работу, где обязательно появляться лишь два раза в месяц — в дни зарплаты. Вот его показания: «Я давал Барицкому свой паспорт и писал заявление с просьбой принять меня на работу. Потом он приходил ко мне и говорил — иди получай. Я получал деньги и отдавал Барицкому. А он давал мне за это десятку или пятерку, или выпивку... Кроме меня, таким же образом получали деньги и другие. А куда именно устраивал нас Барицкий, я не знаю, не интересовался».

Первое свое вооруженное нападение преступники совершили на старика, которому шел девятый десяток,— на Михаила Ивановича Накладу. Почему выбрали именно его? Да потому, что стар, сопротивления оказать не мог, а кроме того, разнюхали, что есть у него кое-какие деньжата на черный день. Как разнюхали? Очень просто — Михаил Иванович был родственником Димитрова. Побывав у старика в гостях, Димитров высмотрел, куда старик ключ кладет, где деньги лежат...

Через месяц отправились к родственнику Барицкого. Этот помоложе был — на восьмом десятке. Несколько дней пытались трое здоровых мужиков проникнуть в дом Ивана Андреевича Титаренко. И почтальонами прикидывались, и соседями, и воды просили напиться, но Иван Андреевич, почувствовав неладное, дверей не отпирал и гостей непрошеных в дом не пускал. И тогда, озверев, иначе и не скажешь, грабители принялись взламывать двери — наружную, внутреннюю, еще одну... Деревенька была глухая, дом стоял на окраине, время позднее.

Иван Андреевич встретил преступников с ружьем в руках. Но в последний момент не решился все-таки в человека выстрелить, послал заряд в пол. Его тут же свалили, связали, избили и потребовали деньги.

— А, так вам деньги!— протянул старик.— На лавке лежат, под полотенцем.

К лавке первым бросился Димитров, он всегда к деньгам первым поспевал. Нашел под полотенцем деньги, тут же половину себе отложил, а остальным потом сказал, что только пятьсот рублей нашел.

Иван Андреевич, узнав, что преступников задержали, написал следователю письмо с просьбой, чтобы все отнятые у него деньги, которые теперь положено с преступников взыскать, отдать детям Николая Плыгуна и Павла Кравцова.

Пообчистив родственников, набив руку, Урсулов и компания почувствовали, что могут взяться за более серьезное дело. Некоторое время маялись, набирались духу, убеждали сами себя в том, что могут пойти на ограбление кассы, что если к этому делу осторожно да с умом, то вроде и риска нет...

И вот в ночь на 14 января они совершили нападение на кассу третьего постоянно действующего поезда, или, как его называют сокращенно, ПДСП-3. Перед этим долго бродили вокруг да около, заглядывали внутрь здания, шатались по коридорам. Боялись. Одно дело напасть на древнего старика, другое — на государственное учреждение. Если там можно было сослаться на родственные связи, попытаться все в шутку обратить — и такой неуклюжий вариант был у них в запасе, то здесь в случае разоблачения дурачками не прикинешься.

Тогда их было трое — Урсулов, Барицкий и Димитров. Проникли ночью в здание, оглушили старика охранника, взломали дверь в кассу, вскрыли сейф. Удалось. Первое время прятались, старались не встречаться друг с другом, до чего дошло — на работу зачастили, почти без прогулов трудились. Впрочем, сказать, что так уж они трудились, было бы неверно — больше по сторонам оглядывались, каждого нового человека опасались, от громкого окрика вздрагивали. Но потом осмелели. Жизнь вроде бы стала обретать тот самый счастливый образ, о котором столько мечталось: денежное раздолье и... И все.

Это на какое-то время озадачило. Казалось бы, все прекрасно, есть то, о чем столько болтали, что казалось недостижимым,— деньги. Ну ладно, напились раз-другой, хорошо напились, от пуза, по улицам прошлись, независимо так, с превосходством поглядывая вокруг, друзьям-приятелям дали понять, что они не просто так — при деньгах. Димитров к себе в деревню съездил, петухом по улицам прошелся. А в общем, как были они шабашниками-штукатурами, так ими и остались. Никто не преклонялся, уважения к ним ни у кого не прибавилось, на работе, как и прежде, ругали за прогулы, за опоздания, пьянки...

Правда, появились новые знакомые, люди сами с червоточинкой, в том числе Зиновий Кичук — этого привлек исходивший от них запах денег. Появились домовладельцы, готовые втридорога продать свои строения, автовладельцы. Появился Берсон — спекулянт без определенного места жительства. Димитров частенько рассказывал ему о своих похождениях, Берсон восторженно цокал языком и советовал быть осторожнее. Он чувствовал себя польщенным доверием, ему хотелось быть полезным, чуял, что люди это денежные и могут при случае отблагодарить. Когда «денежным людям» понадобились патроны для обреза, Берсон наладил связи, подключил старых приятелей, родственников...

На заседании суда нередко мелькали цифры, кто кому сколько дал, кто у кого одолжил, кто у кого украл. Жена Барицкого призналась, что сперла у своего пьяного мужа две тысячи рублей, а тетя, продавшая свой дом за пятнадцать тысяч, призналась, что в документах указала только десять. Димитров признался в том, что стащил у своих приятелей несколько сот рублей... И мелькали, мелькали цифры, проценты, долги, расписки... Так торгашество вплотную состыковалось с бандитизмом, и еще раз подтвердилось, что это явления одного порядка. Так начался постепенный отбор людей, готовых на большее, нежели просто получать обманом деньги.

На следующее преступление пошли уже вчетвером. Зиновий Кичук тоже выразил желание хорошо заработать за одну ночь.

...Из черного входа Дома культуры показался Зиновий Кичук. Подбежавшим к нему людям он начал жаловаться на боль в плече, попросил воды, сказал, что его надо бы доставить к пруду, который находится где-то недалеко. Поняв, что к пруду его никто нести не собирается, Зиновий Кичук, не дожидаясь вопросов, четко и внятно начал называть адреса, фамилии, имена и даже отчества соучастников. Редкий случай — преступник давал показания, не сходя с места... преступления.

Хотите знать, почему Зиновий Кичук вообще пошел на ограбление? И это он объяснил: «Вождействие тех людей, с которыми я стою перед судом, оказалось сильнее моей совести и силы воли. Я готов держать ответ, но прошу взять во внимание мое раскаяние и чисто сердечное признание при вскрытии тех преступлений о которых небыло извесно органам мелиции».

Так писал в своих показаниях студент сельскохозяйственного института Зиновий Кичук. Обращает на себя внимание невинная попытка вступить в сделку с правосудием, выторговать снисхождение за согласие кое-что рассказать о похождениях Урсулова и компании.

У развороченного сейфа остались двое — Урсулов и Барицкий. Что они делают? Пытаются скрыться? Нет. Они не могут оторваться от сейфа, липкими от чужой крови пальцами хватают пачки денег и суют их в припасенную сумку, портфель. Нагрузившись деньгами, выставив перед собой ножи, бандиты двинулись к выходу.

Едва оказавшись на улице, Урсулов побежал к своей машине. За ним тут же бросились люди. В надежде, что погоня прекратится, он выхватывал из сумки пачки денег, надрывал упаковку и швырял их на дорогу. Кто знает, может, все кинутся собирать трояки и пятерки, а он тем временем уйдет. Но нет, никто не бросился к деньгам. И тогда

Окончание. Начало в № 51.

Урсулов вынужден был бросить сумку со своей добычей. Ее уже после нашли, когда преступник, вскочив в машину, успел уехать.

А Барицкий? Перемахнув через какие-то заборы, проскочив через дворы, переполошив всех собак в поселке, он как сквозь землю провалился.

Но первым с места преступления бежал Димитров. Огородами, балками, стараясь ни с кем не столкнуться, потому что отныне он вынужден был опасаться каждого встречного. Потом уже, войдя в город, шагая в тени деревьев, чтобы и ночные фонари не осветили его слишком ярко, он думал только об одном — куда? Три часа ночи, на востоке светлеет, скоро пойдут трамваи, оживет город, улицы наполнятся прохожими, а ему-то куда?

Мысленно перебирая знакомых, приятелей, собутыльников, Димитров понимал, что никто из них ему не поможет. Не те люди, не те отношения. И наконец он вспомнил человека, к которому мог идти без опаски,— Олег Берсон. Надежды оправдались. Берсон встретил его хотя и настороженно, но не прогнал. Димитров торопливо рассказал, как он дрался с несколькими милиционерами, защищая подходы к Дому культуры, как ловко вышибал у них пистолеты, как перебрасывал их через себя, как скрывался. Берсон слушал, кивая головой, и хмурился.

— Снимай штаны,— сказал он, наконец.— Они в крови.

— Это мы охранника уговаривали. Такой гад, живучий оказался! — нервно хохотнул Димитров.— Слушай, боюсь, что наших там взяли... Домой мне нельзя, а?

— Подумать надо,— ответил Берсон, готовя корыто для постирушки.

— Что же делать? Что делать? — ходил из угла в угол Димитров, пока Берсон маленькими ладошками застирывал пятна крови на димитровских портках.— Слушай, давай вместе на север, а?

— А зачем вместе? — резонно спросил Берсон.— И вообще, зачем на север? Иди на городской пляж и отдыхай... Потом скажешь, что пьяным лежал там всю ночь, утром протрезвел... Вот и все.

Берсон лукавил. Он понимал, что пляжем Димитрову не отделаться, что остальные преступники его выгораживать не станут. Но он вызвался сходить к Димитрову домой, разузнать, как и что. О результатах своей разведки он потом доложил следователю в письменном виде: «Проходя по улице Тихой где жил Димитров я увидел что навстречу едит волга и милиция в чине полковника».

Димитров не верил приятелю, да и не было сил оставаться одному в неизвестности. И он, пропустив Берсона вперед на сотню метров, увязался следом.

Вместе их и задержали. На улице Тихой.

Барицкий сидел на чьем-то чердаке, зарывшись в сено и обхватив двумя руками старый портфель с деньгами. Чутко прислушивался к малейшим звукам во дворе, на улице. Где-то на соседнем дворе кукарекал петух, слышался ленивый лай собаки, не служебной, не милицейской, просто дворняга о себе напоминала. Слышны были людские голоса, негромкие, спокойные, кто-то смеялся, у водопроводной колонки звенели ведра, в жестяное дно с напором била струя воды...

Барицкий перебирал разноцветные, тугие пачки денег, вынимал их из портфеля, снова запихивал. Приникнув к щели, долго смотрел наружу, разглядывал улицу, деревья, двор, людей. Все это стало недоступным. Он уже не мог свободно пройтись по улице, посидеть под деревом. Надо же, как бывает — всем можно, а ему нельзя.

Из подслушанных разговоров он знал, что об ограблении известно в поселке, знал, что кто-то задержан. И подумал, что, конечно же, их портреты висят на всех углах, что вокзалы перекрыты и что его тут же узнает первый прохожий...

Состояние было безнадежное, во рту гадко — его вырвало там, в коридоре. Ночью он пробрался к воде, тщательно отмыл нож и выбросил его, заприметив место. Расчет его был уж куда как хитер: вот найдет милиция нож, исследует и скажет, что поскольку на нем следов крови не обнаружено, то все злодейство совершил Урсулов.

Не знал тогда Степан Барицкий, что Анатолий Берневега выживет, что жив Василий Шишман. Не знал и потому, выбравшись с чердака, направился прямехонько в областное управление внутренних дел. Да, явка с повинной.

Там вначале даже не поверили. В самом деле, подходит к дежурному помятый тип, весь какой-то несчастный,— жалко смотреть, показывает пачку денег в банковской упаковке, говорит, что есть у него еще несколько раз по столько, говорит, что фамилия его Барицкий, зовут Степаном и хочет он покаяться...

Дольше всех продержался Урсулов. Месяц продержался. Это был месяц беспрерывной гонки, перепрятывания в самых темных углах, которые только можно себе вообразить,— вагоны товарняков, вокзальные туалеты, кузов случайного грузовика, лесопосадные полосы у дороги...

Казалось бы, отчего?

Деньги у него были — остались после прежних ограблений, никто в спину не дышит — живи, радуйся, ведь это и есть та самая жизнь, к которой стремился. Думалось: были бы деньги, остальное приложится. А на деле ничего к ним не прикладывалось. Не принесли деньги ни счастья, ни довольства. Более того, даже разрушили то, что было. Какая-никакая семья была, дом, работа, круг людей, с которыми если не дружил, то хотя бы общался, было с кем за бутылкой потрепаться...

Весна 1978 года. Николай Плыгун сфотографировался с семьей в парке.

Удрав в ту ночь с места преступления, он примчался к себе домой.

— Давай одежду! Быстро! — крикнул он перепуганной жене.

— Что случилось?

— То и случилось! Взяли ребят!

Жена завыла, запричитала, но проявила завидную сноровку, и уже через несколько минут Урсулов бежал, застегивая на ходу пуговицы. Он добрался до станции Одесса-Пересыпь, прыгнул в товарный вагон, а выбравшись из него через несколько часов, узнал, что оказался в Вознесенске. Дальше ехать по железной дороге побоялся, отправился на автовокзал, переночевал там, маясь между туалетом и залом ожидания. Дождавшись утра, автобусом выехал в Умань. Там снова начались ночевки в придорожных копнах — он опасался прийти даже к знакомым. Наконец, Урсулов оказался в Белой Церкви, надеясь оттуда проскочить в Киев. Город большой, его там найти будет трудно. Он опять решил прибегнуть к помощи товарняка. Правда, на товарных станциях не положено быть посторонним, и его отовсюду гнали, все покрикивали на него — стрелочники, дежурные, сцепщики вагонов. Что-то произошло с ним, он стал всех побаиваться. От прежнего гонора не осталось и следа.

В Белой Церкви, вынырнув из-под какого-то вагона, он вдруг увидел идущих навстречу милиционеров, которые порядка ради решили пройти по станции. И тут выдержка изменила Урсулову, он бросился откровенно, гаденько удирать по бесконечным переплетениям железнодорожных путей, по шпалам, ныряя под вагоны, проскальзывая между колесами, падая и снова поднимаясь. Если бы он оглянулся, то увидел бы, что никто за ним не гонится, никто даже внимания на него не обратил.

Обессилев от бега, он зацепился штаниной за стрелку. В этот момент состав дернулся, и колеса медленно, страшно проехали по ногам Урсулова. Весь состав прошел, а он лежал с внешней стороны путей и смотрел на свои, теперь уже отдельно лежащие ноги.

Символично, не правда ли? Ведь не только состав переехал Урсулова, жизнь переехала.

В Киевском следственном изоляторе Урсулов написал явку с повинной. Тоже повинился — вдруг поможет. А во время суда пользовался привилегией давать показания не поднимаясь. Сидя неподвижно, у самой стены, Урсулов кривил серые губы, слушал бессвязные слова Барицкого, вдохновенную ложь Димитрова, вдумчивые и печальные ответы Кичука, надсадное возмущение Берсона, которого, видите ли, посадили на одну скамью с этими бандюгами... Слушал и пощипывал усики. Понимал, надеяться не на что.

На скамье подсудимых был еще шестой человек — Марина Урсулова, жена главаря, родная сестра Димитрова. Она знала о преступлениях, помогала мужу, чем могла. О, как запричитала она после спешного бегства Урсулова на рассвете восьмого июня, как метнулась к Наталье Димитровой, второй сестре, как в ночных сорочках примчались они к жене Димитрова...

— Беда! — кричали.— Наши мальчики попались! Беда!

Можно было подробно рассказать, как сестры шастали по пригородным балкам, стараясь понадежнее спрятать измазанные в кровь штаны Урсулова, его нож, как отмывали сиденья машины, с какими предосторожностями Марина несла на рынок рубашку мужа, чтобы выбросить ее там в туалет. Но гораздо интереснее для понимания этих людей привести показания жены Димитрова. Вот что она пишет...

«Чтобы я, мой муж Димитров и его сестра Наташа могли побыстрее прописаться в Одессе, Урсулов предложил, чтобы я временно развелась с Димитровым, а Урсулов разведется со своей женой, распишется с ее сестрой Натальей и пропишет ее у себя, как свою жену. Так и сделали. Развелись мы с Димитровым, утаив нашего ребенка, а Димитров расписался со своей родной сестрой...»

Столь блестяще задуманная операция не была доведена до конца не по вине участников — почти в полном составе они оказались на скамье подсудимых.

Вся эта суета интересна тем, что показывает, как родственные связи переплетались с преступными, становились чем-то единым целым, как торгашество прочно овладевало этой группой. Успех первых ограблений убеждал их, что они на верном пути или, уж во всяком случае, на прибыльном.

Одно раздражало — нужно было маскироваться, ходить на работу хотя бы для вида, по утрам натягивать на себя заляпанные известью спецовки и убеждать всех, что ты ведешь честный образ жизни. Легче всего вышел из положения Димитров — устроился работать в управление молочной промышленности. Правда, он не знал, что это за управление, чем там занимаются и где оно находится, но штампик в трудовой книжке имел. Сестра устроила. Марина Урсулова. Прокралась в отдел кадров управления, где пребы-

вала в какой-то должности, выкрала печать, в укромном уголке подышала на нее и шлепнула братцу в трудовую книжку. Узаконила, так сказать, его безделье.

Зная прочие дела преступников, об этом эпизоде можно бы и умолчать. Но он позволяет проследить падение подсудимых, становится тем звеном, которое связывает мошенничество, подделки документов с вооруженными нападениями. Начав однажды совершать преступления, нарушив однажды законы человеческой порядочности, остановиться бывает невозможно. Оказывается, что и самые «невинные» преступления и особо опасные легко выстраиваются в один ряд, продолжают друг друга. И вряд ли можно сказать, что вон тот может предать, но не украсть, может совершить подлость, но не ограбление, может подделать документы, но никогда не сможет убить. Все это из одного ряда.

Во всем четырнадцатитомном уголовном деле самая любопытная фраза принадлежит Степану Барицкому. В одном из своих показаний он написал: «Я думал, что мы преступлений больше совершать не будем, но потом мне с Урсуловым все равно пришлось совершать новые и новые преступления».

Вот, оказывается, как обстоят дела. Пришлось. Заставили возросшие расходы, соблазняла кажущаяся легкость получения больших денег. Потом пошла бракоразводная чехарда, вооруженное заимствование денег у родни, и вот уже убийство не кажется невозможным...

Ну, хорошо, а где же самое начало? На каком жизненном перекрестке эти люди свернули с общей дороги?

Щемящую боль в душе вызывает подшитое в дело заявление родителей с просьбой зачислить в первый класс мальчика Сашу Димитрова. Желтая бумага, фиолетовые чернила, почерк людей, не привыкших много писать. Так и видится Саша с новым портфелем, нарядный, с цветами в руках... В первом классе Саша казался всем любознательным и непоседливым мальчиком, который хорошо усваивал школьную программу, дружил с ребятами, в меру шалил. К восьмому классу мнение о нем несколько изменилось: труслив, ничем не увлекается, исключен на две недели за хамство по отношению к учителям и товарищам.

Видимо, где-то в этом промежутке и произошел перелом, в результате которого появился пакостливый человек по фамилии Димитров. На скамье подсудимых он оказался через десять лет после окончания школы. За это время Димитров ничему не выучился, не приобрел никакой специальности. Сверстники уже имели высшее образование, одноклашники стали специалистами, руководили отделами, цехами. А он все искал левую денежную работу на отделке фасадов.

Правда, был у Александра Димитрова один светлый момент в жизни. «После димобилизации я поступил в Институт строительный на вичерний факультет». Но он не окончил даже первого курса, не сдал ни единой сессии. Не хватило силы воли, духу не хватило, да и не до того стало: «Я познакомился с Урсуловым, как с мужем моей сестры, а Степу Барицкого узнал от Урсулова. Они застовляли нахально что бы я ехал и потом мы ехали. Благодаря Игорю и Степы я пошел на это дело».

Игорь Урсулов... Знакомые дружно отмечают его эгоизм, подловатость. В уголовном деле есть автобиография Урсулова, которую он написал при поступлении в медучилище...

«У меня появилась мечта стать медработником, чтобы помочь людям, которых мучила болезнь. Часами, затаив дыхание, сидел я в кабинете и смотрел, как мать выслушивала жалобы больных»... А поступив в училище, он вскоре стал известен там, как самый ленивый и хамоватый учащийся.

В итоге — не медик, штукатур.

Пришло время — отбыл службу в армии. Сказать, что отслужил, было бы неверным. Халатный, неисполнительный, склонный к переоценке собственной персоны, болезненно реагирует на замечания, неопрятен, близких друзей не имеет — других слов у командиров не нашлось.

Знавшие Степана Барицкого характеризуют его теми же словами, разве что ставят их в ином порядке. От своей первой жены он попросту убежал, чтобы не платить алименты, откровенно прятался. Чтобы родители жены не подали на него в суд, он время от времени поколачивал их...

Так и жил.

Несколько в стороне от этой троицы стоит Зиновий Кичук. От мальчика Зиновия в школе все были в восторге. Он запомнился тихим, спокойным, аккуратным. Даже в выпускном, десятом классе его отмечают, как одного из самых дисциплинированных. «Юноша Зиновий Кичук — спокойный, вежливый». Он любит спорт, занимается физическим самоусовершенствованием, участвует в соревнованиях по самбо.

Мы, со своей стороны, можем добавить, что юноша Зиновий Кичук отличался от прочих изысканным вкусом: на скамье подсудимых он сидел в прекрасно сшитом синем костюме, который ему очень шел. Изоляционная лента на рукоятке его ножа была такого же звонкого синего цвета. Не то что Урсулов и Барицкий — те обмотали рукоятки своих ножей черной неказистой тряпкой. Опять же и нож у юноши был самый длинный — в точном соответствии с его собственным ростом. Даже металлическая булава, бывшая у него на вооружении, предусмотрительно обернута поролоном, чтобы после нанесения удара из головы жертвы не хлестала кровь — аккуратность юноши отмечали еще школьные учителя.

Что же толкнуло его на ограбление? Ответ прост — деньги. Так что суть одна.

И все же Кичук отличается от прочих четким пониманием того, как себя вести, что сказать, каким предстать. Вы хотите, чтобы я был вежливым? Хорошо, я буду самым вежливым. Хвалите за трудолюбие? Прекрасно! Я и есть самый трудолюбивый. Урсулову нужна решительность? Пожалуйста! И Кичук, опередив других, наносит сильный удар булавой Шишману по голове. Когда его задержали — опять превращение. Хотите чистосердечного раскаяния? Я уже раскаялся. Вот вам адреса главарей. Вот вам явка с повинной. Что еще? Чего изволите? Думаете, я напал на Плыгуна из нехороших намерений? Ничего подобного! Доброта душевная двигала мною! «Думаю, выбью пистолет чтоб он больше не убивал никово»,— пишет он в показаниях.

На суде Кичук сидел грустный, сдержанный, вдумчивый. Когда хотел что-то сказать, поднимал руку, просил слова. Когда останавливали, тут же замолкал. С соседями по скамье не общался. Не положено, да и люди они нехорошие. В зал тоже не смотрел, не отвлекался. Судья занят серьезным делом, надо ему помочь во всем разобраться. На вопросы отвечал кратко, не раздражая многословием. Понимал, что, если понадобится ответ более подробный, ему об этом скажут. Даже не улыбнулся, когда Берсон заявил, что его «состояние в области головы ухудшается». Многие в зале улыбнулись, а он нет. Чувствовал, не следует.

И еще одно соображение возникает, когда знакомишься с историей хождения Зиновия Кичука за большими деньгами — он ведь потом очиститься надеялся. Думал, пройдет время, уляжется волнение и с него сама по себе спадет короста совершенного преступления. И снова он будет примерным, вежливым, аккуратным. Но с деньгами. Он уже пошел по пути, на который только собирался стать Берсон — тот хвалился приятелям, что его приглашают в одну очень приличную банду, которая работает надежно и весьма доходно.

Что сказать? Если тому же Берсону сказать, что у него нет собственного достоинства, он рассмеется. Во-первых, есть, скажет он, а во-вторых, какое может быть достоинство без денег, возможно, пошутит он.

Все-таки есть иное толкование собственного достоинства, выношенное, выстраданное на протяжении веков, достоинство, позволявшее нам выдерживать самые тяжелые испытания, сохранять самобытность, оставаться самими собой, несмотря на потуги каких угодно врагов, недоброжелателей, лукавцев. Именно оно позволяло нам сохранять силы, уважение к себе и своим ближним, когда нечего было надеть, когда нечем было кормить детей. А сегодня, когда есть и то и другое, чувство собственного достоинства охраняет нас от мелочности, продажности, от той всеядности, которая позволяет иным есть из любого корыта. Даже из окровавленного.

Возвращаясь к этой истории, нужно заметить, что именно чувство собственного достоинства не позволило Николаю Плыгуну и Павлу Кравцову, Анатолию Берневеге бежать от бандитов вниз по лестнице, спасая собственную жизнь. За их твердостью стояла многовековая нравственная сила народа. Вряд ли они думали об этом в ту минуту, вряд ли сознавали это, но вот только поднялась в груди волна ярости, неприятия, убежденности в своей правоте.

Да, ребята погибли. И это непоправимо. Но разве не стали мы сильнее после этой схватки? И дело не только в ликвидации банды или в спасении народного добра. Мы стали лучше понимать опасность духа наживы и торгашества. В конце концов бандитизм — одна из форм проявления этого духа. Но не менее страшно и постепенное разъедание характеров, растворение личностей, разжижение понятий и убеждений, когда не без умысла смешиваются целесообразность и корыстливость, достоинство и спесь...

Странный снимок показали мне в Ленинском районном отделе внутренних дел. На нем изображен залитый солнцем двор райотдела, полно народу, все оживлены, куда-то торопятся, и среди них, конечно же, и Павел Кравцов и Николай Плыгун. Они вроде затерялись среди товарищей, их не сразу увидишь, но они здесь, во дворе...

Качество снимка неважное — и резкость грешит, и контраст слабоват, но эти вот недостатки придают ему какую-то убедительность, достоверность, кажется, что снимок сделан минуту назад, будто все эти люди и сейчас еще во дворе и достаточно выглянуть из окна, чтобы увидеть их всех, любого окликнуть...

Это не ложное чувство. И Павел Кравцов и Николай Плыгун действительно присутствуют незримо среди своих друзей. Каждый из них в поступках, решениях, сам того не замечая, делает маленькую поправку, как бы согласовывая свои действия с мнением погибших. «Павел был бы против», «Николай бы так не поступил»,— этих слов никто не произносит даже в мыслях, но они в самом климате коллектива.

Кто знает, может быть, это лучший способ сохранить память о друзьях — сделать так, чтобы их опыт, их мужество придавали силу живущим.

Когда этот материал уже был подготовлен к печати, в редакцию пришло два сообщения, как бы завершающие эту историю. Специальным решением Одесского горисполкома Первый Заливной переулок переименован в улицу имени Николая Плыгуна, а Второй Заливной — в улицу имени Павла Кравцова. Улица Плыгуна выходит прямо к зданию Ленинского райотдела милиции, а улица Кравцова начинается от автосборочного завода, где Павел работал когда-то слесарем. По рекомендации этого заводского коллектива пошел он служить в милицию.

И второе. Одесская газета «Знамя коммунизма» опубликовала небольшую заметку под названием «Справедливое возмездие»:

«Верховный суд Украинской ССР рассмотрел дело Урсулова И. В., Димитрова А. А., Барицкого С. П. и Кичука З. В., которые 8 июня 1978 года, ограбив кассу совхоза имени Кирова, оказали вооруженное сопротивление работникам милиции, в результате чего погибли старший инспектор уголовного розыска Ленинского РОВД старший лейтенант милиции Кравцов П. И. и инспектор уголовного розыска Ленинского РОВД лейтенант милиции Плыгун Н. П. Суд осудил всех участников преступной группы к исключительной мере наказания — расстрелу. Приговор Верховного суда УССР в отношении Урсулова И. В., Димитрова А. А. и Барицкого С. П. приведен в исполнение. Осужденному Кичуку З. В. исключительная мера наказания в порядке помилования заменена 15 годами лишения свободы».

Эль Греко. СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО СО СВЯТОЙ АННОЙ.

Гойя. 1746—1828. ПОРТРЕТ СЕНЬОРЫ БЕРМУДЕС.

ХВАЛА И БЛАГОДАРНОСТЬ

Аалы ТОКОМБАЕВ

Давнему другу «Огонька», народному поэту Киргизии Аалы Токомбаеву исполнилось семьдесят пять лет. Мы от души поздравляем поэта с юбилеем и публикуем его новые стихи

●

Скажут: «Родина» —
я слышу слово «Мама».
Никого дороже не было и нет.
Скажут: «Мама» —
слышу «Родина» упрямо,
ведь они мне дали ласку, дали свет.

И любовь и жизнь от Родины и Мамы.
Чем отплатим им,
единственным,
родным?
И хвала и благодарность — это мало,
наша праведная жизнь
оплата им.

Чтобы были мы честны,
шагали прямо,
нам они вручили
светлой жизни нить.
Мама-Родина,
И Родина мне — Мама.
Их вовеки буду в сердце я носить!

●

Знаю: русский и киргиз когда-то
встретились, как два родные брата.
И киргизу русский всем, чем мог,
в трудный час отчаянья помог,

наделил свободою высокой,
и народ мой стал, как вольный сокол.
Смерть отныне не осилит нас.
Будь благословен тот светлый час!

●

Угасает Малая Медведица...
Мать хлопочет белкой в колесе.
А в глазах такая ласка светится
и сияет счастье на лице.
И ребенка называет ласково,
гладя его волосы рукой:
«Засыпай, кровинка моя, ласточка...»
Горе есть у матери такой?

Время безвозвратное и скорое
пролетает.
Подрастает сын.
Будет он надеждой и опорою
для отца.
Не посрамит седин.
Помыслы отца он делом выразит.
Будет чтить свободу, совесть, честь.
Настоящим человеком вырастет!
Горе у отца такого есть?

СВЕТЛЫЙ МИР

Светлый мир, ведь я пришел к тебе
не случайно, по великой воле...
Для меня ты, как весною — поле,
основная борозда в судьбе.
Для меня ты — молодости свет.
От него мне никуда не деться,
он в глубинах сердца зреет с детства,
дарит счастье с самых ранних лет.

Жаркий поцелуй твой у виска
ощущаю с постоянным пылом.
Только лишь пришли и ум и сила,
а меня уж нет...
Жизнь коротка.
Ведь таких немало видел ты...
Светлый мир, всегда живи для счастья.
Для меня ты неделим на части.
В памяти храню твои черты.
Жизнь и смерть — две линии судьбы,
что сольются вдруг у горизонта.
Жизнь глаза раскроет для борьбы.
Смерть мне подмигнет хитро и сонно.
Чет и нечет...
Чередой года...
Если бы не смерть и не рожденье
и в конце не удовлетворенье —
был бы вечной жизни смысл тогда?

Перевел с киргизского
Владимир ШЛЁНСКИЙ.

ЗА КУРГАНОМ СЕДЫМ...

Александр ГОЛУБЕВ

У СТАРОГО ОКОПА

День уставший над курганом меркнет.
Над землей ни горя, ни обид.
У окопа розовый бессмертник
венчиком каленым шелестит.

Шелестит — и шорох тот вечерний,
будто зов далекого гонца,
нам доносит песню о бессмертье
без вести погибшего бойца.

«Ты знаешь, парень, я погиб давно,
но время скорби надо мной не властно.
Я жив и, как в замедленном кино,
лечу по свету атаманом красным.
Глазами боли взор куда ни кинь,
печали нет древней, обиды горше.
По-вдовьи плачет надо мной полынь,
и кружит в небе ненасытный коршун.
Нас, может быть, давно в помине нет.
Лишь изредка среди седых развалин
мелькнет в раскопках отпылавший свет
непокоренной беляками стали.
Прощай, мой внук! Я кланяюсь тебе.
Нетленной тенью кланяюсь я в пояс.
Будь верен навсегда моей борьбе —
в ней пламенеет кровь моя и совесть».

АВГУСТ

В лесном проеме даль светла.
Крепчают запахи кислицы.
На старой груше у дупла
слышнее тенькают синицы.
С теплом прощается земля,
и степь, поблекнув, онемела.
В леваде нижней конопля
осыпалась и поредела.
Я лунный диск у Дона жду.
Покой. Нет ряби на затоне.
В прибрежной балке лебеду
уставшие срывают кони.
Дымит рыбацкий костерок,
и эхо голоса разносит:
«Перевези на энтот бок»,—
кого-то хуторянка просит.

●

Б. Куликову

Скажи, казак, откуда песнь твоя?
Прищурь глаза, и вновь тебе припомнится:
по солонцам в накрапах ковыля
аллюром гнева полыхает конница.
И вот один, повязанный бинтом,
обрызганным землей и алой кровью,
через года вошел неслышно в дом
и к твоему склонился изголовью:

●

За курганом седым, за отрогом,
у полоски плакучих ракит
с темным верхом, с осевшим порогом
одинокая хата стоит.
Что ей снится в вечернем безмолвье,
где вокруг ни кола, ни плетня?
Да за ериком сполохи молний
жгут покой августовского дня.
Может быть, ей почудилась песня
из попевок «колоды-дуды»?
Или вновь сквозь полынную плесень
к ней спешат дорогие следы?
Подойдут торопливо к порогу
и заплачут, заплачут навзрыд.
За курганом седым, за отрогом
наша хата стоит,
наша хата стоит!

●

Осокорь в вышитой сорочке,
простоволосый и босой,
листает прошлые денечки
в логу за лесополосой.
В осеннем шуме под сурдинку
он удивлен одним всерьез:
зачем на хутор по старинке
везет казак соломы воз?

Арба качнулась у развилки,
на землю кинув желтый клок.
У деда дрогнули поджилки
и восьмиклинки козырек.

Осокорь жаром тучных веток
невнятно шепчет о своем.
А если вдруг по белу свету
пустить листву за окоем?

Туда, где в дымке за курганом,
сгорая, теплится заря.
Где нет притворных слез обмана,
где боль и гнев кипят не зря.

Но улетят по свету листья
орбитой вечности в распад.
Ведь листья осени — не мысли,
и им дороги нет назад.

Вокруг лиловое молчанье,
холодной тенью лес подперт...
Соломы воз, колес визжанье,
и сверху дед, как в бурке черт.

Воронеж

С его именем связана история национальной драмы и театра за полстолетия. Нет в республике театра, где не шли бы пьесы Яшена, нет такой семьи, где не было бы его книг. Ему принадлежит высокая честь быть прямым наследником и продолжателем великого Хамзы в деле строительства социалистического искусства в Узбекистане.

— Камиль Нугманович, расскажите о вашей молодости. С тех лет утекло много воды в арыках Ферганской долины. Как трансформировались ваши взгляды на цели и задачи художника?

— С того далекого времени прошла целая эпоха. Шла суровая борьба за новое, социалистическое искусство, за овладение его тайнами, и я ко всей этой борьбе был прямо причастен.

Когда я слышал, что оно должно быть вне партийного влияния, я вспоминал Хамзу и примером его жизни доказывал обратное. Ведь Хамза для нас был одновременно и реформатором и продолжателем лучших классических традиций мирового искусства. Я ратовал за революционный показ эпохи, жизни народа, за раскрепощение женщины. Любимыми нашими темами были события, отражавшие идеалы времени.

Конечно, иногда мы тоже заблуждались. Мы, к примеру, искренне считали, что в такое грозное время нельзя писать о любви. Зачем любовь, когда идет мировая схватка с врагом.

— То есть вы были за отражение грандиозности реальной жизни и, таким образом, сразу же как художник нашли свою тему.

— И этим мы были обязаны своему времени. Мы собственными глазами видели, как переламывается мир, как рождается новый. Я, например, помню реальные предреволюционные и революционные события в Узбекистане: падение бухарского эмирата, восстание бедняков, осаду белыми бандами Андижана. Я видел, как сражались плечом к плечу русские, узбеки, армяне. Покоя не было ни на минуту. Я написал драму «Заря революции» о событиях, развернувшихся в Бухаре в 1918—1920 годах. Многие ее герои — реально существовавшие люди. Так, прообразом одного из персонажей является Ф. Ходжаев — человек удивительной судьбы: сын бухарского купца-миллионера, который тягался богатством с самим эмиром. Но, пройдя через многие сомнения, вместе с Фрунзе и Куйбышевым он устанавливал Советскую власть, вступил в Коммунистическую партию, возглавил первое советское правительство Узбекистана.

Да, все мои герои — из жизни. Многие из них и сегодня еще вместе с нами ходят по земле. Мы не успевали выписывать материал — вот сколько его было!

— Поэтому, Камиль Нугманович, на благодатную почву лег в 1935 году ваш знаменитый призыв к деятелям литературы и искусства: «Нужен узбекский «Чапаев»!» Вы говорили тогда о том, что Всеволод Иванов пишет книгу о герое гражданской войны Пархоменко; над повестью об обороне Царицына трудится Алексей Толстой. О гражданской войне пишет Павленко. Шторм изучает историю падения бухарского эмирата. Вишневский, Билль-Белоцерковский, Погодин и другие создают пьесы и киносценарии. Долг писателей Узбекистана — включиться в общее литературное дело. Сегодня многие из названных вами произведений стали классикой.

— Да, мне хотелось, чтобы наша узбекская литература создала произведения, подобные фурмановскому роману. Ведь уже тогда ощущался запах будущей войны с фашизмом. А скольких героев родила узбекская земля! Видных командиров Красной Армии, бойцов, павших на поле боя и оставшихся в живых, ставших легендарными. И сегодня я мог бы назвать много романов, поэм, пьес о национальных героях, о революции, о войне. И добавить: боевые подвиги наших героев находят продолжение в трудовых достижениях узбекских тружеников. Вот почему добрые слова в их адрес, произнесенные на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым,— это заслуженная награда. Тревога за судьбу урожая заставила и наших писателей разъехаться по республике, чтобы и на этот раз находиться на переднем крае всенародной борьбы за урожай, искать героев будущих произведений. А герои действительно есть— республика собрала рекордный урожай хлопка: 5 миллионов 720 тысяч тонн.

— Камиль Нугманович, не только литература, а вообще узбекское искусство сделало в последние полстолетия огромный шаг вперед. Вспоминаю ваш рассказ о том, каким огромным событием был показ на национальной сцене Шекспира.

— Да, это было событием великого масштаба. «Гамлет» на узбекском языке! А ведь до революции и театра как такового не существовало. Опера отсутствовала совсем. Сегодня же всему миру известен наш прославленный театр оперы и балета имени Навои. Конечно, не обошлось здесь без помощи русских композиторов, таких, как Успенский, Василенко, Глиэр. Они приезжали к нам, мы ездили учиться в Москву.

— Вот вы тоже начинали не в Ташкенте, а в Ленинграде?

— Да, я учился там... Дело в том, что первую свою пьесу я написал в 16 лет, играли ее профессиональные актеры, и зрители хорошо приняли пьесу. Мне присудили премию уездного комсомола и послали учиться в Ленинград. В Ленинграде, а затем в Москве я по-настоящему пристрастился к театру, полюбил выдающихся мастеров сцены.

— Это ведь то самое время, когда был еще жив ваш учитель Хамза?

— И я посылал ему свои стихи. Иногда так получалось, что на одной газетной полосе печатались его и мои произведения. А ведь вряд ли он знал, что я тот самый мальчик, которого когда-то привел к нему в Андижане школьный учитель.

— Вы часто упоминаете имя Хамзы, имя, ставшее легендой, олицетворением всего лучшего в узбекском искусстве. Недавно по центральному телевидению шел фильм о Хамзе, поставленный по вашему роману. Скажите, эта работа — благодарность Учителю или, как вы говорили выше, ваша «живая» тема?

— И то и другое. В моем архиве тысячи страниц о Хамзе. Только что закончен роман о его жизни и смерти. Написана пьеса о нем, много статей, размышлений. Но сколько еще надо сделать, ведь Хамза — это сердце узбекской нации, он неисчерпаем.

— Камиль Нугманович, вам много приходится ездить по свету, особенно часто бывать в странах Азии и Африки. Вы знакомы лично со многими выдающимися писателями современности. Вы возглавляете писательскую организацию Узбекистана. Скажите — пусть мой вопрос немного прямолинеен,— может ли писатель, художник наших дней влиять на судьбы мира своим словом, своим творчеством? Ведь ему подвластны миллионы читателей.

— Нет ничего более чуждого нашей литературе, нежели пассивная созерцательность, тем более отстраненность от бурных событий современной общественной жизни.

Мы не можем оставаться в стороне от той ожесточенной борьбы, которая развернулась сейчас вокруг проблемы сокращения гонки вооружений. Наш долг — сказать свое веское слово и против гегемонизма, идущего из-за китайской стены. Прямая обязанность писателей-интернационалистов словом и делом содействовать борьбе народов Азии и Африки против империализма, колониализма, апартеида, за свободу и национальную независимость.

— В этой борьбе, Камиль Нугманович, конечно, большую роль играет возникшее 20 лет назад движение прогрессивных афро-азиатских писателей, одним из руководителей которого вы являетесь?

— Думаю, что есть все основания утверждать, что в бурном росте освободительного движения народов Востока есть добрая доля духовного вклада писателей.

Во всех союзных республиках действуют комитеты по связям с литераторами двух континентов. В их работе участвуют писатели, востоковеды, африканисты, журналисты, переводчики.

В нашей стране издаются многие произведения классической и современной литературы народов Азии и Африки, а народы этих континентов получают возможность лучше узнать национальные советские литературы. У ассоциации афро-азиатских писателей есть свой печатный орган — журнал «Лотос». Наш интерес к литературному процессу в странах Азии и Африки не случаен — он обусловлен интернациональной сущностью советской литературы. Да, нам не безразлична судьба ангольской, вьетнамской, индийской литератур, как не безразлична судьба этих народов. Вот почему мы расцениваем как важное и знаменательное событие 6-ю Конференцию афро-азиатских писателей, состоявшуюся летом этого года в Луанде. В ней участвовали литераторы 50 стран и многих международных организаций.

Человечество переживает сейчас, быть может, самую важную свою эпоху, и писатель должен влиять на судьбы мира своим словом, своим действием.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАМИЛЯ ЯШЕНА

СВОЕЙ ЭПОХЕ СОПРИЧАСТЕН

— Человек не властен в выборе даты и часа своего рождения. Но я бы сказал так: мне повезло! Я родился, когда над миром занималась заря новой жизни. И был тому очевидцем. Я родился в эпоху, которая была мечтой и целью всех предшествующих тысячелетий человеческой цивилизации, и я, пусть самой скромной, самой малой мерой, сопричастен ее становлению. Я видел возрождение родного народа, его яркий расцвет и вместе с ним, как сын, солдат и его работник, боролся за это. Вот почему я счастлив! Можно ли мечтать о большем!

Да, я многое испытал за всю свою долгую жизнь и, оглядываясь на свою молодость, скажу, что сегодня событийная концентрация нашего времени, его политическая и идейная насыщенность достигли такого уровня, когда вопрос об активности писательской позиции приобрел особое, первостепенное значение.

Это слова **Камиля ЯШЕНА**, писателя и общественного деятеля, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета СССР, лауреата афро-азиатской литературной премии «Лотос».

...Его выступления на писательских форумах слушал Горький. Яшен гордится тем, что на первой пьесе, поставленной им, двадцатилетним драматургом, на московской сцене, присутствовал никому тогда не известный Муса Джалиль.

Я встретился с К. Яшеном в салоне самолета, когда летел на празднование в Фергане юбилея его великого учителя — Хамзы Хакимзаде Ниязи. Я видел, как любят в Узбекистане Яшена, видел, как его встречают, приветствуют, прислушиваясь к каждому его слову.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

«Всего доброго в жизни!»

НОВОГОДНЯЯ ОТКРЫТКА ОТ БАРБАРЫ БРЫЛЬСКОЙ

Б. ЛАБУТИН

Мне повезло: оказывается, Барбара Брыльска и Эльжбета Суловска, сотрудница журнала «Пшиязнь», с которым давно дружит «Огонек», живут в одном доме и даже водили дочек в один детский сад. Утром мы позвонили Барбаре. «Хорошо,— ответила она.— Жду сегодня в восемь!»

Вечером я в квартире у Эльжбеты на улице Мальтаньской, в районе варшавских новостроек. Барбара живет тремя этажами ниже. Лифт опускается, волнение мое растет: не каждый же день встречаешься со знаменитой актрисой!

Квартира 17. Дверь открывает она сама. Простой свитер, брюки. Светлые волосы гладко собраны в пучок на затылке. Большие лучистые глаза светятся приветливо и знакомо.

На кухне пыхтит чайник, мы с Людвиком Космалем, мужем актрисы, смотрим телевизор, Барбара и Эльжбета обсуждают последние местные новости. Страхи мои позади. Я в обычной польской семье, где любят гостей, шутку, веселый, непринужденный разговор. И еще по всему в квартире чувствуется, что хозяйка умеет создать уют.

— Да, я предана семье, дому, по-моему, как и каждая женщина, кем бы она ни была,— говорит Барбара. — По утрам люблю проводить дочку в школу — она уже учится в подготовительном классе,— а мужа на работу. Людвик по профессии врач. Сама делаю покупки в магазине, готовлю обед. В свободную минуту нравится вязать — очень практичный отдых! Если не управляюсь сама, призываем на помощь двух бабушек — маму Людвика и мою. Я по натуре домоседка, а профессия требует частых разъездов. Это, если можно так назвать, главное противоречие в моей жизни!

— Не слушайте ее,— вступает Людвик.— По-моему, у Баси хорошо получается и то и другое. Угости-ка пана своим вареньем!

— Собственным вареньем? Поделитесь с нашими читательницами «рецептом Барбары Брыльской»,— прошу я.

— Пожалуйста: берете любую книгу под названием «Домашние советы» и там находите все, что нужно! — смеется Барбара.— Тут, я признаюсь, новичок. Недавно сняли дачу в деревне над Бугом, и теперь все планы строю так, чтобы лето обязательно проводить там. Прекрасный сад, огород. Люблю возиться с землей. Очень приятно снимать собственный урожай. А нынче насушили много грибов, год был хороший.

Из двери детской уже давно выглядывает Бася-младшая.

— Ну иди сюда, иди! — разрешает отец.— У нее правило: если в доме гости, непременно должна с ними познакомиться.

Светловолосая Бася в пижамке шлепает к матери и что-то шепчет ей на ухо.

— Просит, чтобы вы рассказали сказку про Ивана-царевича и Серого волка, которую она недавно слышала по радио,— с ласковой улыбкой переводит Барбара.

Но я не знаю польского, а Бася еще не успела выучить русский. Выручает Эльжбета; пообещав рассказать сказку, она уводит малышку спать. А мать с шутливой гордостью рассказывает про дебют дочери в кино, состоявшийся в этом году:

— Режиссер Роман Залуски поставил детектив под названием «Взбешенный». У меня и у дочери — она и по фильму моя дочь — совсем маленькие роли. У Баси две фразы, и одна из них: «Мама, смотри!» С ролью дочь справилась, но труднее и забавнее всего было на озвучивании. Не получалась эта фраза, и все тут! Тогда режиссер вышел из студии — и вдруг появляется в каком-то немыслимом костюме, в который он облачился в соседней гримерной. Дочь как закричит от неожиданности: «Мама, смотри!» Так и записали.

— А как вы сама пришли в кино?

— Я училась в художественном лицее в Лодзи и в восемнадцать лет сыграла в самодеятельном кружке роль Матери в инсценировке одноименного романа Горького. Не забуду, как наша директор, пани Зофья Махейкова, вызвала меня и сказала: «Может, Басю, у тебя и есть способности к живописи, но я бы советовала тебе...» С ее легкой руки я с дипломом художника по тканям и поступила в театральное училище...

Директор, мне кажется, была неправа лишь в одном — в оценке способностей Брыльской как художницы. Здесь же, в гостиной, висит написанный Барбарой портрет дочери. Портрет очень искренний, живой.

— Ну что вы, теперь для меня это только хобби,— заметив мой взгляд, говорит актриса.

Одна из стен сплошь оклеена цветными обложками журналов и афишами кинолент с участием Барбары Брыльской. За ее плечами почти сорок фильмов, снятых в Польше и за рубежом. Вот только те, что знакомы советским зрителям (не ручаюсь, что список полный): «Фараон», «Анатомия любви», «Освобождение», «Пан Володыевский», «Города и годы» и, наконец, «Ирония судьбы».

— Пани Брыльска, фильм «Ирония судьбы» принес вам огромную популярность в Советском Союзе — ведь его посмотрела, наверно, каждая семья. «Огонек» провел в этом году конкурс «Товарищ СЭВ», среди других вопросов мы просили читателей назвать и имена любимых актеров из социалистических стран. В каждом без исключения письме стояло ваше имя! Сегодня мне впервые представился случай от имени читателей журнала сердечно поблагодарить вас! За эту роль вы получили Государственную премию СССР и стали первой зарубежной актрисой, удостоенной такой награды.

— Спасибо! Признание это мне вдвойне дорого, потому что за ним стоит действительно большая работа. Открою маленький технический секрет: впервые в моей практике съемки велись одновременно тремя камерами и не короткими дублями, а двадцать — тридцать минут без перерыва. Вот такой длинный кусок роли надо было прожить, как говорится, на одном дыхании. Для киноактера это непривычно, сложно, но преимущество — он не выпадает из ритма роли.

— Кстати, фильм закупили Швейцария и ФРГ,— не без гордости вставляет Людвик.

— Барбара, чем бы вы сами объяснили его успех?

— Мне кажется, он очень верно передает характер, стиль жизни, устремления, даже язык сегодняшнего поколения. Получился достоверный сплав обыденного — и романтического, смешного, иногда нелепого — и возвышенного. И, конечно, замечательные песни на замечательные стихи...

— Вы не пробовали спеть?

— Куда мне до Пугачевой! Но я пою — и, видимо, терпимо, если это вышло на экраны — в фильмах «Анатомия любви» и «Пан Володыевский».

— В Польше «Ирония судьбы» шла под названием «Счастливого Нового года!» Наверно, это был самый необычный Новый год, который вы встречали. Но то в кино, а в жизни?

— Как правило, в новогодний вечер мы едем к друзьям, а вот в прошлый раз, уже не помню почему, остались дома. И наутро благодарили судьбу: ночью выпало столько снега, что в городе остановилось все движение! Надолго запомнят поляки эту «зиму столетия». Я тогда первой вышла из дома, взяла лопату и стала расчищать сугробы.

— Что принес вам так неожиданно начатый год?

— Радость, которую всегда доставляет мне любимая работа, какой бы напряженной она ни была. Успела сняться в четырех фильмах: «Ангел смерти» режиссера из ГДР Руди Кутца, «До последней капли крови» Ежи Гофмана, «Взбешенный» Романа Залуского, «Карьера Никодема Дызмы» Яна Рыбковского. Прошли пробы в пятом, съемки которого начнутся в январе в ГДР. Это историческая лента, действие ее происходит в XV веке, а снимает польский режиссер Анджей Кониц. Кроме того, большое удовлетворение мне доставило участие в работе одиннадцатого Московского международного кинофестиваля. Очень теплые воспоминания привезла из Гаваны, где проходила Неделя польского кино.

— Когда вас вновь увидят советские зрители?

— Думаю, это будет фильм Ежи Гофмана «До последней капли крови», у нас он уже идет. Я играю здесь связную между Москвой и польским эмигрантским правительством в Лондоне в годы второй мировой войны. Впрочем,— улыбается Барбара,— с помощью вашего журнала эта встреча может состояться раньше! — Она достает пачку фотографий, выбирает одну и пишет свое первое в этом году новогоднее поздравление: «Читателям «Огонька» желаю всего доброго в жизни. Б. Брыльска».

— Вы верите, что новогодние пожелания сбываются?

— Это сбудется — оно от чистого сердца.

Варшава — Москва.

ТАК СТОЙ?

Алексей САМОЙЛОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Анатолий Ярмовский и его ученик Александр Дитятин на старте.

Летит гимнаст над помостом и складывается, как перочинный нож.

Летит гимнаст над помостом и ввинчивается в воздух, как штопор.

Летит, складывается, ввинчивается — голова кругом у смотрящего. А у летящего?.. И едва ступни его касаются мата, зал выдыхает: «Стой!»

Самое трудное после полета с вращением в разных плоскостях — устоять при приземлении, как говорят гимнасты, «встать в доскок». Упал или даже спасительный, для сохранения равновесия, сделал шажок — все равно смазал всю картину, испортил песню.

Александр Дитятин — самый послушный из наших мастеров. «Стой!» — приказывает зал, и Саша стоит.

Когда семнадцатилетний Саша Дитятин ворвался в круг гимнастических светил и потеснил их (1975 год — победитель Кубка страны, бронзовая медаль в многоборье на чемпионате Европы, абсолютный чемпион VI летней Спартакиады народов СССР), специалисты сразу обратили внимание на удивительную устойчивость юного гимнаста при приземлениях. Знатоки понимали: это качество не врожденное, а благоприобретенное. Биомеханику доскока надо ставить гимнасту, как ставят певцу голос. Натаскиванием, форсированием и прочими ударными методами этого не добьешься. Значит, напрашивался вывод: у Саши Дитятина хорошая школа. А хорошая школа — это хороший педагог.

У Анатолия Григорьевича Ярмовского голос приглушенный, размеренный, сдержанный. Тренер Дитятина безупречно корректен, деликатен, предупредителен, но без тени заискивания. Ровен в обращении, бесконечно терпелив. Никто из работающих с ним долгие годы в динамовской школе не припомнит, чтобы он повысил тон. Но доводилось мне встречать тренеров, тоже не крикунов по натуре, которые считают своим долгом щелкать бичом, погонять, погромыхивать на нижних регистрах. Иначе, убеждены они, эти разгильдяи совсем развинтятся, их надо в узде держать. Ярмовский, я бы сказал, принципиально не громогласен. Заставлять, подавлять ученика не считает возможным. Его нравственный постулат — не подавлять, а убеждать: только человек, уверовавший в правильность, разумность, справедливость тренерской идеи, способен зажить ею, загореться, способен ради ее осуществления на самопожертвование.

Ассистируя на соревнованиях своему Саше, он словно тушуется, норовит побыстрее исчезнуть из нашего поля зрения, отойти в сторонку и молча, ничем не выдавая своих эмоций, следить за комбинацией Дитятина. Никакой экзальтации: большая победа — улыбнулся, пожал Саше руку, сорвался тот — положит руку на плечо, скажет тихо несколько слов...

Ярмовского не сразу заметишь на помосте. И Дитятина не сразу разглядишь. Точнее — его гимнастику не сразу разглядишь. Сам-то он, добрый молодец с фактурой былинного витязя, виден всем и сразу. В гимнастическом строю он неизменно на правом фланге. Выше его никого нет. 177 сантиметров — великан в современной гимнастике, попробуйте с таким росточком двойные сальто крутить! Да и в кости он широк, тяжеловат — по гимнастическим, понятно, меркам, а не борцовско-штангистским.

Вращаться-складываться ему, естественно, труднее, чем его ладным, легким, невысоким соперникам. У него нетипичная для гимнаста структура. Нагрузки на мышцы и суставы он испытывает более серьезные, и, случается, суставы и связки не выдерживают...

Современная гимнастика развивается в направлении все большего усложнения комбинаций, переходит, говоря специальным языком, в сферу безопорных вращений, когда спортсмен все чаще попадает в состояние, близкое к невесомости. Уже есть гимнасты-космонавты — Александр Ткачев, например, с его фирменным перелетом на перекладине, с его легкостью и размашистостью... По сложности комбинаций Дитятин не уступает лидерам мировой гимнастики, но отнюдь не сверхтрюками привлекает он наше внимание. Его идеал в гимнастике — Михаил Воронин. А Воронин всегда был чемпионом элегантности, безупречности и чистоты исполнения. И вот сам Воронин, сдержанный и строгий на помосте, не склонный к аффектации в жизни, старший тренер ЦС «Динамо» по гимнастике, стало быть, шеф Ярмовского и его ученика, так аттестовал недавно в спортивном журнале молодого ленинградца: «Дитятин — первый из нового поколения гимнастов, принесших на помост свежесть линий, некую утонченность вкуса». Это симптоматично, что обращено внимание на тонкость, одухотворенность его гимнастики, а то все эти годы восхождения Дитятина больше хвалили его за характер — тягучий, мол, настырный, непотопляемый, а об искусстве его, мастерстве — скороговоркой: гимнаст культурный, «чистенький». Глухо как-то, без восторга и удивления. Конечно, Андриановым и Ткачевым восторгаться проще: легкость такой высокой пробы, что и невооруженным глазом просматривается. А Дитятина надо уметь разглядеть — и тогда откроются и классическая стройность линий, и безупречность его геометрии, и строгость вкуса, и благородство манеры исполнения.

Саша Дитятин — из рабочей ленинградской семьи. И тренер его — коренной ленинградец. Строгая ленинградская соразмерность лежит в основе их творчества.

Приходилось слышать споры, кому больше повезло — Ярмовскому, встретившему Дитятина, или Дитятину, встретившему Ярмовского. И если говорить о везении, то надо признать, что оба они — и тренер и ученик — пустились в путь в самое время, когда приспела пора обновления и освежения мужской гимнастики. Потом, когда Дитятин и его поколение начнут добывать медали на международной и союзной арене, посвященные объяснят не-

посвященным, что появление Дитятина и его сотоварищей закономерно, что они «живые плоды политики ранней рациональной спортивной направленности, которую мужская гимнастика переняла у женской». Тогда же, двенадцать лет назад, выпускник лесгафтовского института, абсолютный чемпион Ленинграда по спортивной гимнастике Анатолий Ярмовский прочесывал школу за школой в Петроградском и Ждановском районах, просматривал сотни ребятишек на уроках физкультуры, набирая группу для специализированной детско-юношеской школы «Динамо». И в первом его наборе оказался девятилетний Саша Дитятин, больше всего на свете любивший футбол и с упоением гонявший мяч на переменах и после школы. Он был ловок, смел, хорошо координирован — это в нем Ярмовский усмотрел сразу и не удивлялся позже, когда Дитятин стал (примерно года на два) опережать своих сверстников. Правда, не всех. Был у Ярмовского такой ученик — Сережа, природной одаренностью повыше Дитятина, а дитятинских высот не достиг. Почему? Да потому, что Саша к цели двигался, как выпущенная стрела из лука, ни на миллиметр не отклоняясь, объясняли мне в спортивной школе-интернате № 62, где учились Дитятин и его друг. А Сережа прыжками — два вперед, один в сторону. Саше всегда была присуща собранность, сосредоточенность, а Сережа широко хотел жить, всем на свете интересовался и соответственно отвлекался.

Не знаю, определял ли для себя Ярмовский свою стратегию как «политику ранней рациональной спортивной направленности». Знаю только, что тогда большинство юных гимнастов тренировалось три-четыре раза в неделю. У Ярмовского ребята стали тренироваться ежедневно. И — самое существенное — он не «гнал картину», не выпускал на помост малолетних циркачей, а занимался кропотливой работой — учил лихих питерских гаврошей хореографии, прививал им культуру движения.

Кому больше повезло?.. Да им обоим. Душевно пластичные, почеловечески расположенные друг к другу, умеющие уступать, ровные, мягкие в обращении, но неуступчиво последовательные в работе, они не тратят, как бывает в иных, менее гармоничных спортивных союзах, силы и нервы на выяснение отношений, на улаживание конфликтов, на укрощение эмоциональных бурь. Все у них идет в дело и тратится на дело.

И еще повезло им в том, что динамовцы построили в Ленинграде отличный гимнастический комплекс — четыре зала, светлых и просторных, современное оборудование — есть где и хореографией заниматься и сальто и пируэты любой закрученности учить.

На стене этого комплекса, отданного во владение детской гимнастической школе «Динамо», висят фотографии абсолютных чемпионов Ленинграда по гимнастике разных лет: Николай Иванов, Анатолий Ярмовский, Александр Дитятин. Николай Васильевич Иванов сейчас директор динамовской школы, в которой рядом с Ярмовским работает талантливый тренер Владимир Оганезович Макарян, из которой по следу, проложенному Дитятиным, вышли чемпион Европы среди юниоров Альберт Анисимов, победитель всесоюзного юниорского первенства Сергей Рязанов. Их уже подпирает совсем юное поколение—13-летний Максим Демкин и 14-летний Михаил Махнин. Президент Международной федерации гимнастики, прославленный советский гимнаст Юрий Титов, побывав этим летом на смотре ленинградских олимпийских резервов, сказал, что Максима и Мишу хоть сейчас можно включить в сборную молодежную страны — только возраст лимитирует. А глядишь, и сделают для них исключение, как когда-то для Саши: его, 14-летнего, ввели в состав молодежной сборной страны.

Устойчивость — и не только при приземлениях — доминанта характера Александра Дитятина, комсорга сборной Ленинграда по спортивной гимнастике... Когда вечно брыкающийся гимнастический конь начинает сбрасывать всадников одного за другим и к снаряду вызывается Дитятин, на трибунах можно услышать: «Этот не свалится!»

Правда, было такое время в недолгой спортивной карьере Дитятина, когда многие специалисты отпевали его, полагая, что он навсегда вышиблен из седла и ничто не поможет ему подняться. Помните, я говорил, что у Дитятина нетипичная для гимнаста структура, что крупен он и массивен, а потому нагрузки на связки и кости у него потяжелее, чем у его коллег?.. Так вот, Дитятина замучили травмы. Сначала локтя, потом голеностопа. В семьдесят шестом, олимпийском, он пропустил чемпионат СССР, несколько международных турниров. «Нас уговаривали поехать, настаивали, но мы отказывались,— рассказывал мне Ярмовский.—Сейчас-то совершенно очевидно, если бы мы тогда дрогнули, согласились, он и в Монреале не смог бы выступить». А Саша выступил там очень удачно: в многоборье — четвертый, на кольцах — второй.

Александр Дитятин готовится ко второй своей Олимпиаде — московской. А в семьдесят седьмом многим казалось, что следующей Олимпиады у Дитятина не будет. Серьезная травма голеностопа — в интересах команды он еще выступал на нескольких соревнованиях, но лишь в первые два дня, а на третий — финал личного многоборья — не выходил на помост: на себя сил уже не хватало...

Лишь через два года после Монреаля — для современного спорта такой перерыв гигантский срок — Дитятин вышел на помост мирового первенства в Страсбурге и боролся с той же сосредоточенностью и холодным спокойствием, которые поразили «железного» Бориса Шахлина еще в семьдесят пятом году, на спартакиадном турнире в Ленинграде, и заставили его назвать семнадцатилетнего ленинградского студента «стальным».

Но только после Кубка мира в Японии, когда Дитятин после первого дня шел четвертым, проигрывая лидеру целых четыре десятых балла, а во второй день своим безукоризненным выступлением, предельным спокойствием заставил ошибиться и Делчева и Касамацу и вторично завоевал Кубок мира, я понял, как прав был Борис Шахлин...

И вот еще одна веская победа Александра Дитятина. Как известно, на чемпионате мира в Форт-Уэрте он завоевал золотые медали, выступая и в командном и в личном первенствах. И под занавес еще две — в опорном прыжке и в упражнении на кольцах.

Александр Дитятин умеет стоять на ногах.

Ленинград.

Комбинация на брусьях.

МНОГИХ СОБЫТИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Несколько месяцев он не дожил до своего 90-летия и поэтому не успел увидеть сигнальный экземпляр вышедшей вторым изданием книги «Похвала старости». В предисловии к ней он писал: «Эту книгу я назвал «Похвала старости». Почему она восхваляет тот, последний, этап человеческой жизни, у которого нет будущего? Ведь «будущее принадлежит молодежи». Чем же старость заслужила такую похвалу, о которой можно писать?»

И отвечает на этот вопрос всей своей жизнью.

Фамилия Рубакин ассоциируется в нашем сознании с человеком легендарной судьбы — крупнейшим русским библиографом, популяризатором науки, человеческих знаний, владельцем огромной библиотеки, которой пользовались в эмиграции В. И. Ленин и многие революционеры. Александр Николаевич Рубакин, сын Н. А. Рубакина, стал крупным ученым, трижды доктором наук, профессором, автором 280 научных трудов в области гигиены, микробиологии, эпидемиологии, социальной гигиены, здравоохранения, стал писателем. Судьба его необычна.

Родился в Петербурге, в 1907 году за участие в революционном движении был арестован и после тюремного заключения сослан в Тобольскую губернию, откуда бежал в Париж. Там он окончил медицинский факультет и за первый свой труд — докторскую диссертацию — удостаивается золотой медали факультета. Работал в парижских больницах, был профессором Парижского рабочего университета, членом Французской компартии.

Затем Рубакин становится представителем Наркомздрава при посольстве СССР во Франции, заведующим отделом санитарной статистики и эпидемиологии в Лиге Наций. В 1941 году, после нападения Германии на СССР, бежал из Парижа, но был арестован пэтеновскими властями в Виши, посажен в концлагерь. После освобождения репатриировался в СССР.

Вернувшись на Родину, А. Н. Рубакин с жаром берется за работу: преподает, выступает с лекциями. Особым успехом пользуются его лекции-воспоминания о встречах с В. И. Лениным, Л. Красиным, Н. Семашко. В издательстве «Международные отношения» у него выходит книга воспоминаний «Над рекою времени», а в «Молодой гвардии» в серии ЖЗЛ книга «Рубакин (лоцман книжного моря)» — о своем отце.

Как и отец, он был страстно влюблен в книгу. В его московской квартире на Новослободской улице хранится уникальная коллекция словарей (А. Н. Рубакин знал одиннадцать языков). Когда-то он написал и издал в Париже книгу «Человеческое неравенство перед смертью и болезнью», вызвавшую бурную полемику. Отмечая недавнее 90-летие выдающегося ученого, листая страницы его книги «Похвала старости», с уверенностью думаешь о том, что единственное преимущество человека перед смертью и болезнями состоит в его неустанном труде, творческом поиске, духовной вере в неисчерпаемость сил человека.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

ЦВЕТА ЗИМЫ

В Москве уже все давно по-зимнему. Жарко нагреты батареи, по утрам темно, и утренний чай приходится пить при электрическом свете. Заботливо убраны до будущего лета босоножки, яркие сарафаны, цветные бусы, соломенные шляпки для юга, пляжные комплекты. На смену им вышли на свет меховые и вязаные шапочки, теплые перчатки и варежки для лыж, пальто с пушистыми воротниками и шерстяные уютные жакеты, меховые ботинки и суконные, приглушенных тонов юбки. Итак, заботливые хозяйки подготовили свой гардероб к зиме.

Вы выходите на улицу. Как приятно, особенно в первые дни зимы, видеть белую землю, белые крыши. Дышится мягко, легко. У старых лип и берез стволы и ветви белы от инея. Лицо приятно покалывает морозец. А что же делать с румянами, тенями, пудрами, которые так хорошо послужили нам летом, а сейчас просто не выдерживают соперничества с морозом? Хлопья тяжелого, мокрого снега, который нередок в это время года, легко может нарушить так хорошо продуманную в теплой квартире гармонию тщательно разработанного макияжа.

Да, действительно, пора провести смотр не только в своем платяном шкафу, но и в косметической сумочке.

Отправимся же прямо в просторный зал парфюмерного магазина № 15, близ гостиницы «Москва», наполненный женским смехом, звонкой болтовней, запахом мороза, духов, пудры — неуловимым волнующим запахом нарядных, красивых женщин, склонившихся над стеклянными витринами прилавков, заставленных множеством флаконов, коробочек, футляров необыкновенных форм, тюбиков, баночек, скляночек. Как приятно женскому сердцу окунуться в этот привычный для него мир! Мужчины-покупатели выглядят здесь как-то неуверенно, робко.

Одному из них, немолодому человеку, непременно нужны польские духи «Пани Валевская». «Жена их любит, — смущенно поясняет он продавцу.— Хотелось бы сделать ей подарок к серебряной свадьбе».

Другой мужчина просит продавца порекомендовать духи для блондинки сорока пяти лет с хорошим вкусом и неумело рассматривает предложенный ему рижский «Комплимент».

Женщины ориентируются быстрее: четко называют то, что их интересует, забирают покупки и тут же у зеркала опробуют качество приобретенного товара: подкрашивают губы, припудриваются, еще раз уже на себе изучают запах духов.

А выбор в этом московском магазине, надо сказать, прекрасный, на все вкусы. Подходите к прилавкам, покупайте. Но вот все ли подготовлены к выбору? Как не растеряться в этом изобилии различных косметических средств и препаратов, как обрести самостоятельность выбора? Ответ один — воспитание точного художественного вкуса.

Подходим к одному из прилавков. Тут в основном предметы декоративной косметики: тональный крем «Жэмэ» натурального цвета, компактная пудра «Елена» («Новая заря»), тени для глаз — голубые, синие, белые, зеленые, коричневые.

Рядом изящные сверкающие флаконы с духами, тюбики с кремами, душистые аэрозоли и прочая дамская «чепуха». Предвидим жалобы наших читательниц, что многого невозможно купить.

— Да, это действительно так. Полностью удовлетворить спрос наших покупателей мы еще не можем. И сумеем ли когда-нибудь, неизвестно, — говорит директор магазина Татьяна Дмитриевна Амосова.— Ведь мы торгуем самой интересной группой товаров, среди которых просто нет таких, которые бы не пользовались спросом. К косметике в последние годы особый интерес. План растет бешеными темпами. Покупают все. Мы связаны самым тесным образом с фабриками «Свобода», «Новая заря», московской фабрикой театральной косметики ВТО. Их представители рекламируют у нас свою продукцию, изучают заявки покупателей. Еще год назад двадцать флаконов дорогостоящих духов продавали дней пять. А сегодня тридцатирублевые духи «Только ты» в хрустальном флаконе (фабрика «Новая заря») идут порой по пятьдесят штук в день.

Зато набор «Тебе, воин» (та же «Новая заря») стоит уже год без движения. Ни один покупатель даже не поинтересовался их запахом.

Да, действительно, в парфюмерии, как нигде, важен внешний вид, упаковка, название того или иного изделия. «Огонек» уже писал о том, что в моде рассыпная пудра. Но, как и прежде, ее берут очень мало, в основном пожилые покупательницы, привыкшие к ней еще до появления компактной пудры. Вывод один — нашим парфюмерам надо уделить особое внимание рассыпной пудре. Разработать более интересный подбор цветов, подумать над упаковкой, так чтобы коробочка могла служить изящной пудреницей.

— Дорогие женщины, подходите, выбирайте,— приглашает продавец Лиля Воробкало.

Фото И. Гаврилова

С чего же начать подбор косметических средств женщине, решившей вооружиться, что называется, «от и до»? С таким вопросом по просьбе читательниц мы обратились к специалисту по косметике Людмиле Валентиновне Бобрышевой.

— Как писал уже «Огонек» в предыдущем своем материале, единого рецепта не может быть. Можно дать только общие советы. Декоративная косметика — только для здоровой кожи. Зимой особенно хороши препараты на жировой основе. Меньше пудры, сухих румян, больше кремообразных тонов, помады, предохраняющей губы от растрескивания. Как и в любое время года, на ночь удалять всю косметику просто необходимо. Некоторые женщины так торопятся утром на работу, что подкрашивают ресничкн накануне. Ночью же пыльца туши осыпается, образовывая сеть мелких морщинок вокруг глаз. Так что решайте сами, стоит ли сокращать время утреннего туалета такой ценой. Начинать макияж, не прослушав сводку погоды, тоже опасно. Дождь, мокрый снег и сильный ветер могут вас очень подвести, образовав черно-голубые подтеки в самый неподходящий момент. А вот питательному крему зимой особое внимание. Наносить его надо ежедневно сразу после утреннего умывания.

— Не меньшего ухода зимой требуют и наши руки, — говорит специалист по маникюру Муза Михайловна Мешалкина. — Одним кремом тут не обойтись. Ведь женские руки — большие труженики. Стирка, уборка квартиры, мытье окон, полов, разделка птицы, рыбы, чистка картофеля, моркови, свеклы, часто производственная, разъедающая кожу грязь плюс мороз — вот что должны выдержать наши руки. А ведь при случае они должны быть мягкими, душистыми, сияющими чистотой и свежим лаком.

Сделать их такими может маникюр, что в переводе с латыни на русский язык означает — забота о руках. Заметьте, не только чистка и полировка ногтей, как это иногда принято считать. Поэтому ничего не может быть хуже, когда неухоженные, грязные ногти покрываются ярким лаком. Сейчас в парикмахерских вводятся новые виды услуг: смягчающие, питательные ванночки, массажи кистей рук, а потом уже обработка ногтей. Лак должен прежде всего корректировать форму ногтей, сочетаясь по цвету с тоном губной помады и всего туалета женщины. Зима, спокойные тона одежды диктуют и более теплые, светлые, телесные цвета лаков.

Если вы хотите быть элегантной, надо позаботиться о себе, как говорится, от кончиков волос до кончиков пальцев.

В. МОРОЗОВА

ВЗРЫВ

Владислав
ПОБЕДОНОСЦЕВ

РАССКАЗ

Взрыв должен был произойти с минуты на минуту. Инженер Жохов знал это по многолетнему опыту. И рванет крепко, думал он, полетят клочки по закоулочкам.

Инстинкт подсказывал, что надо бы убраться подальше от опасного места, но Жохова придавила такая апатия, что он и ногой не шевельнул. Чего уж там, думал он, конец, так конец...

Жохов прикрыл глаза, и, как водится в таких случаях, перед ним замелькали картины собственной жизни. Для начала он увидел себя в школе, в пятом классе... Он сидел на одной парте с тихим мальчиком Отариком Мосешвили и, когда учительница отворачивалась к доске, пихал ему за шиворот огрызок яблока, кнопку или жеваную промокашку.

В тихом Отарике мгновенно просыпался джигит, который с гортанным криком набрасывался на Жохова. Джигита выгоняли из класса...

Потом память перебросила Жохова на пять лет вперед. Прощаясь со школой, двухметровый Жохов явился на выпускной бал в обнимку со скелетом, выкраденным из зоологического кабинета. Повергнутые в отчаяние кощунственной выходкой, воспитатели во главе с аккуратной седенькой директрисой вынуждены были признать, что Жохов — их педагогический брак.

Как ни странно, забракованный Жохов не только пробился в институт, но и выбился в отличники... Об этом было приятно вспомнить, и Жохов чуть-чуть улыбнулся.

Однако взрыв мог грянуть вот-вот, и Жохов, кривясь от внутренней боли, заглянул в следующую, производственную страницу своей неблестящей биографии. И его внезапно обуяло неудержимое желание вырвать ее, эту страницу. Вырвать, смять, разорвать, а после... да, кто-то должен был сгореть: либо она — от огня, либо он — от стыда...

Однажды после техсовета к Жохову, специалисту по взрывным работам, подошел молодой, но ранний Червяков и предложил поставить свою фамилию под написанной им статьей. «Быстрей напечатают,— не пряча ясного взгляда, пояснил он,— вы ведь авторитет». И Жохов, едва зыркнув глазом по выводам, статейку подмахнул...

Сейчас от этого видения — вот он вынимает ручку, прилаживает лист бумаги к стене (все на ходу, в спешке — время нынче в цене!), ставит свой росчерк над червяковским — сейчас от этого видения Жохова передернуло. Господи, какая трясина его засосала! Если бы еще перечень грехов на этом обрывался...

Разве в свете результатов самоанализа есть ответ на вопрос: почему до сих пор от него не сбежала Эллочка? Он хоть и называет ее людоедкой за эксцентрический характер, имя и боязнь включить утюг в электросеть, но она бы никогда не совершила ни одного из его мерзких поступков.

Еще три минуты назад Жохов верил, что взрыв — лучший выход из тупика, в котором он очутился. Жизнь не удовлетворяла Жохова: сослуживцы хронически и злостно недооценивали его знания и талант, а Эллочка — духовную утонченность. Но сейчас, когда Жохов с ужасом разглядел собственную отталкивающую суть, в его взбудораженные извилины холодным ужом вползла мысль: да как же это его — т а к о г о! — терпят товарищи по работе, а главное, Эллочка?! Да ведь ему не дуться, а молиться на них в пору!

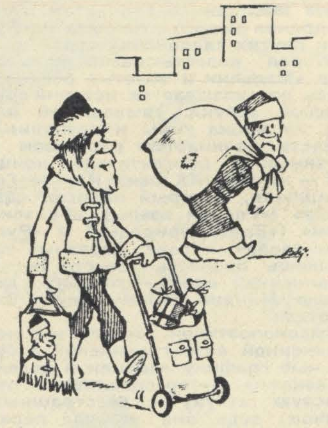
Между тем опытный Жохов знал, что у него нет времени, чтобы сотворить молитву даже по себе. Сейчас, уже сию секунду, все полетит в тартарары. И вдруг Жохову неистово захотелось предотвратить взрыв!

Он вскочил, подался вперед, будто спринтер на старте, и негромко сказал:

— Хорошо, Эллочка, я что-нибудь изобрету и куплю тебе «Жигули».

Взрыв был предотвращен.

«А может, зря?» — уже ночью подумал Жохов.

— Отстаешь от моды, старик!

Без слов.

В районе новостроек.

Самоохрана окружающей среды.

Рисунки В. ТАМАЕВА

— Ты что, в аварию попал?..
— Нет... Елку на базаре выбирал.

ШИЛО НА МЫЛО

Наум ЛАБКОВСКИЙ

РАССКАЗ

Недавно я переехал в другую квартиру. Гражданка, которая поменялась со мной, очень симпатичная блондинка с голубыми глазами, вручая мне ключи, честно описала все недостатки жилплощади. О достоинствах она умолчала. Видимо, из скромности.

Я узнал, что:

— в большой комнате нельзя делать зарядку, будут стучать в пол снизу;

— в комнате, которая поменьше, нельзя включать телевизор, будут стучать в потолок сверху;

— в квартире рядом (ход из другого подъезда) живет ненормальный меломан-переросток. Едва проснувшись, он включает стереоквадрасистему с четырьмя выносными колонками по пятьдесят ватт в каждой и не выключает, даже когда ложится спать.

Я поблагодарил за информацию, хотя и не понял, почему все это мне не сообщили до того, как обмен был совершен.

Впрочем, ведь и я умолчал о том, что в моей бывшей квартире:

— сосед сверху имеет привычку засыпать в ванне с открытыми кранами и просыпается, лишь когда слесари жэка взламывают двери;

— соседка снизу ставит на плиту сковородку с котлетами и приступает к телефонным беседам, которые заканчивает, лишь когда пожарники начинают поливать котлеты из брандспойтов;

— в квартире рядом (ход из другого подъезда) проживают счастливые супруги. Они не дерутся, только когда ссорятся.

Подсчитав все плюсы и минусы, я пришел к заключению, что обмен произведен на равных началах. Это успокоило мою совесть, и я стал обживаться на новом месте:

— зарядку стал делать на кухне;

— телевизор смотреть в ванной;

— работать в спальне;

— спать на работе.

На днях мне позвонила гражданка, с которой я поменялся.

— А! Здравствуйте! — воскликнул я с деланной радостью.— Как вам живется на новом месте?

— Поменяла шило на мыло,— сказала она без всякой последовательности, что, впрочем, свойственно блондинкам с голубыми глазами.

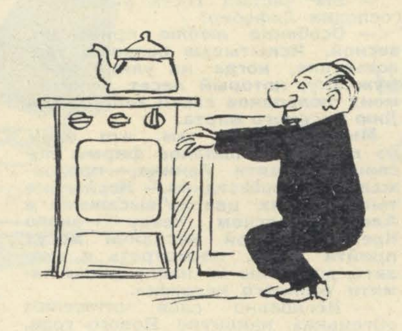
— Почему шило на мыло? — попробовал разобраться я.

— Потому что за комнату, в которой нельзя включать телевизор, вы мне подсунули соседа с открытыми кранами. Это, по-вашему, эквивалент?! А за комнату без зарядки я получила котлеты с дымом и пожарниками!

— Ну, уж если на то пошло,— рассердился я,— моих счастливых супругов только двое, и они колотят друг дружку с перерывом на завтрак, обед, ужин и сон, а у вас четыре стереоколонки, и они лупят по моей голове без перерыва. Отдавайте моих счастливцев и забирайте свою квадракакофонию!

Она чуть не захлебнулась от гнева.

— Сейчас же меняемся обратно! Шило на мыло!

— Извините,— поправил я.— Если обратно, то это мыло на шило.

— Ах, так! — зашипела она.— Вы... вы...

— Что — я... я...?

— А это я объясню вам лично и немедленно!

Она бросила трубку...

Только этого мне недоставало! Эта пантера с голубыми глазами собирается ко мне!

Я огляделся. В квартире холостяцкий беспорядок. Мебель расставлена как попало. Из зеркала на меня глянула небритая, неумытая физиономия. Я включил электробритву. В потолок сразу застучали. Я стал переставлять кресла, столы и шкафы... Застучали в пол...

Она приехала быстрей, чем я ожидал.

Она вошла и всплеснула руками.

— Боже мой! Что вы сделали с моей квартирой! И этот сарай вы хотите подсунуть мне обратно! Да вы знаете, кто вы? Вы... вы...

Мне опять не удалось узнать, кто я. Сосед-меломан грянул всеми своими децибелами. Все потонуло в грохоте горного обвала.

Дальнейшее происходило, как в немом кино, только аккомпанемент был современный, сверхзвуковой. Ее глаза метали голубые искры, она размахивала перед моим носом мокрой тряпкой, ползала на коленях по квартире, мыла, выжимала, опять мыла. Она двигала шкафы, столы и кресла, срывала гардины, не знавшие стирки, и топила их в ванне. Наконец, она упала в кресло и по-хозяйски огляделась.

— Ну, теперь, пожалуй, можно поменяться обратно,— с некоторой грустью сказала она...

— Обратно?! Ни за что на свете! Ни шило на мыло, ни мыло на шило! Довольно! Наменялся!.. Впрочем, разве только если вашу двухкомнатную, то есть бывшую мою, и мою двухкомнатную, то есть бывшую вашу, на одну трехкомнатную не выше четвертого этажа и не ниже высшей категории...

— Вы предлагаете мне съехаться с вами! — завопила она.— Да вы знаете, кто вы?.. Вы... вы...

На днях мы переезжаем. Наконец-то я получу возможность выяснить, кто я...

НАПОМИНАНИЕ ОБ... АЗБУКЕ

Азбуке, без которой немыслимы цивилизация, прогресс, разумная жизнь на земле, посвящена эта книга грузинского писателя Владимира Алпенидзе.

В ней повести «Волшебное перо жар-птицы» и «Мальчик и золотые облака», в сказочно-увлекательной, лирической форме рассказывающие об истоках русской и грузинской азбук — кириллице и мхедрули.

Три грузинских мальчика («Волшебное перо жар-птицы») собрались в путь, чтобы постигнуть все секреты букв русской азбуки, ее мудрость и красоту. Тяжел этот путь, много, казалось бы, непреодолимых препятствий на этой тернистой дороге, но, как учит их Илья Муромец, «не след чужими победами гордиться, надобно самому побеждать научиться»...

Жар-птица на своих крыльях перевозит их в страну каждой буквы. Множество знаний, интересных фактов из истории, тайн земли и жизни узнает читатель на их увлекательном пути.

Вот Мерцхала на крыльях жар-птицы прилетел к удивительному березовому лесу. Вышел из рощи лесной царь и обратился к нему с вопросом: «Скажи-ка мне, кто первый из грузинских поэтов упомянул Русь? Если ты ответишь, отопрутся все девять замков в волшебной горе и путь тебе откроется к постижению тайн азбуки». Мальчик ответил правильно. Путь продолжается. Мерцхала вычитал на бересте сказание о кириллице, о мудром Кирилле и его брате Мефодии, о тернистом пути внедрения нового алфавита на Руси и других славянских странах.

Вторая повесть-сказка называется «Мальчик и золотые облака». Здесь рассказывается история грузинской азбуки, «выводящей народ из мрака тьмы и незнания». Повесть начинается рассказом о грузинском просветителе конца XIX — начала XX века Иакобе Гогебашвили, который написал «Дэдаэна» («Родной язык»), «Бунэбис кари» («Врата природы») и «Русское слово». «После Дэдаэны» ты сможешь прочесть все сто тысяч грузинских слов»,— говорит дедушка Миндиа своему внуку Вахуштели.

Высокопоэтичен рассказ и о несравненной вязи грузинской азбуки, чью графику «холили и лелеяли веками». Автор сравнивает грузинскую азбуку с бесстрашным воином, ведь она устояла перед натиском персидского, латинского, арабского, турецкого и других языков. И недаром в рисунке букв мхедрули было много щитов, мечей, копий, стрел.

«Азбука — факел света, и его не погасить ни пролетающим бурям, ни врагам, ни тиранам, потому что она освещена... огнем сердца народа...» — так заканчивается книга.

Две повести входят в нее — разные по стилю, по форме, по задумке, но схожие по глубине мысли, разнообразию красок, по широте фантазии. Если первая напоминает беспредельную степь, широкие реки и необъятные моря, то вторая, повесть о грузинской азбуке, навевает воспоминание о шумных водопадах, снежных вершинах, зеленых горах и цветущих долинах. Поэтична и мудра эта своеобразная энциклопедия истории рождения алфавита двух народов, прекрасно переведенная К. Коринтэли и В. Зининой.

Владимир Алпенидзе. Волшебное перо жар-птицы. Мальчик и золотые облака. Тбилиси. Издательство «Мерани», 1978, 232 с.

Н. МИКАВА

ТЮЛЬПАНЫ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Мы познакомились в небольшом офисе фирмы «Д. В. Лефебер и К°» на национальной выставке Нидерландов. Карелу Д. Лефеберу меня представил член-корреспондент Академии наук СССР, заместитель директора Главного ботанического сада Петр Иванович Лапин.

— «Огонек»? — с лукавинкой переспросил Лефебер.— Тюльпана с таким именем я пока не знаю...

Беседа пошла легко, говорить с известным голландским селекционером было на редкость приятно.

— С какими цветами вы приехали в Москву? — спросил я.

— В это время года (зима, она и есть зима!) нелегко выбрать хорошие цветы, но наши селекционеры, первоклассные специалисты, сумели вывести такие вот гиацинты,— и Карел Д. Лефебер показывает роскошные цветы.— В Москву очень приятно привозить цветы. В некоторых странах новый цветок надо рекламировать. А здесь, у вас, он сразу находит понимание. Я заметил, что в Москве не просто любят цветы, но и понимают их, как говорится, с полуслова.— И добавляет уже по-русски:

— Это правда!

— Люди, которые любят цветы, как правило, хорошие люди,— высказывает он мысль, давно, видимо, сформулированную и продуманную им.

— Выведенные у вас тюльпаны хорошо знают в нашей стране,— говорю я.

— Это естественно. Много лет тому назад мой отец, Дирек Вильям Лефебер, привез в Голландию луковицы тюльпана русской селекции. Работы оказались не простыми, но увенчались успехом. Была создана группа тюльпанов, которые специалисты знают как «Дарвинский гибрид». От него и пошли многие нынешние сорта и разновидности. В голландском цветке есть русская «кровь»! А цветок верен зову крови. Ведь цветы, как и люди, скучают без родины...

— Вы частый гость в Москве, господин Лефебер?

— Особенно люблю приезжать весной. Испытываю большое удовольствие, когда на улице вижу мужчину, который несет букетик моих тюльпанов своей любимой, к Дню Восьмого марта.

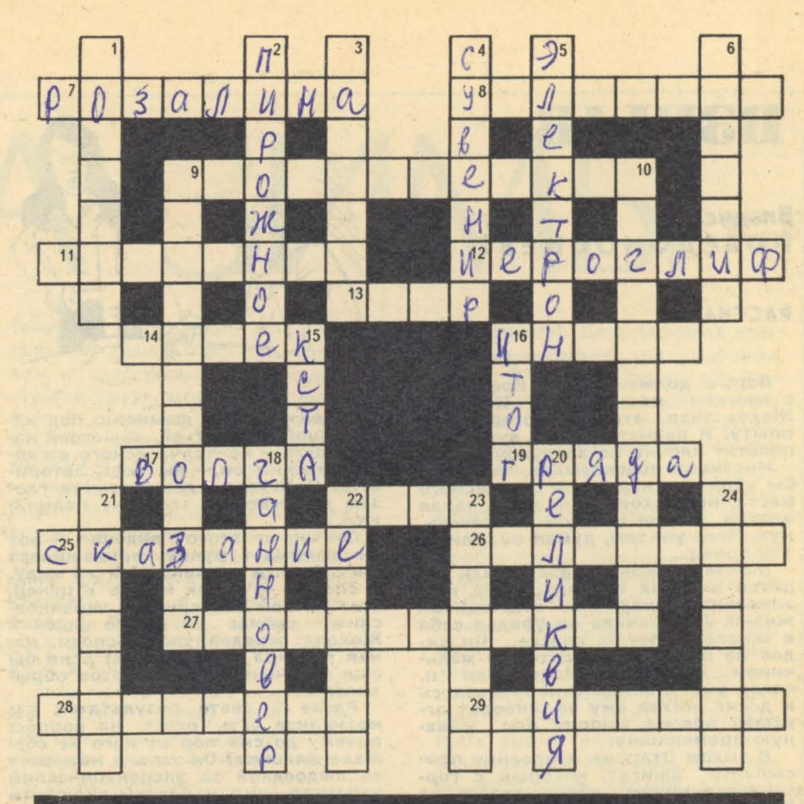
Мы гордимся тем, что один из лучших тюльпанов фирмы посвящен памяти Ленина,— продолжал наш собеседник.— Несколько тысяч таких цветов высажены в Александровском саду около Кремля. Весной москвичи могут прийти сюда, посмотреть и сказать, достойны ли наши цветы памяти великого человека.

— Несколько слов читателям «Огонька» накануне Нового года.

— Я могу их записать?

Карел Д. Лефебер достает авторучку и на странице моего блокнота пишет: «Я желаю всем читателям «Огонька» счастья и успехов в Новом году. Для меня всегда будет удовольствием возможность подарить счастье моими цветами...»

К. БАРЫКИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Действующее лицо в опере В. Моцарта «Свадьба Фигаро». 8. Чертежный инструмент. 9. Музыкант. 11. Лесная птица отряда голубей. 12. Письменный знак. 13. Река во Франции и ФРГ. 14. Чехословацкий космонавт. 16. Город в Индии. 17. Марка советского легкового автомобиля. 19. Продолговатая возвышенность, гряда со склонами, поросшими лесом. 22. Атмосферные осадки. 25. Старинная лирическая песня славянских народов. 26. Поэма для оркестра и хора С. В. Рахманинова. 27. Драматург, актер, один из основателей украинского профессионального театра. 28. Актриса Малого театра, народная артистка СССР. 29. Искусное подражание.

По вертикали: 1. Русский физико-химик, академик. 2. Кондитерское изделие. 3. Северное созвездие. 4. Вещь, сохраняемая на память, подарок. 5. Элементарная частица. 6. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 9. Декоративный, лекарственный кустарник. 10. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 15. Лососевая рыба. 16. Общая сумма, результат. 18. Порт в ФРГ. 20. Особо чтимая, дорогая по воспоминаниям вещь. 21. Певчая птица. 22. Математический знак. 23. Радиоактивный химический элемент. 24. Окончание слова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. Улита. 7. Ареометр. 9. Реология. 11. Эпиталама. 14. Батальон. 15. «Птицелов». 16. «Работница». 19. Свешников. 21. Скутерист. 24. Башмачкин. 28. Текстиль. 29. Синоптик. 30. «Раскаянье». 33. Арфистка. 34. Каракуль. 35. Лидер.

По вертикали: 1. Бурки. 2. Цикламен. 3. «Марта». 4. Бонифачо. 6. Кобулети. 8. Реклама. 10. Иваново. 12. «Провинциалка». 13. Миттельшпиль. 17. Туше. 18. Аист. 19. Сруб. 20. Нева. 22. Крейсер. 23. Тасмания. 25. Чапаевка. 26. Инициал. 27. Пирамида. 31. Скала 32. Накра.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Светлана Коваленко — солистка ансамбля «Счастливое детство».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В детском плавательном бассейне. * Дворец культуры и техники Ярославского моторного завода. Выступает эстрадный оркестр, солистка — лауреат I Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства Ирина Ильяная. * Бригадир Александр Сурков. * Участок испытания двигателей. * Нина Солодовникова и Ольга Лебедева замеряют уровень шума. * Детская хоккейная дружина.

(См. в номере материал «Беседа пропагандиста»)

Фото М. САВИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 285-79-64. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.12.79. Подписано к печати 18.12.79. А 00771. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 3007. Заказ № 1578.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

— Не поскользнитесь, господа!

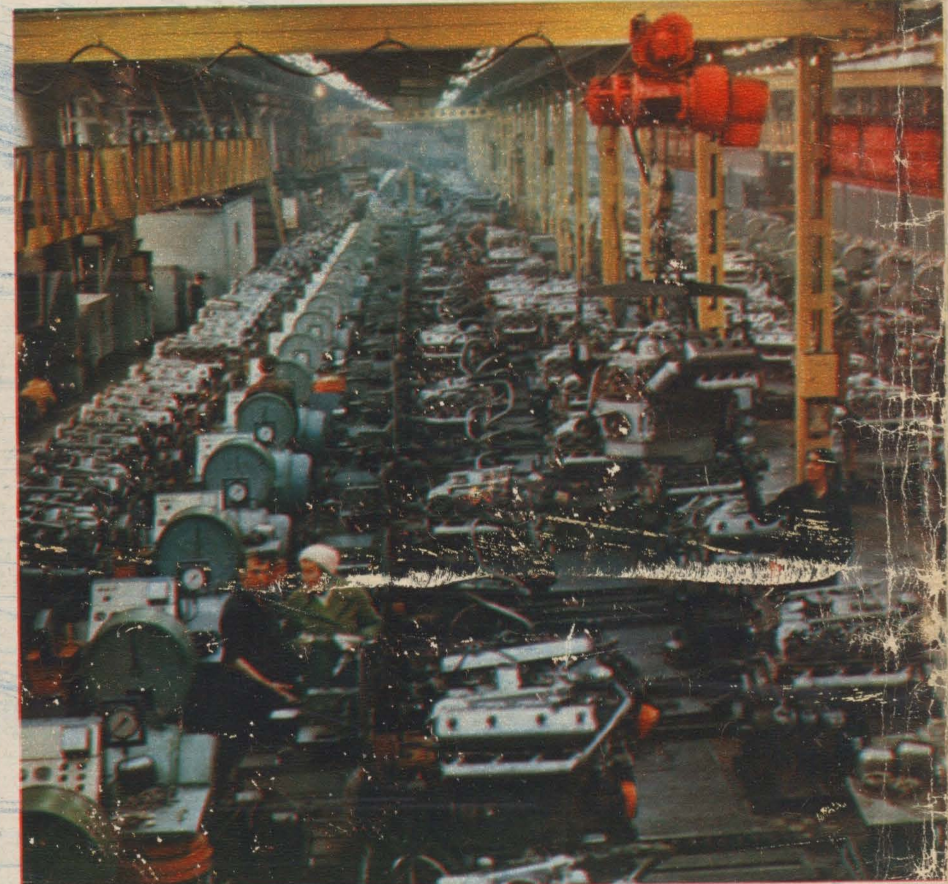
НАТОВСКИЙ «ЦИРК НА ЛЬДУ»

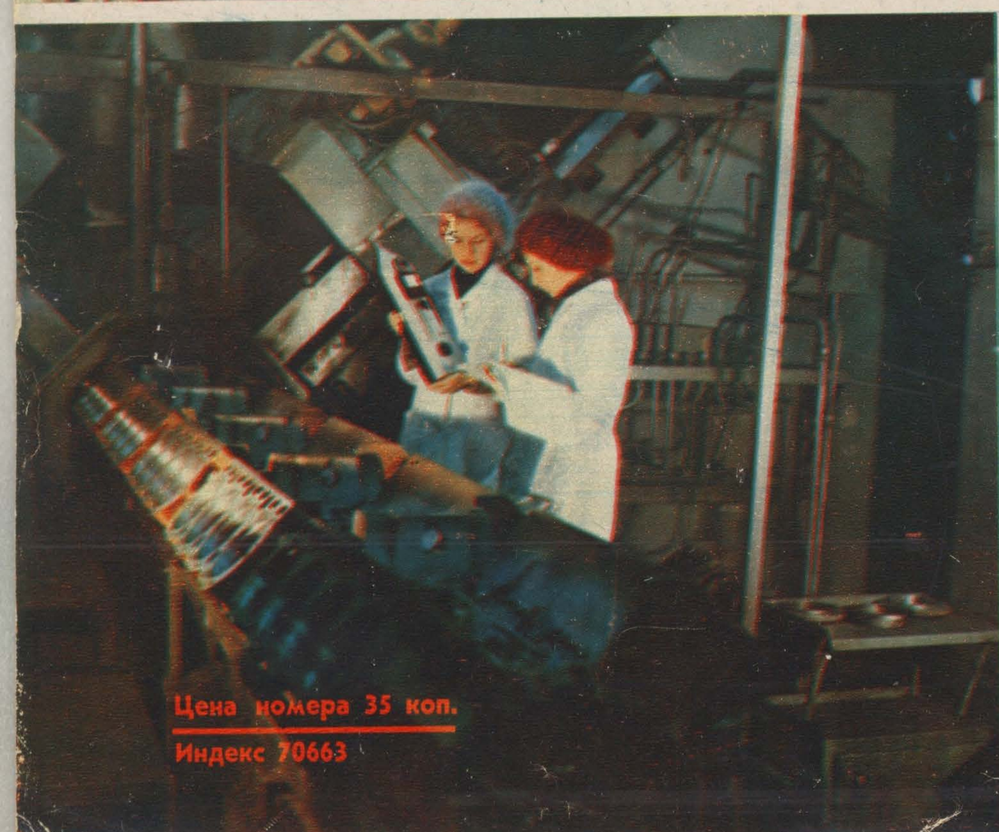
Рисунок народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

